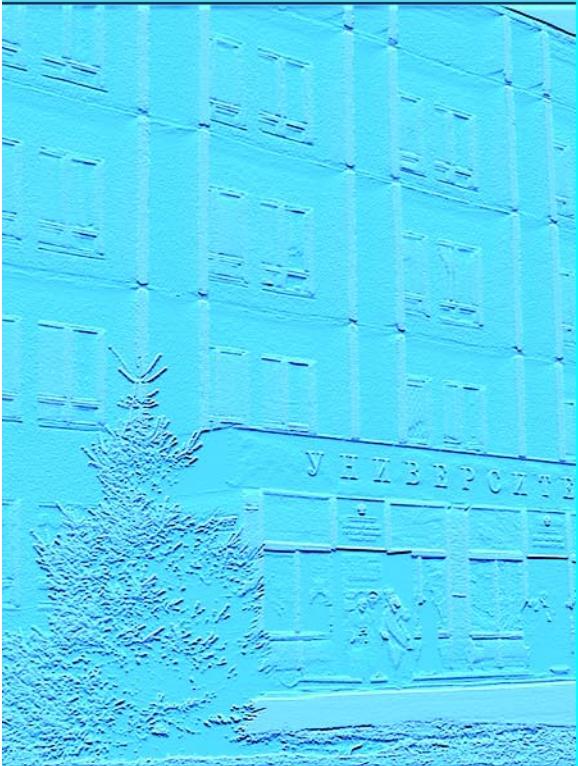

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

научный журнал

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

№3 ОКТЯБРЬ-
ДЕКАБРЬ
2008

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2008. №3(3) Октябрь—Декабрь

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН
(г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе
(г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) —
доктор философских наук, профессор,
академик РАЕН, ректор ГАГУ
(г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН
(г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора)
кандидат исторических наук, доцент
(г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор
(г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 15.12.2008. Формат
60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз.
Зак. №08932

Отпечатано в типографии
ИП «Высоцкая Г.Г.»

649007, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 199-

© Горно-Алтайский государственный
университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
соблюдение законов об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых
материалов

СОДЕРЖАНИЕ

Арыкова Н. Г. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946-1970 гг.)	2
Бутанаев В. Я. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КЫРГЫЗСКОГО ГОСУДАРСТВА	5
Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ ХАКАСОВ	11
Дацышэн В. Г., Модоров Н. С. ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ ПРИАМУРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА	16
Дворников Э. П. ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУР НОМАДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ	22
Иванов А. В., Модоров Н. С. ЕВРАЗИЯ, ГЕОПОЛИТИКА И САЯНО-АЛТАЙСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	25
Летов А. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИУСАДЕБНОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	30
Мамбеталиева Г. С. ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ: МИССИЯ, ЧЛЕНСТВО, СТРУКТУРА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	33
Модоров Н. С. НАРОДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ АГРЕССИИ ЦИНСКОГО КИТАЯ. 1753-1756 гг.	35
Мукаева Л. Н. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТА И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX В.	42
Новиков И. А. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЮЖНОГО УРАЛА в XVIII веке	47
Селиверстов С. В. ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА «ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	51
Чегодаев А. Б. ДОКУМЕНТЫ П. И. КАМЕНСКОГО (АРХИМАНДРИТ ПЕТР), ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОНДЕ Г. И. СПАССКОГО АРХИВНОГО АГЕНТСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	55
Чедуррова Е. М. СИБИРСКИЙ ПРОМЫШЛЕННИК-КООПЕРАТОР АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БАЛАКШИН	58
Эбель А. В. К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОШ-АГАЧСКОГО РАЙОНА	60
Ганболд О. М. ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ У ОЙРАТОВ-МОНГОЛОВ (на примере алтайских урянхайцев и захчинов)	64
Мезенцев Р. В., Модоров Н. С. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ «ДОБРОДЕТЕЛЕЙ» В ХАРАКТЕРЕ М. Я. ГЛУХАРЕВА (1792-1847) — БУДУЩЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ НАРОДОВ АЛТАЯ	68
РЕЦЕНЗИИ	72
ИНФОРМАЦИЯ	74

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, Университет,
редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

Н. Г. Арыкова

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946-1970 гг.)

На основе анализа опубликованных и архивных документов в статье освещена история развития профессионально-технического образования в Горном Алтае в послевоенный период.

Послевоенное время, квалифицированные кадры, промышленность, сельское хозяйство, профессионально-техническое училище

Победоносно завершив Великую Отечественную войну, советские люди направили все свои усилия на то, чтобы как можно быстрее восстановить все, разрушенное войной. А восстанавливать было что. Согласно источникам, в развалинах лежали 1710 городов нашей страны, было разрушено и сожжено фашистами свыше 700 тыс. сел и деревень, уничтожено почти 32 тыс. заводов и фабрик, 65 тыс. километров железнодорожных путей, затоплено и взорвано 1135 шахт, разграблено 427 музеев и 43 тыс. библиотек. Прямой материальный ущерб, нанесенный войной составил почти треть национального богатства страны [1, с.420].

Горный Алтай, как известно, находился далеко от театра военных действий. Однако это, не спасло и его от «потерь». За годы военного лихолетья в области (если брать во внимание только ее промышленность) значительно сократились производственные площади и мощности, война на много лет задержала и процесс технического оснащения промышленных предприятий, оторвала от производства немалое количество квалифицированной рабочей силы. Все это вместе взятое и привело к существенному снижению (в 1945 г. на 18,4%, по сравнению с 1940 г.) объема валовой продукции промышленности области. Снизилась за годы войны — почти на 30% — средняя выработка на одного рабочего [2, л.1].

В силу всего этого, главной задачей трудящихся Горного Алтая в первой послевоенной пятилетке стало восстановление и дальнейшее расширение производственных площадей, техническая реконструкция предприятий, а также подъем производительности труда. За счет этого планировалось превзойти уровень 1940 года по выпуску валовой продукции промышленности по государственным предприятиям в два раза, а по предприятиям промысловой кооперации почти в полтора раза [2, л. 1].

Эти, без преувеличения, сложные задачи социально-экономического развития Горного Алтая на 1946-1950 гг. были обсуждены на XVI сессии областного Совета депутатов трудящихся. По результатам ее работы было принято развернутое постановление («О задачах Советов Ойротской автономной области по выполнению закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.»), в котором были определены пути выполнения первой послевоенной пятилетки. В связи с этим, сессия призвала местные

Советы еще более усилить хозяйственную работу, глубже вникать им в производственную деятельность предприятий, своевременно и действенно поддерживать творческую инициативу трудящихся, активно развивать различные виды и формы социалистического соревнования [3, л. 46-51].

Приняв столь высокие обязательства, всецело соответствовавшие союзному «Закону о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг.», трудящиеся Ойротии направили все свои силы на их выполнение. Благодаря этому, уже в первом послевоенном году они добились неплохих результатов, в частности, общий объем производства (валовая продукция промышленности) превзошел в 1946 году довоенный уровень на 2 с лишним процента [4, с. 3]. Однако состояние промышленности в целом, особенно в разрезе отдельных ее отраслей, продолжало оставаться неудовлетворительным. Наиболее неблагополучным было положение в лесной и сырьеделательной промышленности. В них (да и в других тоже) ощущался острый недостаток в рабочей силе (60% к плану), транспортных средствах (35% к потребности), что существенно сдерживало рост производительности труда в отраслях. И как результат этого — произошло повсеместное снижение производства продукции. К примеру, в леспромхозах оно сократилось в целом (по сравнению с уровнем 1940 г.) в 8 раз [4, с. 3]. Не лучше обстояло дело и в сырьедельной промышленности, где из-за низкого технического оснащения предприятий данной отрасли был не выполнен план по основным видам продукции, снижена на 8,9% производительность труда, а себестоимость продукции увеличена в 1946 году (на 16%, против плановой) [4, с. 3].

Аналогичное положение было и в некоторых других отраслях промышленности системы облмстпрома, облпищепрома, крайлегпрома и др. Особенно низок был уровень технической вооруженности труда рабочих. Так, в системе облмстпрома имелось всего 2 токарных станка [5, л. 10]. В силу отсутствия технического оборудования (а такая ситуация была характерна не только предприятиям металлообработки, но и обозостроению, кирпичному, валяльному и другим производствам), большинство работ производилось на предприятиях вручную [5, л. 10].

Как известно, одним из главных показателей уровня развития промышленности было (и по сей

день остается) производство товаров на душу населения. Если взять потребительские товары, на изготовление которых специализировалась промышленность Горного Алтая, то следует отметить, что в первый послевоенный год уровень их производства оставался весьма невысоким. Поэтому элементарные потребности населения области удовлетворялись всецело за счет ввоза этих товаров из других областей.

Значительный негативизм в работе промышленности в значительной степени зависел от того, что ее предприятия (и даже отрасли) работали на привозном сырье, что почти исключало возможность использования ими местных ресурсов. Однако понятие этой «проблемы», еще не означало ее реализацию на практике. Потому-то отдельные отрасли промышленности, к примеру, производство стройматериалов на месте, вместо закономерного расширения, наоборот, начали «свертываться» и сокращать производство. И как результат этого — доля привозного сырья в общем объеме промышленного производства области стала возрастать. В частности, в 1946 году она достигла почти 55% [6, с. 410].

Неудовлетворительная работа промышленности в значительной степени являлась и результатом отсутствия необходимых производственных площадей, а также использования предприятиями устаревшего оборудования, машин и станков. Однако в первые годы четвертой пятилетки решить данные проблемы не удалось. Это, в известной степени, было сделано только в 1949 году, когда капитальные вложения в промышленность были увеличены: они достигли тогда 7,5 млн. рублей, что позволило области ввести в строй 2 сырзавода, способных перерабатывать 600 тыс. тонн молока в год, 3 рамных лесозавода, 7 пихтоваренных установок, смолоскипидарный и кирпичный заводы, приготовительные цеха в промартели «Текстильщик», гидроэлектростанции в промартели «Большевик» и сапогово-заправильной фабрике. Тогда же, в 1949 году, впервые стали использоваться в работе государственных лесозаготовительных предприятий области трелевочные трактора, лебедки, мото- и электропилы [6, с. 411].

Указанные нововведения, безусловно, способствовали подъему производительности труда в отрасли, увеличению количества и качества производимой продукции в целом. И, тем не менее, с повестки дня, по-прежнему, не сходил злободневный (не только для Горного Алтая, но для страны в целом) вопрос: подготовка квалифицированных кадров и для промышленного, и для сельскохозяйственного производства.

Учитывая актуальность данной проблемы в разрезе страны, правительство предпринимает меры к ее решению. В связи с этим, следует отметить, что таковые оно предпринимало и в довоенный период. В частности, 2 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О государственных трудовых резервах», который обязывалственные и хозяйственные структуры всех уровней форсировать (в условиях надвигающейся военной опасности) подготовку рабочих массовых профессий во всех районах страны, особенно в восточных [7, с. 102]. К числу таковых был отнесен и Горный Алтай.

Как всегда это водилось в то время, партийно-советские и хозяйственные органы рьяно взялись за реализацию вышеназванного указа. На всех уровнях постоянно декларировалось о необходимости проведения планомерной и систематической работы по подготовке квалифицированных трудовых кадров. К сожалению, дальше деклараций дело так и не пошло. Об этом прямо говорилось в постановлении Правительства СССР и ЦК ВКП(б), увидевшим свет в декабре 1940 года. Отмечая отдельные успехи в подготовке квалифицированных рабочих для промышленности, оно уделило главное внимание тому, что не было сделано и наметило, в связи с этим, меры по устранению отмеченных в работе на местах недостатков [8, с. 185-191].

Однако реализовать их, помешала война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом. И лишь победоносно завершив ее, страна вернулась к решению вышеизначенной проблемы, правда, не столь активно как в довоенный период, поскольку тогда на первый план выходила задача наискорейшей ликвидации всего того, что было разрушено войной. Вместе со всей страной приступили к ее решению трудящиеся Горного Алтая. Памятую, что выполнение намеченного во многом зависит от обеспечения народного хозяйства кадрами, партийно-советские и хозяйственные органы области определили для себя подготовку рабочих кадров как задачу не только первостепенной, но и государственной важности. Однако в годы четвертой пятилетки, он не была решена. Ее плановые задания выполнялись, главным образом, «числом», а не техническим «совершенством исполнителя», а также трудовым энтузиазмом масс, который умело поддерживался и направлялся господствовавшей тогда в стране идеологией. Благодаря всему этому, валовая продукция промышленности области сумела к концу пятилетки превзойти довоенный уровень почти на 11% [9, с. 9].

Однако более тщательный анализ хозяйственной деятельности промышленности области в годы четвертой пятилетки, показал, что в ее развитии имелись и серьезные недостатки. Наиболее важными из них (характерные для развития ее отдельных отраслей, в частности, лесной, сырьевой, мясной и предприятий промысловой кооперации) являлось отсутствие в них комплексной механизации, хороших технологических конструкций, схем и карт производственных процессов, что, в конечном счете, не позволяло им работать более производительно. Сопутствующим «моментом» бытования указанных недостатков в их работе было и отсутствие квалифицированных рабочих кадров, которые могли бы со знанием дела управлять таким технологическим процессом.

Об этих и других недостатках, препятствующих производительно работать промышленности, о «качественном пополнении рабочего класса, путем создания сети учебных заведений трудовых резервов, с непременным учетом потребностей и специфики отраслей народного хозяйства», открыто говорилось в феврале 1951 года на специальной сессии областного Совета депутатов трудящихся. Обсудив поднятые на ней вопросы, она приняла развернутое постановление, направленное на устранение отмеченных недостатков [6, с. 410].

Однако ее правильные и «технически обоснованные решения», направленные на «подъем промышленности на новый уровень развития», остались, как не раз уже это бывало, опять только на бумаге, а сама данная отрасль народного хозяйства области продолжала работать «по старинке». Это обстоятельство стало предметом обсуждения на очередном областном форуме — собрании областного партийно-советского актива местной и кооперативной промышленности в июле 1951 года. Сравнивая материалы того и другого собрания, можно утверждать, что и на первом, и на втором в разделе «недостатки» фигурировали одни и те же «узкие места», которые и в феврале, и в июле рекомендовалось «устранить в самое ближайшее время» [10, л. 42-205]. К сказанному, следует добавить, что эти «недостатки» уже устраивались в годы четвертой пятилетки (1946-1950 гг.), а ныне (в годы пятой пятилетки) их «выявляли вновь» и в очередной раз «призвали ликвидировать их».

Но, говоря об этом «негативе», следует, спрашиваясь о справедливости ради, отметить, что он был порожден не нежеланием местных партийно-советских и хозяйственных органов работать в указанном направлении, а сложившейся в стране практикой финансирования тех или иных регионов. Главный критерий в определении их «значимости» для центра заключался в одном: был ли он «индустриальным» краем (областью), приоритетное место в развитии которого занимала тяжелая промышленность (считавшаяся «основой развития народного хозяйства и роста материального благосостояния и культурного уровня советского народа») или это был аграрный район. Поскольку Горный Алтай относился к числу последних, то и финансирование его осуществлялось по соответствующей «сетке». В справедливости сделанного вывода, всецело убеждают «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 гг.». В них, как и раньше, подчеркивалась необходимость дальнейшего и преимущественного развития тяжелой промышленности как важнейшего условия развития всего народного хозяйства и роста материального благосостояния и культурного уровня населения СССР [6, с. 415].

Исходя из данной дилеммы, в Западной Сибири предусматривалось дальнейшее развитие металлургии, энергетики, угольной промышленности и строительной индустрии. Ничего этого в Горном Алтае не было, а посему рассчитывать на серьезные капиталовложения, ему не приходилось. Единственной надеждой в этом плане в области оставалось капитальное строительство — под его развитие центр отпускал дополнительные средства. Делалось это, опять-таки, в ответ на ходатайство местных партийно-советских органов. Такое, к примеру, постановление было принято Совмином РСФСР в январе 1953 года. В соответствии с ним, нашей автономии было выделено — дополнительно — на «капитальное строительство новых жилых домов, школ, интернатов, на благоустройство г. Горно-Алтайска и сел области свыше 3,5 млн. рублей [6, с. 415].

Недостаточное финансирование промышленности Горного Алтая, а также не всегда рациональное

использование тех капиталовложений, которые были выделены краю центром, неизбежно приводило к негативному результату: медленному росту производственных мощностей и совершенствованию технологического процесса. В силу этого, ни предприятия облместпрома, ни промысловой кооперации не имели к концу 1953 года «более или менее механизированного производства». Существенную, если не основную роль в неудовлетворительном развитии промышленности области играли «распыленность производства», а главное, — отсутствие «необходимых квалифицированных кадров», в «работе с имеющимися, предприятия допускали серьезные недочеты». К тому же многие из них, а также рабочие, их обслуживавшие, не всегда имели четко выраженного «производственного профиля», а потому они нередко переключались на производство (в ущерб основному и вопреки плановым заданиям) не свойственной им продукции, расходуя на ее производство «плановое сырье» [6, с. 420].

Порочная практика работы промышленных предприятий «по заказам оптовых потребителей» была характерна не только фабрикам, заводам и промартиям Горного Алтая, но и других регионов страны. Поэтому руководство СССР, обсудив создавшееся положение, призвало партийно-советские и хозяйственные органы всех уровней изменить «коренным образом» работу промышленности, усилить технический прогресс в ней. Иначе говоря, июльскийplenум ЦК КПСС (1955 г.) потребовал незамедлительной замены устаревшей техники на промышленных предприятиях, повышения уровня механизации и автоматизации, внедрения научных предложений и изобретений в производство. Особое внимание он обратил на специализацию и кооперирование промышленности, совершенствование организации труда и системы оплаты, улучшение качества продукции и снижение ее себестоимости [6, с. 421].

Реализация решений plenума ЦК началась в области с «совершенствования организационной структуры промышленности: были ликвидированы промысловые артели, а их промфонды были переданы местной промышленности областного и краевого подчинения. На базе их было создано 15 крупных и специализированных предприятий. К примеру, промартель «Текстильщик» была реорганизована в ткацкую фабрику, промартель «Электрометалл» (Рособозпромсоюза) — в обозостроительный завод Республиканского подчинения, сапоговальяльное предприятие — в гардинно-тюлевую фабрику краевого подчинения и т. д. [6, с. 421]. К сожалению, дальнейшая реструктуризация работы «по подъему» промышленности области, повышению технического уровня производства, обеспечению его квалифицированными кадрами не пошла. Как и в прошлые годы, конечный результат работы каждого предприятия достигался не на основе технического прогресса, а на энтузиазме, «морально-волевом настроении работника» и постоянном социалистическом соревновании, посвященному то одному, то другому памятному или юбилейному событию в истории партии и нашего государства.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. — М., 1985.
2. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 68.
3. Там же. Ф. 33. Оп. 20. Д. 3.
4. Плановая комиссия Горно-Алтайского облисполкома. Итоги работы промышленности за 1946 г.
5. ГАРА. Ф. 58. Оп. 5. Д. 2.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
7. Чирков А.Д., Аладышева З.С. Развитие профессионально-технического образования на Алтае. 1920-1969 гг. — Барнаул, 1969.
8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1958.
9. Киселев Н.М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946-1963 гг.). — Горно-Алтайск, 1964.
10. ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 37.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.11.08.

N. G. ARYKOVA

FROM THE HISTORY OF DEVELOPMENT THE PROFESSIONAL AND TECHNICAL EDUCATION IN MAUNTAIN ALTAI IN POST-WAR-TAME (1946-1970 years.)

In article, on the basis of published and archival documents throw light the history of development the professional and technical education in Mauntain Altai in post-war-tame (1946-1970 years.).

Post-war-tame, skilled workers, industry, agriculture economy, professional and technical school

УДК 902

В. Я. БУТАНАЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КЫРГЫЗСКОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена изучению ранней истории Кыргызского государства. Исследование основано на материалах летописных источников, работах отечественных и зарубежных историков.

Кыргызское государство, посольские связи, китайские источники, Тибет, Туркский каганат

Кыргызское государство (VI в. н. э. — 1207 г. н. э.) являлось независимым политическим образованием, легитимность которого признавалась соседними державами и поддерживалась посольскими связями. «Хягас было сильное государство, — констатировали китайские источники IX в., — по пространству равнялось тюкюеским владениям [т. е. Туркскому каганату — В. Б.]. Тюкюеский Дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На востоке простипалось до Гулигани [т. е. до курыканов в Прибайкалье — В. Б.], на юг до Тибета, на юго-запад до Гэлолу [Карлукское государство, располагавшееся на юго-востоке Казахстана — В. Б.]» [1, с. 354]. Во времена «кыргызского великодержавия» (IX в. н. э.) китайский император в своих письмах обращался к кыргызскому кагану со следующими словами почтения: «Вы, хан, подобны блестящей Северной Медведице. (Вы) геройствовали на севере пустыни и стали правителем. Таланты (Ваши) сияют, как верхушка бунчука. (Вы) разделили границы и создали государство; особо проявили героический дух, давно известны талантом управления». «Ваша мощь потрясает северные страны, слава достигла Северных ворот [китайской столицы]» [2, с. 21-27]. От имени китайского двора кыргызский каган имел титул — «Потомственный герой, воинственный искренний и светлый каган» [3, с. 125].

Главой всего подданного народа и хозяином всего пасущегося скота в Кыргызской стране являлся хан. Его слова служили законом и поражали ослушников «как острое лезвие сабли». В тюркских

кочевых обществах институт ханской власти возник из власти родовых вождей, ибо в тюркских языках, и хакасском в частности, понятие «кровь» и «правитель» передаются одним и тем же термином «хан». Таким образом, хан первоначально обозначал правителя единокровных родственников. Им становился тот, кто сумел захватить власть при поддержке своих родичей. Вероятно, в связи с этим у хакасов до сих пор бытует пословица: «человек, имеющий родственников, подобен хану, безродный человек подобен рабу».

Арабский писатель XIII в. Закарий ал-Казвии излагал в своем труде следующие сведения о кыргызском правителе: «У них есть царь, которому они подчиняются, потому что он знает, как умиротворить их. Никто не может сесть при его присутствии, если ему не исполнилось сорока лет» [4, с. 110]. Согласно кыргызским законам ханом мог стать только правитель, перешагнувший сорокалетний возраст. У хакасов также сорокалетний возраст считался самым важным рубежом жизни. До сорока лет запрещалось занимать высокие общественные посты, произносить благословения, употреблять спиртные напитки и т. д. Только после сорока лет приходит житейская мудрость.

Енисейские кыргызы для обозначения государства применяли термин «эль». Как и в других тюркских языках, слово «эль» употреблялось в двух значениях: 1) элитарная часть населения, связанная родственными узами с ханом и бегами; 2) государство или союз племен, возглавляемые элитарной группой. В каждом древнетюркском государстве во

главе стояли правители, принадлежавшие к аристократическим родам, называемые «небесным элем» (тенгри эли).

Народ и правящий «эль» дополняли друг друга. Хан «держал эль» и возглавлял «будун» (простой народ), т. е. ему принадлежала как гражданская, так и политико-административная власть.

Согласно хакасскому фольклору хан, вступивший на престол, обещал народу: «безлошадных людей я посажу на коней, нагих людей я одену в платья». Такая формула правления народом сложилась еще во времена Тюркского каганата. Например, в памятнике в честь Кюль-Тегина от лица правителя говорится: «(Я) снабдил платьем нагой народ, сделал многочисленным малочисленный народ» [5, с. 40]. Выступая главой «гражданского управления», хан действовал по праву старшего в роду. Одновременно с этим он отправлял должность военного предводителя, верховного судьи и жреца. Деятельность хана направлялась Великим Небом — «Тенгри». Эта божественная благодать, нисходящая на хана с небес, в тюркских языках выражалась понятием «хут» — т. е. жизненная сила.

Хан был первым среди равных, о чем свидетельствует обряд интронизации, носивший у тюрков название «хан кутерме» — букв. поднятие хана (на престол). Высшие сановники усаживали наследника на белый войлок и девять раз по движению солнца обносили его вокруг ритуального жертвенника с напутственными словами, что если он будет действовать против воли вечного Творца, то в наказание у него из всех богатств останется один только войлок, на котором он сидит. В ответ хан произносил: «И так отныне слово мое будет меч». Необходимо отметить, что в хакасском героическом эпосе сохранилось аналогичное высказывание правителей Хонгорая: «лезвие сабли — острое, язык хана — закон». Как отмечали в своих исследований востоковеды, церемония интронизации хана у тюрков была такой же, как и интронизация шамана в шаманизме и, вероятно, возникла из этих первобытных недр [3, с. 99].

В Кыргызском государстве сформировалась династия власти, известная под названием «Ажо» или «Ажэ». «Их правитель называется Ажэ, поэтому фамилия дома Ажэ». «У него водружено знамя. Прочие прозвываются названиями поколений» — сообщали танские хроники [6, с. 352]. Судя по китайским источникам, «Ажо» (Ажэ) — это и титул правителя, и клановое имя правящего дома кыргызов в VIII-IX вв. Среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о значении этого кыргызского слова, переданного в китайской форме.

В связи с этим вопросом вызывает интерес имя загадочного «народа аз», сведения о котором неоднократно встречаются в древнетюркских памятниках письменности VIII в. н. э. [7, с. 102-104]. Согласно мнению тюрколога И. В. Кормушкина, часть азов обитала по южную сторону Западного Саяна, а другая, главная часть, базировалась на север от Саян, на территории современной Хакасии, в непосредственной близости от кыргызов [8, с. 12].

В 711 г., во время военного похода тюркского царевича Кюль-Тегина на кыргызов, в качестве проводника через Когменские горы (Западные Саяны)

был найден человек «из земли степных азов». Он сам утверждал, что его «родная земля — Аз» (Аз иерим) [5, с. 62, 67]. Исходя из контекста, становится ясным, что азы обитали не в таёжных массивах Западных Саян (Когмены), а, как следует из источника, в степных просторах Предсаянья, т. е. долине Абакана. Известный востоковед В. Бартольд давно обратил внимание, что вместе с кыргызами несколько раз упоминается народ аз. Во времена правления тюркского кагана Могиляна народы (э)чики и кыргызы, обитавшие по соседству, но по разные стороны Когменских гор, были его врагами. В памятнике Могиляна повествуется о битвах и победах над (э)чиками, а затем и над азами (аз будун), которых, исходя из контекста, можно отождествить с кыргызами Енисея. В некоторых восточных сочинениях кыргызов даже называли этнонимом «ас» [1, с. 485].

Правитель государства Хягас — Ажо, согласно китайским хроникам, имел пребывание у Черных гор к западу от р. Енисей (Гянь). По сведениям памятников древнетюркской письменности, кыргызский хан проживал в Когменском краю (Когмен ичинте). Под Когменом здесь подразумевались не только Западные Саяны, но и их предгорья в долине Абакана. По всей видимости, указанные источники свидетельствуют об одной и той же ставке кыргызского государя, которая находилась на территории расселения азов.

Для нас большое значение имеют сведения из текстов памятника, сооруженного в честь Кюль-Тегина, где конкретно говорится об «азском народе» (аз будун) кыргызского кагана Барс-бека [5, с. 38]. Многие тюркологи, включая известного ученого С. Е. Малова, читают выражение «аз будун» как «немногочисленный народ» и не вкладывают сюда этнического понятия. Двусмысленность подобных переводов связана с тем, что в тюркских языках слово «аз» имеет также значение — «малый, незначительный». В данном случае стоит обратить внимание на первоначальные чтения этих строк, которые в свое время сделали В. Радлов и Н. Козьмин, т. е.: «Я устроил страну Аз-kyргызов» [9, с. VIII].

Несомненно, сочетание «аз-kyргыз» нельзя читать «немногочисленные кыргызы», ибо в древнетюркских текстах подчёркивается: «Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган». Китайские источники также подтверждают: «Цзянгунь [т. е. кыргызы — В. Б.] — это сильное государство».

Среди памятников кыргызской письменности выражение «народ аз» (аз будун) не встречается, однако в переводах В. Радлова имеется сочетание «ач будун» — народ ач [10, с. 59]. Не исключена возможность, что сами кыргызы этноним «аз» произносили как «ач».

Кто же такие загадочные «азы» или «ачы» в Кыргызском государстве? Почему их имя упоминается в тюркских надписях наряду с кыргызами? Исходя из контекста памятника в честь Кюль-Тегина можно предположить, что «азы» соответствовали понятию элитарной части кыргызов. В таком случае народ «аз» или «ач» надо отождествить с царствующей фамилией Кыргызского государства, которая зафиксирована в китайских хрониках в

форме «ажо» (ажэ). Памятники древнетюркской письменности были созданы в то же самое время, когда Танские летописи Китая сообщали о стране Хягас и ее правителях — Ажэ. По всей видимости, указанные китайские формы передавали звучание тюркских этнонимов кыргыз и аз (ач). Согласно китайским летописям, фамилия Ажо происходила из одного рода с царствующим в Китае Домом Тан, уходящим своими корнями к знаменитому полководцу Ли Лину. До сих пор среди хакасских родов имеется сеок «ажыг», который признавался родственным сеокам «ызыр» и отождествлялся с потомками древних кыргызов [11, с. 20-21]. Вполне возможно, сеок «ажыг» исторически связан с древним народом «ач» и кыргызским правящим домом «ажэ».

В VIII — X вв. н. э. кыргызские правители стали носить титул каган. Таким титулом величались стоящие во главе иерархии высшие правители древнетюркского общества, создавшие кочевые империи Центральной Азии. Первым кыргызским каганом стал Барс-бег. Турецкий каган Капаган был вынужден признать за ним право именовать себя титулом кагана и отдать ему в жены княжну, dochь кагана Кутлуга Эльтереса [5, с. 38]. Вероятно, это произошло вскоре после смерти Кутлуга Эльтереса в 693 году, когда поход Капаган-кагана на север закончился неудачно. Таким образом, Кыргызское государство было уравнено в правах с тюркским каганатом, кыргызский каган был признан равным тюркскому, правящие роды обоих государств заключили мир посредством династического брака.

Кыргызский каган Барс-бег проводил активную внешнюю политику. В 707, 709, 711 годы кыргызские посольства направлялись в империю Тан, а также к Тибетскому хану. В это время тюрки вели с Китайской империей ожесточенную войну и кыргызы оказались в числе ее союзников, несмотря на родственные узы с правящим родом Ашина. Турецкие правители отметили: «Каган народа табгач был нашим врагом. Каган народа «десяти стрел» (тургешей) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: «Да пойдем мы (походом) на Алтунскую чернь». Так они рассудили и сказали: «Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдем на него, как бы то ни было он нас (победит): каган его (т. е. тюркского народа) — герой, а советник его — мудрый, как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (букв. убийцей). Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его...» [5, с. 66-67]. В этой антитюркской коалиции наибольшую опасность для тюрок представляли усилившимся кыргызы, по землям которых было решено на нести превентивный удар. Зимой 710-711 г. тюрки совершили внезапный поход на кыргызов. Во главе тюркского войска стояли знаменитые полководцы Тоньюкук, принцы из правящего рода Ашина Кюль-тегин и Шад Могилян. Тоньюкуку удалось совершить важный стратегический маневр, в обход основного пути по Енисею провести войско через заснеженный Саянский хребет по долине реки Аны (современная р. Она, правый приток Абакана). Благодаря обходному маневру, тюркское войско обру-

шилось на кыргызов внезапно «во время (их) сна». В сражении в черни Сунга погиб кыргызский каган Барс-бег, шурин Кюль-тегина и Могиляна, «а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, — мы завели порядок в немногочисленном (т. е. пришедшем тогда в упадок — С. Малов) народе кыргызов» [5, с. 39].

Однако тюрки не уничтожили кыргызской государственности. Во главе государства остался кыргызский правитель, т. е. потомок Барс-бела и племянник тюркского Бильге-кагана. Он сохранил известную самостоятельность и поддерживал дипломатические связи с другими государствами. Например, в 722 г. к танскому двору «прибыл кыргызский тегин Исибо Шэючже Биши Сыгинь, в 723 г. — тегин Цзюйли Пинъхэчжун Сыгинь. Им обеим были пожалованы военные чины [12, с. 241-242]. Однако военная мощь кыргызов была сильно подорвана. Сохранив самостоятельность, кыргызы, вплоть до падения Второго Тюркского каганата в 745 г., не участвовали в военных действиях в Центральной Азии. Титул кагана кыргызский правитель сохранял до конца X в. н. э. Например, в сочинении «Худуд ал-алам» написанном в 982-983 гг. говорится: «их правителя называют хырхыз-хаканом» [2, с. 48].

Высшие чиновники Кыргызского государства носили титул «бег». Даже первый каган, бывший зятем Эльтереса — правителя второго Тюркского каганата, носил имя Барс-бег. В китайских источниках этот титул передавался формой «бей». «Хягасский» владетель, сообщали танские хроники, имел трех министров: Гиеси Бей (Цисиби), Гюйшабо Бей (Цзюйшабоби) и Ами Бей (Амиби), которые «сообщали управляли государством» [6, с. 354].

К бегам относились правительственные чины племенной аристократии, подразделявшиеся на шесть разрядов.

1. Министры известные под китайским титулом «цайсян». Цайсянов, по китайским сведениям, в Кыргызском государстве было семь человек.

2. Тутуки (в китайских источниках «дуду») — местные администраторы или главноначальствующие. По аналогии с Уйгурским каганатом они должны были управлять крупными административными единицами. В Кыргызском государстве насчитывалось три тутука. В памятниках енисейской письменности имеются сведения об именах героев под названием Аза Тутук [5, с. 95].

3. Буйуруки (букв. приказной судья) — чиновники или управители, делегируемые из центра на места с поручением вершить судебные дела. В китайских источниках их называют чжиши (посыльные). Всех буйуруков насчитывалось десять человек. Они выполняли основные судебные функции. После разгрома Уйгурского каганата над побежденным племенем явлакар был поставлен буйуруком Бойла Кутлуг Ярган [10, с. 85].

4. Делоправители или секретари, известные в китайских источниках как «чжанши». Возможно у кыргызов они титуловались «ынанчу». Например, среди имен кыргызских эпитафий имеются — герой Ынанчу, правитель государства Ынанчу Бильгя. Они были руководителями делопроизводства, секретариата. Насчитывалось пятнадцать чиновников,

ведавших делопроизводством. Большое количество делоправителей свидетельствует о широком употреблении письма и документации. Судя по сведениям «Синь Тан шу», в делопроизводстве Кыргызского каганата использовалось уйгурское письмо [3, с. 124].

5. Чоры или чуры — военные предводители из высших сановников. Согласно исследованиям С. Г. Кляшторного военно-административные чиновники «чоры» составляли окружение кагана. Например, по случаю кончины Кюль-Тегина в 732 г. для выражения соболезнования от кыргызского кагана прибыл Тардыш Ынанчу Чур [5, с. 33]. Предводители — чоры не имели штатного числа.

Титул «чур» часто встречается среди личных имен героев енисейских эпитафий. До сих в хакасском языке отважных людей называют «хал чор» — букв. бесстрашный витязь или «хал батыр» — бесстрашный батыр. Употребление титула «чор» наравне с термином «батыр» свидетельствует, что скорее всего он относится к военным чинам.

6. Тарханы (в китайских источниках «дань») — старшие чиновники, являвшиеся сборщиками налогов, податей и натуральных повинностей. Сами тарханы были освобождены от податей. В число тарханов входили «сангуны» — генералы, командующие войсками. Число тарханов и сангунов было непостоянным. В памятниках кыргызской письменности встречаются имена героев — «Шатун таркан», «Тархан сангун», «Бойла бага таркан» [10, с. 59, 63, 95].

Все вышеперечисленные чиновники — цайсяны, тукуки, буйруки, чуры и чиши «ведали войсками», хотя реально это, очевидно, были чиновники (и командиры) военно-административного аппарата. При этом большое число цайсянов (семь) и малое число тукуков (три) свидетельствовало, на взгляд Е. Кычанова, о том, что они дополняли друг друга как главные администраторы центральной и местной власти.

Среди княжеского сословия находились «точчины» или «тёксини» (кёксини). В древнетюркских государствах «тюксин» — человек, занимающий третью после хана ступень в тюркской административной иерархии [13, с. 596]. По всей видимости они возглавляли войска в битвах с кёк-турками. В хакасском фольклоре широко бытуют легенды о батыре Ир-Тохчыне, бившимся с батырскими волками, под которым можно предполагать тотем тюрков. В имени Ир-Тохчын нетрудно обнаружить кыргызский титул «ир» (эр) — муж и «тохчин». В текстах енисейских эпитафий имеются имена «герой Кёгшин» [10, с. 95], подтверждающий существование этого титула у кыргызов.

Наследники каганского престола, т. е. принцы, царевичи именовались «тегинами». Тегины отправлялись в качестве кыргызских послов в Китай и Тибет. Титул «тегин» встречается в енисейских эпитафиях [10, с. 38]. Необходимо отметить наличие слова «тегин» (*nbuwy*) в хакасском языке. Правда в современном языке он носит противоположное значение и обозначает простого человека.

Беги владели определенными наделами и возглавляли группы людей, проживавших в нескольких «багах» — административно-территориальных подразделениях Кыргызского государства. Напри-

мер, в памятниках рунической письменности кыргызов имеются сообщения: «алты баг будунка бег эртим» — я был бегом у народа шести подразделений — «багов». Каждый баг вероятно подразделялся на группы в 40 юрт или 40 кочевых селений «аалов». Выделение 40 юрт в качестве податной единицы для сборщика ясака сохранялось в Хонгорае вплоть до XX века.

Судя по кыргызским эпитафиям у каждого бега была военная дружины из сорока профессиональных воинов — эров. Для них он считался родным отцом (канг). Военные дружины, служили опорой княжеской власти бегов. Каган был окружен целым штатом бегов и являлся выразителем их интересов.

Характерной особенностью Кыргызского государства, как и всех тюркских кочевых государств, является наличие патриархально-родового уклада, сохранявшегося с древнейших времен. Основными элементами в древнетюркском обществе были род — «ок» и племя — «будун». Слова «ок» — род, сохранилось до сих пор в языках тюрков Саяно-Алтая. В силу особенностей кочевой цивилизации, в речи хакасы употребляется устойчивая фраза: не бывает человека без рода (ox), не бывает обуви без выкройки \ От корня «ок» ведут свое происхождение слова для обозначения сына — «огул» и ребенка — «огыс», т. е. наследник рода, потомство.

Строгая иерархия родов и племен была в кочевых государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного устройства. Роды первоначально были кровнородственными союзами, члены которых вели свое происхождение от общего предка. Род состоял из патриархальных семей «арка күн». Термин происходит от сочетания слов «арка» — спина и «күн» — народ, т. е. люди, стоящие плечом к плечу [Бернштам. 1946. с. 88-89]. Такое обозначение возможно при наличии патриархальной семьи, члены которой тесно поддерживают друг друга. Вероятно «арка гту» обозначает такую группу родственников, которая представляла мелкую экономическую единицу, объединенную в кочевые аалы.

В хакасских героических сказаниях отмечается существование аальной общины под названием «аал-күн» (аал күн) — букв. сельские люди. Кыргызские скотоводы, проживавшие отдельными селениями, составляли территориальные коллективные сообщества. Основой их существования были коллективное владение частью земли, семейно-родовые и соседские производственные связи.

Зарождение аальной общины относится к легендарным временам Кыргызского государства (VI — XIII вв.), о чем свидетельствуют древнетюркские надписи. В памятниках кыргызского рунического письма встречаются выражения: «эл-күн» (эл күн) — люди и «кадаш-күн» (кадаш күн) — родственники. Необходимо отметить, что второй компонент — «күн» (күн), т. е. люди, народ ныне относится к разряду архаизмов и не употребляется самостоятельно в современном хакасском языке. Данное слово дошло до нас с древнетюркской эпохи.

В Кыргызском государстве вассальные племена, проживавшие в таежных урочищах Саяно-Алтая и подвергавшиеся своеобразной социально-экономической эксплуатации со стороны енисейских кыргы-

зов, назывались «кештем» (в русских документах XVII в. — кыштымы).

Первые сведения о кыштымах зафиксированы в кыргызских рунических памятниках письменности VIII-IX вв.н.э., находящихся на территории Тувы и Алтая. Например, во времена Кыргызского каганата население долины р. Кемчик в Туве стало кыштымами с административным делением на шесть «багов» (алты баг кешдем). По всей видимости, захваченный народ, обитающий на сопредельных землях и вошедший в сферу управления кыргызов, становился кыштымом.

Согласно китайским хронографам VIII в. н.э. на юго-запад от северных соседей кыргызов, под названием «бома» — страна пестрых лошадей, проживало поколение «кешинянь» или «кэшиянь». Они ежегодно своим старшинам собирали в оброк шкуры соболей, выдр, белок и горностаев. По всей видимости, народ «кэшиянь» (т.е. кыштымы), находился где-то в районе Северного Алтая. Кыргызские беги взимали с кыштымов дань, заставляли их работать в своем хозяйстве. Как сообщают танские источники, кыргызы «ловят и употребляют в работу» кыштымов из племен Дубо, Милиге, Эчжи, обитавших в таежных урочищах Восточных Саян.

Название народа кыштым в форме «гешдум» обнаружено среди древних тибетских документов, представлявших пересказы докладов пяти уйгурских послов середины VIII в. н.э. о государствах северной части Центральной Азии. Несомненно, речь идет об одном из вассальных народов Кыргызского государства, бывшего северного соседа уйгуров [14, с. 169-170].

В арабском географическом труде «Худуд ал-Алам», написанном в 982-983 гг., указывается, что севернее тюрков тогуз-огузов и карлуков, на границе с необитаемыми странами севера, находилась область кыргызов. Помимо основного населения на востоке их страны обитал народ «кури», а на западе — «кесим», т.е. киштымы. Кесим (Кестим) — это «название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халлухской, а по одежде они напоминают кимаков» [2, с. 48]. Вполне возможно, что в X в. н.э. зависимые племена кыштымов, представлявших ранее население завоеванных территорий, объединяются в общую социальную структуру Кыргызского государства, представляя трудовую часть периферийного общества.

В целом институт кыштымства как данничество представляет особую форму социально-этнической эксплуатации, первоначально выросший на базе подчинения завоеванных племен и народов. Он возник в недрах кыргызской государственности и соотносится с раннефеодальным способом эксплуатации.

Согласно фактам из приведенных письменных источников, напрашивается мысль о том, что имя «kishтым» (кештем) первоначально было связано с этнонимом одного из завоеванного кыргызами народа. Такие примеры в истории встречаются неоднократно. Например, монголы словом «хитад» обозначали не только китайцев, но и рабов.

Можно предположить (исходя из фонетического звучания «кештем» — «кистим» — «искитим»), что обозначение института киштымства возникло от названия покоренных скифских племен, ибо в тюркском языке скифы обозначаются термином «искит» (от первоначального «сакант»). Косвенным предположением может служить обозначение знати в хакасском языке — «искеттіглер» — букв. имеющие искетов. Бесславных людей именовали «искеді чох» — т.е. без искета. Вполне возможно, что в данном случае под словом «искет» мы встречаем первоначальную форму «искетем — кестем». Подтверждением наших рассуждений может служить хакасский термин «хыргыныг» (хыргыныг) — крупный бай (букв. имеющий хыргын), где слово «хыргын» восходит к древнетюркскому «кыркын» — невольница, наложница. Последнее выражение носило первоначальный смысл «имеющий невольниц», что соотносится со словом «искеттіглер». В таком случае указанная социально-этническая форма эксплуатации могла зародиться в те далекие времена, когда предки кыргызов (гяньгунь) продвинулись вместе с гуннами в Южную Сибирь и покорили скифские племена.

В Кыргызском государстве налоги и дань взимались натурой. «Ясачные вносят подати соболями и белкою» — сообщали китайские источники. В памятниках рунической письменности встречается слово «яка» — плата, вознаграждение. Необходимо отметить, что хакасы для обозначения дани, связок меховых шкурок, идущих на уплату ясака и натуральной подати применяли термин «чага» (древнетюркское начальное «й» в результате развития хакасского языка перешло в звук «ч»). На наш взгляд, указанное понятие сохранилось со времен Кыргызского государства.

У кыргызов существовало обычное право — «тёре», которое служило основой государственных законов. Степной закон «тёре» служил путеводной звездой, указывающей основное направление, по которому следовало двигаться кочевому обществу и государству. Он определял взаимоотношения знати и народа. В одной из посмертных эпиграфий кыргызского бега ярко звучало назидание: «Простой народ, будь усерден! Не нарушай установленный эля!».

Каждый новый хан обязан был начинать свое правление признанием закона «тёре». Такая же установка существовала и позже в Хонгорае. Согласно данным хакасской этнографии, башлыки в степных думах Хакасии при вступлении в должность клялись: «пусть будет степной закон правилом поведения, пусть он достигнет следующих поколений! При сложении своих полномочий уходящие со своих постов беги произносили: пусть высший закон будет крепким! Пусть на почетном месте (правителя) будет полная казна! Всю силу своей власти башлыки прилагали к защите и поддержанию тех начал, на которых держался степной быт [15, с. 13]. Необходимо добавить, что в хакасском языке термин «тёре» обозначает также царскую корону, которая представляет символ власти правителя и закон государства. Возможно, что слово «тёре» происходит от общетюркского глагола «төрі» — рождаться, творить. В таком случае пер-

воначально оно означало прирожденный закон, прирожденное правило поведения, т.е. божественное установление.

Обычное право кыргызов предписывало кровную месть за погибшего родича. В языке хакасов до сих пор сохранилась фраза: «подушка бывает, чтобы положить под голову, постель бывает, чтобы постелить под человека», то есть отомщенный на том свете получит в качестве «постели» кровного врага. Данный обычай возник во времена патриархально-родовых отношений и был характерен для многих кочевых обществ Центральной Азии. Например, в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. говорится: «Погибну, взяв под голову подушку (т. е. труп убитого)» [16, с. 4].

В Кыргызском государстве имелись зачатки уголовного законодательства. Согласно фольклорным данным, в кыргызские времена предки хакасов имели сложившееся судопроизводство. Верховный суд осуществлял главный судья, носивший титул «албот». Это название происходит от древнетюркского термина «алпагут», которое обозначало — герой, богатырь и является однокоренным со словом «алп» — богатырь.

Для профилактики правонарушений во времена дренингских государств ханы держали штат специальных доносчиков, именуемых «сюмзюк» (стурмг). Они получали награды за сообщения о готовящихся злодеяниях. Например, по доносу

фискала — «сюмзюка» за свободолюбивую песню о родине, сына кыргызского князя Апрай чайзана монгольский хан привлек к суду.

Китайские летописи свидетельствовали: «Законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, не выполнивший посольской должности, подавший неразумный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» [6, с. 353]. Как видим, серьезные преступки карались смертной казнью. Судебные решения принимались на основе традиционного права.

Кыргызское государство представляло собой раннефеодальное политическое образование, которое отличалось клановым характером органов управления, неразвитой системой налогообложения, зачатками судебного аппарата и господством традиционного права. Вплоть до монгольских завоеваний XIII в. Кыргызское государство сохраняло свой суверенитет и обменивалось посольствами с государствами Азии, включая Китай. Управление государственными структурами осуществлялось на основе установленных законов «торе», поддерживаемых правителями. В этот период закладываются основы административного устройства Кыргызского государства, которое сохранялось и в последующие времена.

Библиографический список

1. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. // Сочинения. Т. 2. ч. 1. М., 1963.
2. Материалы по истории кыргызов и Кыргыстана. (Извлечения из китайских источников II в. до н. э. — XVII в. т. 2. Бишкек, 2003.
3. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
4. Демидчик В. П. «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарий Ал-Казвини. Душанбе, 1977.
5. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
6. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950.
7. Бутанаев В. Я. Загадочный народ «Аз» из Когменской страны. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998.
8. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1977.
9. Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйствственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.
10. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
11. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994.
12. Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. // История и культура Китая. М., 1974. с. 240-242.
13. Древнетюркский словарь. Л., 1968.
14. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.
15. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
16. Шарашинова Е. К. Пословицы и поговорки бурят. Иркутск, 1981.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Получено 17.10.08

V. Y. *Bytanaev*

THE SOCIAL AND POLITICAL SYSTEM OF KYRGYZIC STATE

The article is dedicated to the study of early history of Kyrgyzic state. The investigation found on the materials of annals sources, of scientific works the native and foreign of historians.

Kyrgyzic state, ambassadian ties, chinaman sources, Tibet, Turkic state

УДК 902

В. Я. БУТАНАЕВ, И. И. БУТАНАЕВА

ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ ХАКАСОВ

Статья посвящена изучению песенной поэзии хакасов. Исследование основано на анализе памятников устного народного творчества хакасов.

Фольклор, хакасский эпос, исторические песни, тюркские народы, Енисей, Алтай

Известный тюрколог В. В. Радлов в свое время отмечал, что «абаканские татары», т. е. хакасы являлись музыкальнее остальных своих соседей по Саяно-Алтайскому нагорью. В их фольклорном репертуаре насчитывались многочисленные и разнообразные песенные жанры: исторические, трудовые, патриотические, обрядовые, бытовые, любовные, застольные и др. Хакасская песенная поэзия (са-рын, ыр) складывалась веками и имеет тысячелетнюю историю. Многие европейские народы считали, что в песнях хонгорцев, как и у других скотоводов Центральной Азии, заложен «кочевнический смысл», т. е. «что вижу, то и пою» [1, с. 12]. Действительно, зачастую подгулявший скотовод в степи затягивал бесконечную песню, состоящую из двух слов «аяным-аян» или «айдым-пайдым», которые создавали определенную ритмику. Такое пение называется «тик сарын» — букв. пустая песня (т. е. песня без слов). Однако в отличие от нее обычные песни обязательно были наполнены определенным содержанием и смыслом, в которых исследователи выявили своеобразные законы песенного творчества.

В стихосложении хакасских песен применяются те же художественные приемы и правила, что и у других тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Конечная рифма не обязательна, но, как правило, необходима начальная аллитерация и параллелизм построения фраз. Каждый куплет выражает определенный смысл, выявляющий причинно-следственные связи. Например, «Лежит дорога с шестьюдесятью колеями, которую проложили предки. Ныне звучащие мои мелодии, относятся к песням, услышанным от стариков».

В хакасском традиционном обществе, каждый уважающий себя человек должен в течение жизни сочинить одну небольшую оду о своей судьбе. Это было не очень трудно сделать, т. к. существовали устоявшиеся шаблоны.

Традиционные мелодии хонгорских песен не отличаются большим разнообразием, особенно у населения долины Абакана. В Июсских степях, на севере Хонгорая, песни более мелодичные и приятные на слух. Особенно захватывают дух древние мелодии поминальных песен — плачей «сыйт» по фольклорным героям (Оджен-бегу, чайсану Силигоолу, Чанар-хусу и др.).

Надо особенно отметить знаменательные слова из плача жены Оджен-бега, после гибели ее мужа. В них явственно звучит тревога за судьбу своего народа, который после смерти своего грозного правителя попадает под чужую власть:

«Бравые парни, ездили на трехлетних конях, пришпорив их, во время прискакали. Бело-мухортый конь (Оджен-бега), во время конных состязаний, почему же споткнувшись, отстал? Боевые парни, ездили на бело-игрневых конях, пригнувшись к седлу, успешно возвратились. Бело-мухортый конь (Оджен-бега) с белой нестриженной гривой, почему же споткнувшись, отстал?

Во время поездок вниз по реке Ерба гордо скакал бело-мухортый конь (Оджен-бега). Многие из твоего народа ныне остались в печали. На кого же ты надеялся Оджен-бег?

Во время поездок вниз по Енисею не спотыкаясь, скакал бело-мухортый конь (Оджен-бега). Многие из твоего народа ныне остались покалеченными. На кого же ты оставил их Оджен-бег? Черноголовый народ с глазами спелой черемухи зачем ты передал казакам?

Если ты нас передал казакам, то закрепил ли наши права на бумаге?

Если ты составил документ-бумагу, пусть же она будет вечной!

Мой черноголовый народ, оставшийся от Оджен-бега,

Пусть не притесняет русский хан!

Благочестивый народ Хонгорая зачем ты передал урусам?

Но если ты передал нас урусам, закрепил ли ты наше положение в книге?

Если закрепил наши законы в книге, то пусть никогда она не истлеет!

Мой черноголовый народ, оставшийся от Оджен-бега, пусть живет вечно на своей земле!» [2, с. 51-52].

Исходя из текста плача (сыыта), становится ясным, что трагическая смерть национального героя связана с исторической судьбой Хакасии. После гибели Оджен-бега она была включена в состав России, а «черноголовый народ с глазами спелой черемухи» стал подданным Белого хана.

Среди хонгорцев широко распространена историческая песня о князе Ханза-беге, прославившемся в своей борьбой против царских властей.

По преданиям Ханза-бег был рожден в Июсских степях. Он восстал против тяжелых ясачных поборов томского воеводы. Ханза-бег собрал отряд удальцов и начал громить неприятелей. Самыми близкими его соратниками были Хогдыгач и Тегдегеч (в вариантах — Хатхынах и Кегдегей, Хангаях и Тингейек). Однако богатырствовать ему пришлось

недолго, ибо против него томский воевода отправил войско. Ханза-бег вступил в битву с казаками на берегу р. Урюп. Но его немногочисленный отряд и слабое вооружение не могло противостоять русским казакам. Ханза-бег с остатками своей дружины отошел на оз. Тегир-коль (Божье озеро) и укрепился на г. Свалик. Но и здесь Ханза-бег был разбит и вынужден был бежать в горы Кузнецкого Алатау в верховья р. Томь. Затем он перебрался в Сырскую тайгу на г. Хазоях, откуда по ночам подкрадывался к казацким форпостам и громил их. Все это заставило принять против него новые меры. Томский воевода подкупил его товарищей, чтобы те встретились с Ханза-бегом, напоили его допьяна и выдали властям. Продажные соратники согласились. После изрядно выпитого вина, Ханза-бег спел:

«В полночь снесенное яйцо пусть станет быстро летящей птицей!
Глава тумена Ханза-бег пусть станет демоном, ходящим ночью!
Яйцо, снесенное ночью, пусть станет птицей, порхающей в небе.
Глава народа Ханза-бег пусть станет дьяволом, ходящим ночью.
Яйцо, рожденное в полночь, пусть станет птицей, летающей в небе.
Глава тумена Ханза-бег пусть станет дьяволом, ходящим в полночь».
Затем, как гласят предания, захмелевший от силы зелья Ханза-бег запел:
«Сила травы, с верхушками из бутонов, пробила мерзлую землю,
сила вина скрутила крепкое сердце.
сила травы, с цветами чебреца, проросла сквозь талую землю,
сила вина заставила трепетать растиавшее сердце».

Когда он упал без чувств и заснул, подоспевшие казаки его связали и приковали к плоту, на котором по Томи доставили до Томска (по другим вариантам — по Енисею до Красноярска). Когда Ханза-бег очнулся и осознал свое положение, то печально пропел:

«Кто не сядет на оседланных коней? кто не схватит пьяного мужа?
Кто не сядет на обузданного коня? кто не свяжет свалившегося от вина мужа?
Кто не сядет на оседланного коня, кто не свяжет спящего от вина мужа.
Кто не сядет на заузданного коня, кто не свяжет опьяневшего мужа».

Доставленного на плоту Ханза-бega воевода сначала посадил в тюрьму. Сидя в тюрьме, он пропел следующие куплеты:

«Сделанная русским ханом черная юрта оказывается была с острым куполом! Сделанная Белым ханом каменная тюрьма напоминает свод юрты!
Тюрьма построенная казаками имеет крышу как у юрты.
Русский город возвышается, мои ребра раскальваются.
Каменный дом, сделанный русскими имеет крышу как у китайской фанзы.
Русский город возвышается, мой позвоночник ноет от боли».

Ханза-бег, вспоминая о своих соратниках Хогдыгаче и Тегдегече, поет:

«Железные стремена одинаково пришпорив,
Мой Тегдегеч хотя бы пришел (на помощь).
Ради благодатного Хонгорая боровшись, душу свою положил Ханза-бег.
Бронзовые стремена вместе пришпорив
Мой Хогдыгач хотя бы пришел (на помощь).
Ради всех хонгорцев боровшись, кровь свою пролил Ханза-бег».

Томский воевода приказал Ханза-бega казнить. Его подвесили за нижние ребра (суме хабырга) на железных крючьях. Подвешенный за ребра, он пропел следующие слова: «Руки белого хана очень жесткие, они заставляют ныть мои позвоночные кости. Крючья, сделанные казаками, очень острые, они прокалывают мои реберные кости».

Изнемогая от боли, он перед смертью пропел: «Текущие реки с белых тасхылов соединяются с рекой Абакан.

В древности славный Ханза-бег пусть сохранится в памяти потомков.

Текущие реки с синих тасхылов соединяются с рекой Енисеем.

Прославленный среди предков Ханза-бег пусть сохранится в памяти молодежи. Четырех угольная моя отчизна пусть будет вечной обителью. Благосклонная моя материнская родина пусть будет вечной обителью» [3].

В течение трёх дней, согласно преданиям, висел он на железных крючьях, пока вороны не исклевали его бедное тело.

В настоящее время редко кто из сказителей знает полностью все куплеты. В основном хакасы исполняют песни Ханза-бega, отправляющегося на казнь.

Исторические песни Ханза-бega (Канза-Пия) известны также бачатским и томским телеутам, нижнеморасским шорцам [4, с. 148-149]. Везде он воспевается как защитник коренных жителей и враг царских властей.

Долгое время исследователям не удавалось выяснить является ли данный фольклорный герой собирательным образом или конкретной исторической личностью. Например, этнограф Д. Функ отождествлял Ханза-бega «с монгольским тайшой Манзу Байдоновым», который с большой жестокостью в 1718-1720 гг. собирал дань на Джунгарского хана с населения Северного Алтая. [5, с. 41-42]. Но он оказался в глубоком заблуждении, ибо имя Манза, несмотря на близкое звучание, не соответствует слову Ханза, а указанный джунгарский (а не монгольский) сборщик дани никогда не появлялся в июсских степях Хакасии.

Исторический прототип данного образа был установлен нами в результате исследования хакасского исторического фольклора [6, с. 99-101]. Имя Ханза-бega связано с шуйским князем Канзачаком Уханаковым.

В 1705-1707 гг. на севере Хонгорая среди кызыльцев находился отряд, возглавляемый шуйскими (шуштар) татарами Канзачаком Уханаковым и Кучелаем Тайбукиным совершивший воровские набеги на русские поселения. По данным русских документов, имя Канзачака появляется после угона большей части хонгорского населения в Джунгарию

в 1703 г. Канзачак со многими сородичами — «шуштарами» из Джунгарии «бежали назад в Кыргызскую землицу, покинув жен и детей». После своего возвращения Канзачак и Кучелай выезжали служить в г. Томск. В 1705 г. Канзачак Уханаков вместе с Кучелаем Тайбукиным и Шерлучаком Кучелаевым бежали из Томска в Кыргызскую землю (Хонгорай). Начиная с 1706 г. Канзачак и Кучелай «с товарищи» неоднократно приходили войной в Томской уезд на р. Яю и на р. Чулым, где разоряли русские деревни и побивали казаков и крестьян. Летом 1707 года приказчик П. Петров согласно государеву указа посыпал «из Ачинского острогу в Аргу служилых людей 10 человек войною на воров и изменников шуйских татар Кучелайку, да Канзачаку с товарищи». Канзачак был схвачен и доставлен в Ачинск. 24 июня 1707 г. всех их — Канзачака, Кучелая и Шурлучака препроводили из Ачинска в Томск. 3 сентября 1707 г. по решению царя Петра Алексеевича Канзачака казнили смертью через повешение «на страх иным таким же ворам и изменникам» [7, с. 3, 19].

В русских документах имя Канза (Ханза — букв. курительная трубка) употребляется с уменьшительно-ласкательным аффиксом «чак», характерным для стиля русского письма того времени. Канза происходил из рода шуштар (шуйский), входящего в состав кызыльцев, что не противоречит хакасскому фольклору. Один из его соратников Кучелай является родоначальником хакасской фамилии Кучелаевых. Среди материалов Рукописного фонда ХакНИИЛИ нам удалось обнаружить сведения о потомках Ханза-бега, которые относятся к фамилии Кучелаевых и принадлежат к сеоку шуштар (шуйский род) [8, 4 с. 118].

Как гласят предания, во времена Ханза-бега, в долине Абакана жил правитель Хонгорая по имени Хоранг-бег. Когда он состарился и не смог регулярно отвозить албан Ойратскому хану, тогда Контайша (глава Джунгарии) заявился с войском и увел в рабство местное население. Старики и немощные калеки остались в своих юртах и погибли от голода. Единственную дочь Хоранг-бега по имени Кобирджин-хыс вместе со служанкой угнали в Джунгарию (в вариантах — Кобирджин-Пойбас). Ее престарелая мать осталась в одиночестве доживать свои дни. В джунгарской неволе деву Кобирджин-хыс заставили наравне с батраками пасти овец и убирать скотные дворы. Такого унижения княжеская дочь не вынесла. В один прекрасный момент она вместе со своей служанкой бежала на родину. По дороге Кобирджин-хыс испытала все ужасы и лишения бежавших из плена. Чтобы как то ее утешить служанка стала петь песни, сравнивая былую сладкую жизнь с суровой действительностью:

«Дороги Китая имеют сорок разъездов, поэтому нужно двигаться по их краю.

Дороги Джунгарии имеют тридцать извилин, поэтому двигайся по средней.

Если хватит наших сил, то достигнем нашего отечества — долину Абакана.

Если не хватит нашей мочи, то станем кормом для собак.

Если хватит наших сил, то достигнем нашей отчизны — долины Енисея.

Если не хватит нашей мочи, то станем кормом для волков.

Когда ты ездила на вороном иноходце, то говорила, что поступь у него тверда. Когда идешь пешком, каково ханская дочь?

Когда ты носила одежды из черного шелка, то говорила, что швы грубые.

Когда одела черное рубище, как себя чувствуешь, ханская дочь?

Когда ездила на пестром иноходце, то говорила, что он с дурным характером.

Когда идешь пешком, каково, ханская дочь?

Когда ты носила одежды из изысканных шелков, то говорила, что швы грубые.

Сейчас же, когда носишь пеструю дерюгу, то, каково тебе, ханская дочь?

Когда ты ела белый хлеб, то говорила, что он черствый.

Сейчас же, когда ешь верхушки белой травы, каково тебе, ханская дочь?

Когда ты ела масло с сыром, то говорила, что это плохая еда.

Сейчас же, когда пьешь простую воду, каково тебе, ханская дочь?» [9].

Предаваясь грусти и печали от превратностей судьбы, они пешкомшли в сторону родных кочевий. С большими муками они перевалили Алтайские горы и спустились в долину Абакана. В это время оставшаяся в родных пенатах мать Кобирджин-хыс сидела в задумчивости около очага. Внезапно среди горящих дров один уголек встал, словно человек. Согласно поверьям, в таком случае надо ждать дорогих гостей. Мать Кобирджин-хыс со словами: «Разве может вернуться из неволи моя единственная дочь?» — схватила головню и бросила ее в корыто с водой. Кобирджин-хыс как раз переходила небольшой ручей. В тот момент, когда мать утопила головню в воде, ее дочь поскользнулась, упала и захлебнулась в ручье. Служанка благополучно переправилась через ручей и достигла селения Хоранг-бега. Затем, встретившись с матерью Кобирджин-хыс, она поведала их историю.

С тех пор повелся хонгорский обычай ждать гостей, если среди горящих дров очага встанет головня, называемая «хоначы», т. е. гость. «Хоначы» надо накормить золой и уложить спать, закрыв одеялом из золы. В таком случае дорогие гости благополучно навестят дом. Подобный обычай под названием «коночы» известен у алтайцев и бурят.

Среди исторических песен хакасов нередко присутствует тема любви к Родине и своим предкам. Например: «В изголовьях изрезанных логов нет ложбины, где не лежал бы заяц. В аймаках страны Хонгорай нет людей, которые жили бы без печали» или «В сорока славных котловинах есть ли котловина, где не лежали бы кости кыргыза? Среди сорока берез растущих на хребте, есть ли береза которой бы не коснулся топор кыргыза?» [6, с. 127].

Многие песни о Родине наполнены эмоциональным накалом полноты чувств к родной земле. Например: «Когда я смотрю на родину отца, то вижу широкую Уйбатскую степь. Когда я смотрю на широкую Уйбатскую степь, то из моих пестрых глаз текут слезы. Когда я смотрю на родину матери, то вижу извилисто текущий Уйбат. Когда я вижу из-

вилисто текущий Уйбат, то из моих двух глаз текут слезы» [10].

Большой интерес представляют любовные песни, особенно исполняемые девушками. Например, Прасковья, дочь Балгановой Татьяны, пела на одном вечере знакомому парню Апчанаю Дикобаеву в аале Чаптыков: «Я много ездила на коне с поперечной тамгой, но никогда не садилась на бегунца, похожего на этого гнедого коня. Я объехала весь народ Хонгорая, но такого видного парня как Апчанай нигде не встретила» [11, л. 24].

Нам удалось записать эту песню в более полном варианте от нашего информатора Канонака Собакина, жившего в аале Чаптыков. «Я много ездила на коне с поперечной тамгой, но ни разу не садилась на бегунца, похожего на гнедого. Я объездила всю страну Хонгорай, но не видела такого пригожего парня, похожего на Апчаная. Я много ездила на коне с извилистой тамгой, но ни разу не садилась на хорошего коня, похожего на гнедого. Я объездила поселения всего нашего народа, но ни разу не видела такого опрятного парня, похожего на Апчаная» [12].

К этому же разряду бытовой песни относится произведение под названием Песерей о находчивости обманутой девушки. Одна юная красавица познакомилась с парнем по имени Песерей. Он сумел ее соблазнить. От стыда девушка сама прибежала к нему домой. Во время помолвки, когда стали переплетать девичьи косички в две косы, из дома ее отца приехала погоня. Участники погони плетьми стали избивать новоявленных сватов. Песерей, не выдержав побоев, закричал: «Не бейте мой народ, забирайте свою девушку обратно, я лучше возьму в жены другую, найдется для меня более достойная». Девушка, услышав такие речи, запела: «Свою шубу, покрытую белым шелком, я надела, для того чтобы просушить в ясную погоду. Два парня, приехавшие из Кузнецка, даже не посмотрели, повернувшись ко мне. Кунгурские сапоги я надела для того, чтобы просушить на солнце. Два парня, пришедшие из Кузнецка, даже не обратили внимания на меня. Хвост моего солового коня скрутил Песерей, мою шубу крытую пестрым шелком, расстелил Песерей.

Хвост моего гнедого коня закрутил Песерей, подол моей шелковой шубы откинул Песерей. Когда расстегивал пуговицу моего ворота, не побоялся Песерей. Когда мой честный народ пришел, почему же ты испугался Песерей? Когда расстегивал пуговицу под мышкой, то не побоялся Песерей.

Когда же мой хонгорский народ пришел, почему же ты испугался Песерей?» [12]. Услышав песню, девушки, участники погони, догадались обо всем, и не тронув, девушки уехали домой.

Трагическая любовь, семейно-бытовые обряды, судьба женщины в жестокую пору средневековья неоднократно описывались в различных фольклорных произведениях. Например, хакасская легенда «Чанар-хус», повествующая о любви двух молодых людей, перекликается в своем завершении с шекспировской трагедией «Ромео и Джульетта». Среди соседних народов она бытовала у телеутов под таким же названием «Чанар-куш» [13, с. 171]. Впервые ее зафиксировал в Хонгорае и переложил на

ноты в середине XVIII в. участник академической экспедиции в Сибирь И. Гмелин.

Охотник Чанар-хус жил в июсских степях. Он с детства был влюблена в девушку Паян-Тари. Но она являлась байской дочерью, родители которой были настроены против брака с бедным охотником. Однажды Чанар-хус подстрелил птицу «хысхылых», т. е. фламинго. Согласно хонгорского обычая за принесенную в дом птицу «хысхылых» родители должны отдать дочь в замужество. Если отказать, то птица, якобы, проклянет отказавший дом и дочь умрет. Родители Паян-Тари поневоле вынуждены были отдать свою дочь бедному охотнику. Но, вместе с тем, мать наложила на нее обет молчания, который нужно было выдержать в течение трех лет, иначе на девушку падет проклятие родителей. Итак, она оказалась в двойственном положении — вместе с любимым, но ничего не могла ему сказать.

На третий год Чанар-хус не вытерпел молчание своей жены и решил проверить ее любовь. Однажды он подстрелил косулю, налил ее кровь в большую кишку, которую привязал у себя за пазуху. Придя домой, он, со словами: «лучше я погибну, чем жить нелюбимым», — выхватил нож и ударил себя в грудь. Полилась кровь из привязанной кишки косули, а Чанар-хус упал, притворившись мертвым. Паян-Тари бросилась ему на грудь, горько рыдая:

«Я никогда не сяду на коня без седла, о душа моя Чанар-хус,
Я ни за что не пойду за другого мужа, о душа моя Чанар-хус.
Я не буду ездить на оседланном коне, о душа моя Чанар-хус.
Я никогда не пойду замуж за другого мужа.
Мое угождение, приготовленное для гостей,
Пусть пригодится теперь для моих поминок.
С раздвоенным концом мои золотые ножницы,
Пусть пронзят мое сердце.
Мои яства приготовленные в качестве гостинцев,
Пусть пригодятся для моих годовых поминок.
С острым лезвием мои золотые ножницы,
Пусть поразят мое твердое сердце,
Раздвоенные лезвия стальных ножниц
Пусть пройдут сквозь мои печень и легкие!
Чем расстаться с Чанар-хусом, в его объятьях,
пусть я умру,
Чем отделиться от Чанар-хуса, вместе сним я умру» [14].

Жена Чанар-хуса схватив ножницы, пробила ими свое сердце и беззыянно упала ему на грудь. Вскочивший Чанар-хус увидя содеянное, то же покончил с собой.

Немало песен сложили женщины о своей тяжкой доли в замужестве. К одной из них относится спетая нашим информатором: «Когда я жила в материнских руках, я привольно себя чувствовала. Когда вышла замуж на чужбину, то превратилась в оседланного коня (т. е. ломовую лошадь).

Когда я жила в отцовском доме, я припеваючи жила. Когда ушла замуж на чужбину, превратилась в коня на привязи» [15].

Самое дорогое в семейной жизни женщины является ее материнство и выращенные дети. Об этом звучит следующая песня: «Под Солнцем одна звезда, похожая на коня с серебряной уздой. Выращен-

ные мною пять детей, дороже серебра для меня. Под Луной одна звезда, похожая на коня с золотым не-доуздком. Всормленные мною шесть сыновей до-роже золота для меня».

В традиционной жизни большую роль играла родня, без поддержки которой тяжело было выжить. Хонгорцы сложили много песен, прославляющих крепкие родственные узы. Например: «Если я сяду на коня с высоким хребтом, то хорошо, когда есть плеть с раздвоенным концом. Если я поеду по незнакомой земле, то хорошо, когда есть отвосская родня».

«Если я сяду на коня с высокой холкой, то хорошо, когда есть искривленная плеть. Когда я еду по дальней земле, то хорошо, когда там есть материнская родня». «Если нахлынет грозный ветер, то хорошо, когда есть юрта с деревянными стенами. Когда придут вести от грозных бегов, то хорошо, когда есть братья. Когда поднимется большой ветер, то хорошо, когда есть большой дом. Когда придет грозная весть от великих бегов, то хорошо, когда есть большая и малая родня» [16, с. 69].

Каждый хакасский род, согласно традиционному мировоззрению, имел свою душу — покровителя находившуюся в определенной породе деревьев, которые запрещалось им рубить. Например, у сеока «ах-хасха» родовым деревом является белая береза. Таким образом его представители получили свое родовое дерево можно узнать из песни — плача умершей девушки-сироты из этого рода: «Мое белое тело, которое не ласкал отец, став белой березой, выросло на моей могиле. Мои шестьдесят косичек, заплетенные на спине, стали ее ветвями. Мое широкое тело, которое не ласкала мать, стало искривленной березой, на моей могиле. Мои пятьдесят косичек, скрученные на плечах, стали ее ветвями» [17].

После смерти этой девушки-сироты на ее могиле выросла красивая белая береза. Из корня этой березы сделали хомыс, а из верхней части ствола — чатхан. Когда стали играть на этих инструментах, то, якобы зазвучала песня этой девушки.

Нелегкая доля была у батраков, работавших на баев. Об этом свидетельствует следующая трудовая песня, где батрак надеется только на помощь бога: «Из растущего на гальке желтого тальника, если галька не придавит, вырастет дерево. Из ходящего в батраках сироты, если творец поможет, вырастет мужчина» [18].

В старые времена народ чаще всего упивал на бога. В качестве примера можно привести следующую бытовую песню: «Место стоянки дикой козы с детенышем под развесистой березой. Благосостояние всего народа в руках всемогущего господа. Место лежанки матки диких коз под искривленным деревом. Жизнь всего нашего народа в руках повелевающего бога» [14].

В советское время вместо слов «в руках всемогущего господа» стали петь «власть в руках партии», которую стали сравнивать с божественной властью.

Через песню хакасы выражали свои философские взгляды на жизнь. Например: «Если бы не отпадали рога у лося, то они бы выросли до туч.

«Если бы не умирал древний народ, то люди не поместились бы на этой земле.

Если бы не падали рога оленя, то они бы выросли до облаков.

«Если бы не умирали старики со старухами, то люди на этой земле не поместились бы» [19].

Среди хонгорцев широко распространены песни-состязания, которые называются «тахпах». Тахпах всегда требовал находчивого ответа не только на вызов певца, но и на думы, чувства, настроения слушающих. Вероятнее всего слово «тахпах» (тапхах) происходит от коня «тап-» — букв. находить (ответ). Состязающийся в пении тахпаха глубоко переживал свое поражение, ибо, по представлению хакасов, дух-хранитель «тахпах ээзи» за каждый проигрыш укорачивал жизнь. Вероятно, тахпахи возникли поздно, на основе других малых жанров. Такое предположение можно сделать, исходя из их текстов, зачастую включающих в себя блоки пословиц и поговорок, обороты речи и выражения из благословений, сравнений и загадок. Они отличаются от песен тем, состоят из коротких двустиший с близкими сравнениями. Например, тахпах парня при обращении к девушке: «Мой гнедой конь, которого я оседлал, похож на плывущий по воде плот. Живущая со мной дочь Хонгорая похожа на восходящее красное Солнце». Ответы девушек: «Чем переплывать речку в рассохшейся лодке, не лучше ли ходить вдоль берега. Чем выходить замуж за злого мужа, не лучше ли жить одной. Чем переплывать речку в дырявой лодке, не лучше ли ходить вдоль залива. Чем выходить замуж за плохого человека, не лучше ли жить одной» [18]. Мужчины пели тахпахи, где подчеркивались мужество и достоинство: «Чтобы скакать по склонам гор, нужен конь с плотными копытами. Чтобы разговаривать с массой народа, нужен мужчина с твердым лицом (т. е. мужественный). Чтобы скакать по крутизне нужен конь с железными копытами. Чтобы вести разговор со всем народом нужен способный мужчина».

У хакасов имелись различные музыкальные инструменты, сопровождавшие пение. Музыкальный инструмент хомыс, с разновидностями «топчыл хомыс», «түнүр хомыс», «агас хомыс», напоминал большой половник. Верхнюю его деку закрывали сыроймостью, которую затягивали кожаными ремешками. Две или три струны скручивали из конского волоса. Одно из хакасских названий — «топчыл хомыс», свидетельствует о близких этно-культурных контактах хакасов с монголами, тувинцами и алтайцами, у которых он носит название «топшултур» и «топшуур».

В песенной поэзии хонгорцев с любовью воспевается этот музыкальный инструмент, без которого песня не была бы такой красочной. Например, наш информатор П. Райков пел: «мой фигурно вырезанный хомыс сделан из ветви кедра, его звучные струны сплетены из хвоста жеребенка. Мой украшенный хомыс сделан из молодого кедра, его голосистые струны сплетены из хвоста лучшего коня» [10]. Обычно он делался из кедра, а струны — из конских волос.

Смычковый инструмент «ыых», употреблявшийся при пении, почти не отличался от хомыса. Делался он из кедра с длинным грифом, а резонансная полость затягивалась сыроймостью. Сердцевина, так же, как и у хомыса, выдалбливалась или выжигалась. Две струны, сделанные из конского во-

лоса, смазывали нагретой лиственничной серой. Смычок (чааджак) напоминал небольшой лучок. «Ыых» при игре держали вертикально на колене. Аккомпанировали на нем при исполнении различных песен. Подобный смычковый инструмент с таким же называнием «кыяк» (фонетическая разновидность слова «ыых») мы находим у кыргызов Тянь-Шаня, что несомненно свидетельствует об их историко-культурных связях с хакасами.

В хакасском фольклоре не приходится говорить об отдельном жанре исторической песни. Если встречаются песни с историческим содержанием, то они включаются, как правило, в текст кип-choха. Сочетание рассказа и песни представляют специфику хакасского фольклора. Вполне возможно, что имя князя Хоранг-бега, в исторической песне Ко-бирджин-хыс, связано с князем Корчун-тайши, сыном Еренака.

Библиографический список

1. Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М., 1988. с. 12.
2. Чирим тамырлары. Абакан, 1982.
3. Райков Терпуг, 1905 г. рождения, сеок паратан, аал Райков.
4. Мойнагашев С. Д. Отчет о поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. // Известия русского комитета для изучения средней и восточной Азии. Сер. 11. 33. Петербург, 1914.
5. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 15. Телеуты. М., 1992.
6. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
7. ГАРХ. Р-675. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАРХ. Ф.588. дОп. 115.
9. Доможаков Мартыл Сыганы, 1888 г. рождения, сеок ах-хасха, аал Доможаков.
10. Чарков М. Г. 1924 г. рождения, сеок кыргыз, аал Чарков.
11. ХакНИИЯЛИ. № 590. Л.34.
12. Собакин Канонак, 1901 г. рождения, койбал, аал Чаптыков.
13. Образцы народной литературы тюрksких племен Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1866. ч. 1.
14. Сарлин Бико, 1913 г. рождения, сеок кыргыз, аал Сарлин.
15. Тугужекова М. П., 1901 г. Рождения, сеок хасха, аал Сапогов.
16. Антология хакасской поэзии. Абакан, 1960.
17. Щетинина Мамыра, 1887 г. рождения, сеок пурут, аал Тунгужуль.
18. Казачинова Када, 1901 г. рождения, сеок чити-пююр, аал Аев.
19. Щетинина М. Е., 1918 г. рождения, сеок пурут, аал Усть-Тунгужуль.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Получено 17.11.08.

V. Y. BUTANAEV, I. I. BUTANAEVA

THE SONGING POETRY OF KHAKASSIAN PEOPLE

The article is dedicated to the study of songing poetry of khakassian people. The investigation found on the analysis of memorial the oral peoples cretiye work of khakassian people.

folk-lore, khakasian epos, historic songs, Turkic peoples, Yenisei, Altai

УДК 902

В. Г. Дацьшен, Н. С. Модоров

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ ПРИАМУРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА*

В статье на основе опубликованных источников кратко освещена история русского проникновения в Приамурье и противодействие этому процессу со стороны Китая.

Агрессия, Байкал, внешняя политика, Дальний Восток, дипломатическая миссия, Китай, пошлина, Приамурье, Русское государство, торговля, ясак

Русское проникновение в район Приамурья началось, как известно, во второй половине 40-х гг. XVII в. И шло оно туда двумя путями: по северному — из Якутии и с запада — через Байкал. Достигнув этих земель, русские встретились там с различными этническими племенами и группами, находившимися на разных стадиях патриархально-

феодальных отношений, и привели их «под высокую государеву руку» и обложили ясаком. Родоплеменная верхушка тамошних «инородцев» воспротивилась было порядкам, которые были установлены «прищельцами». Но очень скоро она убедилась в том, что последняя никак не посягает на ее былые привилегии и, быстро оценив выгоду

* Работа выполнена по гранту РГНФ-МинОК Монголии № 08-01-92002 а/G

своего положения, она пошла на сотрудничество с последними. Случилось так, что родовая верхушка впервые в своей истории достигла такого «понимания» с поработителями своих сограждан, какого ей не удалось достичь ни с северо-монгольскими, а особенно, — с маньчжурскими захватчиками.

Однако, прежде чем, повести разговор по существу заявленной темы, скажем несколько слов о внешней политике последних, т. е. Цинской империи.

Ее же, как свидетельствуют источники, она заимствовала от своих предшественников — китайских императоров. Суть их внешней политики исследователи определили распространенным ныне понятием — «китаецентризм». Он же, по их свидетельству, появился еще в глубокой древности и находился в тесной связи с древним религиозным учением, превратившемся со временем в политическую доктрину о «Сыне Неба» и его роли в общественной жизни. Родилась она, как отмечал в свое время известный советский историк-китаевед Л. И. Думан, на рубеже двух эпох — Иньской и Чжоуской (XIV-XI вв. до н. э.) — и действовала на протяжении трех с лишним тысячелетий, превратившись в последующем в «гвоздь» внешней политики китайских императоров, захвативших значительную часть территории Китая (в X-XIII вв. — это киданьское государство, в XII-XIII вв. — чжурчженское (Цзинь), в XI-XIII вв. — Тангутское (Си ся), а также некитайских династий, правивших в Китае после его захвата (монгольской династии Юань (1280-1368 гг.), маньчжурской династии Цин (в 1644-1912 гг. — Авт.) [1].

Если кратко охарактеризовать «китаецентризм», то можно сказать, что это была политика, направленная на захват и подчинение — любыми методами и средствами — «Сыну Неба», поставленному «управлять всей Вселенной», соседних и дальних народов. Только так, и не иначе, представляли себе древние китайцы фигуру императора и такое представление о нем внедрялось китайскими философами древности в сознание людей, а впоследствии поддерживалось учеными и политиками на всем протяжении средневековья.

Словом, «китаецентризм» рассматривал Китай, как центр всей Вселенной или «Поднебесно». Именно так называли свою страну древние китайские ученые и политики. Все же остальные народы ими рассматривались как периферия этого центра и неотъемлемая часть единого комплекса, именуемого «Поднебесной». В силу этого, некитайские народы обязаны были подчиняться вышеназванному центру, принимать его порядки, выдвигаемое им мироустройство, которое, согласно «китаецентризму», обязательно для всех народов — «варваров». И это притом, что каждый из них имел свои национальные особенности, обычаи, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации. Но эти обстоятельства не волновали «китаецентристов». Согласно их доктрине, некитайские народы обязаны были безоговорочно принять китайскую цивилизацию (со всеми ее морально-этическими и общественными институтами) как нечто идеальное и совершенное. Китай, во все века, утверждали доктрины, был, есть и остается наилучшим образцом мироустройства и цивилизации, а его правитель —

«Сын Неба» — земным богом, самым мудрым, щедрым, великодушным и самым могущественным главой всех народов на земле, их заботливым отцом. Именно поэтому все народы — близкие и далекие — обязаны быть послушными детьми китайского императора, почитать и подчиняться ему как дети родителям.

Словом, китаецентристская доктрина о «Сыне Неба», составившая основу китайской внешней политики, с логической последовательностью и закономерностью привела к утверждению положения, что все некитайские народы были и остаются вассалами Китая, где бы они не находились. А если кто не желает быть таковым по собственной воле, то его необходимо силой заставить подчиниться «законному праву Поднебесной». Именно таким образом зародилась и утвердилась в ней политика агрессии по отношению к некитайским народам. Эту политику, взявшую начало от древних правителей Китая, целиком и полностью восприняли цинские императоры, поскольку она во всех отношениях устраивала их.

Потому-то рассматривая их отношения с разными народами, исследователи неизменно встречают и встречаются с утверждениями цинских правителей о том, что все некитайские народы — где бы они не находились, — были и остаются их даниками. Однако в действительности все было далеко не так. Многие народы, которых китайские источники давно зачислили в разряд «вассалов Цинской империи», на самом деле никогда таковыми не были: они были независимыми, никогда с Цинами не объединялись и не желали объединяться, что не раз приводило их к военному противостоянию агрессивным и экспансионистским устремлениям цинских правителей, понуждая их «оружно» пресекать любые попытки последних подчинить себе независимые народы и превратить их в своих вассалов. Осуществляя свои экспансионистские планы, цинские правители, в частности, Сюанье (императорское имя Канси, а храмовое — Шэнъцзу (1662-1722 гг.) неоднократно подчеркивал в своих посланиях (например, джунгарскому правительству Галдану — Авт.), что он управляет Вселенной на том основании, что «народы всей земли — его дети» [2, с. 25 а].

Подобный гегемонизм цинских правителей распространялся не только на непосредственных соседей (большие и малые народы), но и значительно удаленных (территориально) от Китая. К примеру, они пытались применить свою великороджавную шовинистическую политику и по отношению к Русскому государству. Но обо всем по порядку.

Разгромив окончательно в конце XVI в. Сибирское ханство, Русское государство начинает осваивать просторы Сибири. Передвигаясь от одного рубежа к другому, оно не только «приискивает» новые территории и народы, но и приходит в соприкосновение с кочевым центрально-азиатским миром и с государством древней и высокой культуры — Китаем, что не только расширило внешнеполитические контакты «Московии», но и осложнило, в известной степени, ее внешнеполитические задачи. Их русской дипломатии приходилось разрешать сразу же по мере их возникновения, а также и вы-

работывать — одновременно с этим — общие основы политики по отношению к новым азиатским соседям [3, с.4]. Одним из них, достаточно условным, о чем будет более подробно сказано ниже, стал Цинский Китай, сразу же заявивший о своих «правах» на Приамурье.

Русское проникновение в этот район началось, как уже было упомянуто выше, во второй половине XVII в. И шло оно сюда двумя путями: по северному — из Якутии и с запада — через Байкал [3, с. 6]. Достигнув этих земель, русские встретились там с различными этническими племенами и этнографическими группами «инородцев» и, приведя их «под государеву руку», обложили «новоподданных» ясаком. Но такого рода «деяния пришельцев» не понравились «инородческой верхушке», привыкшей безраздельно господствовать над своими соплеменниками. Но убедившись, что «пришельцы» не посягают на их «природные привилегии» пошла на контакт с ними, чего не удалось ей добиться ни с северо-монгольскими, ни маньчжурскими поработителями. Как же поступали те и другие при «освоении» новых территорий?

Как известно, маньчжурские племена, консолидировавшись в XVI в., захватили в дальнейшем (к 1616 г. — Авт.) значительную часть Северо-Восточного Китая. Их предводитель Нурхаци (основоположник цинской династии — Авт.) провозгласил себя — после этого — наследником империи чжурчжней и основал в 1626 г. в Мукдене свою столицу. С этого времени маньчжуры совершили до 40-х гг. XVII в. несколько походов на р.Амур. При этом они не делали даже попыток, чтобы закрепиться в Приамурье. Единственной целью этих походов сюда был военный грабеж и захват людей [4, с. 319]. В связи с этим, следует подчеркнуть, что в то время даже сами маньчжуры не считали приамурские районы завоеванными, а их население они не включали в число своих подданных [4, с. 319].

В 1636 г. маньчжуры начали, как известно, масштабную войну с Минской династией, завершившуюся захватом Пекина в 1644 г. С этого момента их правитель Абахай, а затем его сын Нурхаци, принявший уже до этого, титул императора, положил начало маньчжурской Цинской династии, которая будет править в Китае до 1912 г. [3, с. 10]. Но устанавливая свою власть в стране, она рассматривала собственно маньчжурские земли, как свою вотчину, куда доступ китайскому населению был закрыт. Именно угрозу им, а точнее, своим вотчинно-династическим интересам, увидели Цинь в русском проникновении в Приамурье. Оно же началось — повторим снова — с конца 30-х гг. XVII в. и сопровождалось подчинением местного «инородческого» населения «русскому государю» и выплатой ему ясака. Следует отметить, что до прихода русских землепроходцев «местные иноземцы» — тунгусы (бассейна рр. Шилки и Аргуни — Авт.), монголоязычные дауры и эвенки (по Амуру и Зее), амурские натки, аchanы и другие не были подданными маньчжуров и находились под властью независимых от Цинской империи князьков. И это вполне естественно, т.к. маньчжуры, хотя и совершали в 30-40-х гг. XVII в. военные походы против племен хурха, варка и солонов, проживавших в бассей-

нах рр.Сунгари, Уссури и среднего течения Амура, но никаких попыток колонизации или закрепления за собой этих территорий (путем создания здесь гарнизонов или органов власти) они не предпринимали [5, с. 87-92]. Подобное положение будет и позднее (при императорах Фулине (императорское имя Шуньчжи) и Сюанье (Канси — Авт.), когда они — в период борьбы за «освоение» Внутреннего Китая — не были в состоянии завоевать те племена на Амуре и Уссури, которые были еще независимыми. О наличии там таковых сообщил возвратившийся в 1646 г. в Якутский острог из похода на рр.Зею и Шилку В.Поярков. Только часть проживавших там дауров, докладывал он, платят ясак хану Борбою (по предположению советского исследователя Л. И. Думана, даурский князь), а живущие по Амуру натки и гиляки ясак маньчжурам не платят [6, с. 50-56]. Сказанное В.Поярковым, подтвердил и допрос дауров, плененных Е. Хабаровым при Албазине в 1649 г. Часть даурских князей, говорили они, платят ясак маньчжурам, а часть не платит, как «неясачный князь Гантиумур-улан [живущий]... вверху де Шилки-реки» [6, с. 56]. Таких независимых даурских и «иных земель» князей и приводили в «государево подданство» русские землепроходцы. К примеру, уже упоминавшийся выше Е.Хабаров прислал в 1650 г. из Албазина ясак, взятый им с Шилгиная, Лавкая и других даурских князей, обещавших его и «впредь платить» и быть «белого царя подданными»[7, с. 21-23]. Наряду с вышеназванными «князьями», обещались, согласно источнику, платить ясак русским и «иные родонаучальники и старшины», в частности, «братья Тоенчины из племени дючеров» [6, с. 523-528].

Проникновение «лоча»(русских — Авт.) в Приамурье и складывавшиеся их взаимоотношения с «тамошними варварами» никак не устраивали Цинов, а потому они сразу же решили воспрепятствовать развитию этого «процесса». С этой целью Цинская династия предприняла попытку вытеснить «лоча» с Амура и из бассейна Аргуни и Сунгари, послав туда свои войска. Это было, по существу, начало проведения цинским правительством агрессивной политики против России. Первое их нападение (во главе с джангином — общее название штабных офицеров — Хайсе) было совершено из гарнизона Нигуты на отряд ЕюПюХабарова в марте 1652 г. Согласно донесению последнего, маньчжуры неожиданно напали «(на утренней заре 24 марта) на Ачанск, используя «огненный бой» — ружья и пушки. Но, несмотря на внезапность, успеха они не имели: в том бою под Ачанским острогом маньчжуры потеряли убитыми 676 чел., а казаки — 88 чел., т. ч. 10 — убитыми и 78 — ранеными (дело в том, что казаки защищались, находясь за стенами острога — Авт.) [8, с. 136-137].

Подобного исхода Ачанского сражения, Сын Неба никак не ожидал, тем более, что нападавшие имели многократное превосходство над казаками, защищавшими острог. Потому-то он строго обошелся с руководителями похода: джангин Хайсе, согласно императорскому указу, был казнен в октябре 1652 г., а посланный вместе с ним «военачальник Сифу» получил 100 ударов плетью и отстранен от должности [2, гл. 68, с. 24 а].

Вышеназванный указ Сына Неба интересен нам не только вышеприведенными фактами, а еще и признанием императора о том, что его войска были посланы для нападения на русский городок из гарнизона Нингуты. Наконец, он дает основания для вывода о том, что в 50-х гг. XVII в. (вплоть до 80-х гг. того же века) на Амуре не имелось ни цинских административных органов, ни маньчжурских войск. Нингута же, откуда были посланы войска для нападения на Ачанский острог, находилась от Амура на расстоянии сотен километров. Удаленность его гарнизона от Ачанска подтвердила и попавший в плен к казакам «служилый человек Нюлгуцкого городка именем Кабышейка». На допросе он говорил Е. П. Хабарову, что ехали они от Нюлгуцкого городка на конях три месяца» [6, с. 359-361]. Этот факт лишний раз свидетельствовал о том, что Амурский бассейн не находился в то время под властью цинских правителей, а потому и направление Сыном Неба своих войск на столь далекое расстояние следует рассматривать не иначе, как вторжение маньчжиров в чужие земли.

Говоря об этом, скажем, забегая чуть вперед, что эта неприятная для Русского государства ситуация (военные действия цинского правительства против русских владений на Амуре, без объявления войны, без выдвижения каких-либо претензий русскому правительству по дипломатическим каналам) будет продолжаться почти десять последующих лет. В этом и будет состоять особенность агрессивной политики Цинов по отношению к «Московии»: свои враждебные действия против русских землепроходцев они будут рассматривать как карательные действия против «частных лиц», «нарушителей границ», поставивших себя своими действиями вне закона. Этой, вполне удобной ширмой Пекин будет прикрываться и в дальнейшем, даже при открытых нападениях на русские владения на Дальнем Востоке.

Пока же «Ачанский демарш» Цинской династии понудил Москву направить «на Амур» своего человека для «засвидетельствования» случившегося «инцидента» и выяснения отношения «тамошних инородцев» к русскому присутствию в данном регионе. Прибывший в 1653 г. На Амур «начальный человек» — Д. Зиновьев (с воеводскими полномочиями) — оперативно выполнил порученное ему правительством дело и в конце 1654 г. Возвратился в столицу. Отчитываясь в Сибирском приказе, он доложил боярину А. Н. Трубецкому о том, что «даурские иноземцы бьют челом о вечном холопстве» и просят, чтобы «государь пожаловал [и] велел их оберегать от богдойского (маньчжурского — Авт.) царя» [9, с. 3].

«Сведав» о реакции Москвы на «инцидент» на Сунгари и Амуре, Цинь не стали ждать развития событий в указанных районах не по-ихнему сценарию, т. е. «тамошние варвары» уходили не под «законную руку Сына Неба», а принимали подданство русского царя. Они, конечно же, не могли осознавать того, чем «завоевывали» русские землепроходцы (всего каких-то несколько сотен человек!) «души и сердца местных варваров», старавшиеся избегать там, где это было можно, насилия. Не могла отрицать Цинская династия и того, что на мирное освоение новых земель, на подчинение местного насе-

ния мирными средствами своих землепроходцев ориентировало русское правительство. Свидетельство тому — грамота Сибирского приказа, данная «Онуфрию Степанову с товарищи», 15 марта 1655 г. «А...наших даурских и дючерских, и гиляцких ясачных) [людей], которые учинились под нашею царского величества высокою рукою в вечном холопстве и ясак с себя дают, — говорится в ней, — [вы б] воиною не разоряли и не грабили их, и не побивали, жон и детей их в полон не имали и не крестили, а наш ясак збирави с них ласкою и приветом, а не жесточью, чтоб, видя нашу царскую милость, и иных немирных земель люди нам, великому государю, учинились в вечном холопстве и ясак с себя давали» [8, с. 204].

Не имея того, что можно было бы противопоставить российской политике мирного «приискания новых земель», Цинская династия вновь прибегает в 1654 г. К угону дауров и гогулей в долину притоков Сунгари (Нонни (Наун) и Хурхи (Муданьцзян). Однако, несмотря на подавляющий перевес маньчжурских войск, наиболее многочисленные тунгусские племена и другие «инородцы» предпочли русское подданство богдыханскому игу и «воспротивились» угону со своих «породных мест» [4, с. 596].

Столкнувшись с подобным «непочтением варваров», взявшим пример с «лоча», Сын Неба отдает приказ (на основании своего указа от 28 января 1655 г. — Авт.) об организации похода против русских владений на Амуре. Возглавить «правительственные войска» было приказано «гушань-эчжэню (командиру корпуса — Авт.) Минъаньдали». Объектом нападения руководимых им сил стал Кумарский острог, подвергшийся в течение марта — апреля 1655 г. «атакам и приступам» 10-тысячного «богдойского войска». Несмотря на неравные силы, казакам все же удалось отстоять свой острог [8, с. 206-207].

Говоря об этой и предыдущих «недружественных акциях» Цинской династии по отношению к Русскому государству, следует отметить, что в китайских источниках, по свидетельству отечественных исследователей, и слова нет о ее взаимоотношениях с ним, как нет и официальных разъяснений о причинах военных столкновений маньчжурских войск с русскими казаками в Приамурье. Не может быть и такого, чтобы цинский двор не получал соответствующих донесений от своих военачальников о ходе военных действий в Приамурье и, чтобы Госсовет и сам Сын Неба никак не реагировали на эти события. Нет них и сообщений о дипломатических связях Пекина с Москвой.

Первое из них, зафиксированное китайскими источниками, датировано 25 июня 1655 г. Учитывая его значимость, в связи с высказанным выше, приведем его полностью. Это — «Указ [императора Цин] Чагань-хану («Белому хану» — так именовали в китайских и маньчжурских документах русского царя. Перевод и комментарий документа Л. И. Думана) Русского государства (Олосычо)». «Твое государство находится далеко на северо — западе. Прежде еще никто [от Вас] не прибывал в Китай (Чжун-хуя). Ныне ты (везде употреблено местоимение второго лица единственного числа

(«эр») искренне обратился к цивилизации (читай «к нашей цивилизации и воспринял ее») и направил посланника с данью из местных изделий. Мы весьма одобляем это. Специально жалуем тебя милостивой наградой. Тотчас же отпускаю обратно твоего посланника. Выражая наши чувства гуманизма, далеко распространяющиеся. Ты их с уважением прими. Навеки будь предан и послужен, и этим ответишь на милость и любовь нашу» [2, гл. 91, с. 20 б — 21 а].

К сожалению, писал в свое время переводчик и комментатор вышеназванного указа, китайский источник не указывает в связи с чем появился данный императорский вердикт. Лишь сопоставление других свидетельств китайских и русских источников дает основание связать его появление с прибытием в Пекин гонцов русского посла Ф. Байкова (отправленного в июне 1654 г. В Китай — Авт.) Петра Ярыжкина и Сейткула Аблина, о пребывании которых в июне 1655 г. в столице упоминают и маньчжурские чиновники, и статейный список Ф. Байкова [10, с. 131].

Не вдаваясь в «тонкости» появления цитированного выше императорского указа, остановимся более подробно на содержании и тоне этого документа. Они в полной мере дают представление о мании величия цинских правителей, о взятой на вооружение цинской дипломатией великодержавной шовинистической концепции о «Сыне Неба (императоре)», как властителе Вселенной. В силу этого, указ Шуньчжи написан в обычном для китайских императоров стиле: обращаясь к подлинным и мнимым вассалам, они неизменно подчеркивали их « обращение к цивилизации» (естественно, к китайской), факт посылки «дани из местных изделий» (на самом деле это были общепринятые в дипломатической практике средневековья взаимно посылаемые правителями государств подарки), а также указание на «милостивую награду» — пожалование подарков. И, наконец, неизменный «атрибут», которым традиционно заканчивались грамоты и указы цинских императоров — это ссылка на их «гуманизм» и требование к своим вассалам — настоящим и мнимым — быть «навеки преданным и послуженным» Сыну Неба.

Словом, все эти «моменты» присутствуют в первом дипломатическом документе — Указе императора Шуньчжи, направленном русскому царю летом 1655 г. с «гонцами П. Ярыжкиным и С. Аблиным». Исходя из сказанного, становится очевидным, что правитель Цинской империи рассматривал Русское государство как своего «вассала» и на этой основе намерен был строить свою внешнюю политику по отношению к нему, совсем не представляя себе его мощь и силу.

В известной степени и Москва не проявляла особого интереса к Цинской империи. Порукой тому — полное игнорирование ею «указа Шуньчжи», доставленного в первопрестольную Сейткулом Аблиным. Русское правительство не сочло даже необходимым, хотя бы ответить на него. И это при том, что оно проявляло немалый интерес к установлению дипломатических отношений с Китаем и особенно к налаживанию торговли с ним. Но интересуясь этой «экзотической страной», московское правительство, как явствуют документы, не имело в

1654-1655 гг. точного представления ни о маньчжурском, ни о китайском государстве, не завоеванном окончательно к тому времени цинскими войсками. Это со всей очевидностью демонстрирует казная память даурскому воеводе, в которой ему предлагалось послать пять-шесть даурских служилых людей к «богдойскому (Адрикану) и никанскому царям с предложением, чтобы они «учинились под... царского величества высокою рукою и дань ему давать стали» [8, с. 201]. А те «цари», как полагали в Москве, находились: «Андрikan — на р. Сунгари, а никанский — недалеко от него» [8, с. 201]. А коль «оные цари не пойдут под высокую государеву руку», то воеводе предписывалось договориться «с их людьми, в их государствах и по обе стороны торговать повольно...» [8, с. 202].

Из приведенного выше документа, вполне здраво просматривается то, что ни русское, ни цинское правительства ничего толком не знали друг о друге. И в силу этого, они не в состоянии были решать любые внешнеполитические проблемы. Чтобы выйти из этого «порочного круга», Москва принимает решение направить в июне 1654 г. в Пекин свое посольство. Главная его цель состояла в установлении с Цинской империей добрососедских дипломатических отношений, а также в налаживании с нею и народами Азии торговых отношений [10, с. 91]. Наряду с этим, обязан был Ф. И. Байков сбрат и сведения о Цинской империи, о ее внешнеполитическом положении, особенно о том, с кем она состоит в дружбе, а с кем воюет. Весьма интересовало Москву и то, как отнесутся в Пекине к направленному ей послу, к «государевой грамоте» и пойдет ли китайский правитель на установление дипломатических отношений с Русским государством и отправит ли он туда своих послов и купцов с товарами [8, с. 160-162].

Не вникая в суть состоявшихся между сторонами переговоров, отметим лишь то, что «незнание» ими друг друга не принесли ни Москве, ни Пекину желаемых результатов. Особенно не устроило последний поведение московского посла, «коей с государевою грамотой к нашим... приказным людем не поехал и по нашему, припадши на колено, не кланялся [8, с. 177-178, 187]. Вызвала раздражение Сына Неба и грамота, привезенная послом. Она, по его мнению, «кичливая и нескромная», а «Белый царь... самонадеян... [Ему] надлежит быть снисходительным» [11, с. 282]. С точки зрения цинского императора, русский царь его вассал, а потому он не имеет права называться «великим ханом», употреблять летосчисление, отличающееся от китайского. Понимая, что Русское государство затерялось где-то на далекой западной окраине, Сын Неба «удовлетворен» тем, что «Белый царь» тянетесь к китайской цивилизации и искренне стремится выполнить «свой долг вассала» (свидетельство тому — «присылка дани и грамоты») [11, с. 283].

Словом, эти и другие факты говорят о том, что дипломатическая миссия Ф. И. Байкова не решила тех задач, которые возлагались на нее Москвой. И главная причина этой неудачи состояла не столько в незнании ее посланником посольского церемониала, закрепившегося в цинском Китае, сколько в отсутствии у Пекина точного представле-

ния о Русском государстве, в силу чего, он, следуя в русле старой китайской традиции, продолжал, по-прежнему, рассматривать своего великого соседа, как вассала, что, естественно, негативно влияло на процесс установления добрососедских отношений между двумя странами.

Столкнувшись с подобным отношением к «себе», русское правительство не стало «усугублять» ситуацию: занятой с середины XVII. Борьбой с Польшей, а затем с Турцией (за сохранение в свое составе присоединившейся Украины) Москве необходимо было сохранить мир на дальневосточных рубежах, не поступаясь при этом здесь ни своими владениями, ни интересами. В силу этого, она воздерживалась от какого-либо участия в непрекращающейся борьбе монгольских ханств между собой, всячески оберегая свои сибирские владения от набегов монгольских феодалов. С ними русское правительство стремилось упрочить свои дипломатические и торговые связи, не упуская при этом возможности, дипломатическими средствами «увести желающих инородцев под высокую руку белого государя» [12, с. 106-154].

Однако конец 50-х гг. XVII в. Поставил перед Русским государством ряд внешнеполитических проблем (все они возникли после присоединения к нему Восточной Сибири — Авт.), которые требовали своего оперативного решения. В частности, необходимо было «устранить» враждебную реакцию Цинской династии на появление русских на Амуре, а также ослабить ее агрессивные намерения в отношении Монголии и Сибири, создававшие напряженную ситуацию на Дальнем Востоке. Не менее сложные отношения возникли у «Московии» и на рубежах с Джунгарским и северо-монгольскими (халхаскими) ханствами. Первое, разгромив государство Алтын-ханов, консолидировалось — к этому времени — в сильную кочевую империю, вовравшую в свой состав земли между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Набравшие силу джунгарские и северо-монгольские ханы, как и прежде, были заинтересованы в экономических связях с Русским государством, но в то же время, они упорно отстаивали свое право на феодальный грабеж сибирских племен, ушедших «под высокую руку белого царя». Этому в немалой степени способствовала «неопределенность» государственных границ, в силу чего отдельные племена то и дело попадали в положение «двоеданцев» и даже «троеданцев». В связи с этим, нельзя не сказать пару слов об отношении русского правительства к принятию «инородцами» и «иноzemцами» российского подданства. Оно рассматривало его как акт, не подлежащий пересмотру, и не поступалось этим принципом, когда отдельные группы сибирского населения вынуждены были (под давлением воинской силы — Авт.) откочевывать на территории соседних государств. Особенно остро

коснулась эта проблема в 60-х гг. XVII в. Коренного населения Томского и Кузнецкого уездов, верхний Енисея (Красноярский уезд), на сбор дани с которого претендовали правители енисейских кыргызов и Джунгарии. Не в лучшей ситуации находилось в этом плане и «инородческое население» Забайкалья, страдавшее от набегов северо-монгольских ханов и тайшей.

И все же, если говорить в глобальном масштабе, то общая внешнеполитическая обстановка — в собственно Центральной Азии и на дальневосточных — русских — рубежах — во многом зависела от взаимоотношений монгольских владетелей с Русским государством, с Китаем, а также от взаимоотношений последних между собой. Это со всей определенностью показали события, развернувшиеся между Москвой и Пекином в 50-60-х гг. XVII в., когда, по мере присоединения южносибирского населения к «Московии», устанавливались ее границы на юге Сибири и на Амуре. Необходимость пограничного размежевания между Россией и Китаем диктовалась не только задачами нормализации отношений с последним, но и тем, что от их состояния во многом зависел характер русско-джунгарских и русско-монгольских отношений. Цинская же династия, как было показано выше, почти ничего не предпринимала, чтобы изменить свою «позицию» по отношению к «лоча». Начиная с 50-х гг. XVII в., она все делала для того, чтобы окружить свою империю зоной малонаселенных вассальных территорий, не оставляя — в то же время — намерений и в дальнейшем проводить активную политику внешних военных захватов, в частности, на севере и северо-востоке, даже не помышляя об установлении общих границ с Русским государством. Подобная позиция цинского правительства всесильно определялась «его боязнью» за свои вотчинно-династические интересы в Маньчжурии, откуда оно, в силу обстоятельств, вынуждено было вывести свои войска на территорию завоеванного маньчжурами Китая. Дополнялась она и другими «нежелательными» для Цинов обстоятельствами: по мере русского освоения Приамурья, местные аборигены все чаще и чаще занимали позицию, «неугодную» маньчжурской стороне. Их «дурному поведению» — уходу в «русскую протекцию» последовало аборигенное население Забайкалья и других районов Южной Сибири. В ответ на это маньчжурское правительство начало угонять в 50-х гг. XVII в. «строптивцев» со своих «родовых мест» в «свою сторону». Однако убедившись в «нерезультивности» данного «предприятия», оно решило изменить свою тактику и приблизиться к излюбленной своей манере борьбы с «иноzemными народами» — покорять «варваров силами самих варваров». Что из этого получилось, это уже тема другого разговора.

Библиографический список

1. Подробнее об этом. См.: Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы / Л. И. Думан // Китай и соседи. — М., 1970.
2. Да Цин Шэнцзу Жэнь-хуанди шилу (Хроника правления императора Шичзу великой династии Цин. — Токио, 1937. Гл. 140.
3. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — М., 1969.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII. — М., 1960.

5. Мелихов Г. В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахае (1591-1644) // Маньчжурское владычество в Китае. — М., 1966.
6. Дополнения к актам историческим. Т. III — СПб., 1848.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.214. Стлб.508.
8. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. — М., 1969.
9. Русская историческая библиотека. Т. 15. — СПб., 1894 (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову).
10. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова. — М., 1966.
11. Внешняя политика государства Цинн в XVII в. — М., 1977.
12. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 20.11.08

V. G. DACHISHEN, N. S. MODOROV

FROM OF HISTORY SUBJUGATION OF RUSSIAN STATE THE REGION OF AMUR IN THE FIRST OF HALF XVII CENTURY

In article, the paper on the basis of throw light the history of Russian penetrate in the region of Amur and the counteraction that process from of China.
aggression, Baikal, foreign policy, Far East, diplomatic mission, Cnina, customs, region Amur, Russian state, trade, yasak

УДК 902

Э. П. Дворников

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУР НОМАДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Работа посвящена характеристике элементов обрядовой практики с точки зрения их информативности в реконструкции изучаемых культур. Рассмотрены объекты погребально-поминального цикла. реконструкция, культура, обряд, археологическая наука, курган

В настоящее время идёт процесс формирования интереса к истории появления ныне живущих народов, этногенетической истории, становления и развития культуры. В этом смысле очень важный пласт информации предоставляет нам археологическая наука с ее, если хотите, в прямом смысле глубинным изучением истоков обрядов, традиций, культур. Нередко это практически единственный источник для подобных реконструкций особенно при отсутствии или скучности письменных источников.

В сферу ведения обозначенной науки попадает, прежде всего, погребально-поминальная обрядность во всём многообразии, иллюстрирующей основы существовавших культурных традиций. Обратимся в нашем случае к важнейшему этапу, отражающему переход в иной мир посредством анализа составляющих элементов погребального объекта. Мы не должны забывать о том, что собственно погребальный объект фиксирует лишь в общем, плане проведённый ритуал погребения, с определённой долей вероятности мы можем восстановить перечень мероприятий соплеменников умершего до момента похорон и после, что не фиксируется в овеществлённых элементах обряда. В частности речь идёт о событиях предшествующих проведения собственно погребальных действий, а именно комплекс воздействий соплеменников на тело умершего. Ярчайшим отражением таких операций является нанесение специальных сюжетов в виде татуировок, хирургические манипуляции, мумификация покойного как у пазырыкцев, изготовление посмертной маски

как у представителей таштыкской культурной общности, а то и вовсе сжигание покойного, что, например, было характерно для енисейских кыргызов. Важнейшую часть церемонии представляет этап собственно похорон, что и фиксируется в конечном итоге при раскопочных работах как овеществлённый остаток погребального ритуала.

В диапазон решаемых нами проблем входят как внешние, так и внутренние составляющие обозначенного действия. Говоря о внешних, характерных чертах, следует сконцентрировать внимание на пространственно-территориальное расположение некрополей в соответствии с географическими характеристиками. Нам представляется, что важнейшее значение при внешнем анализе следует отводить планиграфическим особенностям возведённого мемориала. Приведенный аспект имеет нередко датирующее определение и позволяет отметить основные мировоззренческие моменты, отраженные в представлении древних о гармонии внешней среды и внутреннего мира человека, абсолютное равновесие, упокоение, комфорт, который должен быть присущ соответствующему месту. Следует отметить, что древним народам по им известным приметам удавалось находить такие места укромные, скрытые от лишних глаз, желательно с наличием водного источника реки или ручья. Собственно памятники принято было располагать на незатопляемых, хорошо прогреваемых террасах. В наше время данными проблемами гармоничного расположения объектов озадачены ландшафтные дизайнеры для создания садово-парковых зон. Анализируя материалы

полевых исследований, становится отчетлива общая закономерность независимо от культурных традиций, некое знание принципов выбора мест для символического покидания земного мира, окончания земного пути и перехода в иное состояние.

К числу основных наземных элементов характеризующих погребальный обряд следует отнести форму насыпи и характер выкладки. Курган — архитектурное сооружение, несущее в себе информацию: строительную, технологическую и идеологическую. Данное сооружение, в нашем случае, нужно рассматривать не как архитектурное строение, а как результат археологизации архитектурного сооружения [1, с. 22-25].

Скифский курган, как искусственно созданный объект находится на границе трёх естественных (реальных) и в то же время мифологических сфер. Средней (дневная поверхность, мир живых; здесь чаще находится устье входа в погребальное сооружение). Нижней («подземелье», мир мертвых, где обычно располагается погребальная камера) и верхней (небесно-воздушная среда, мир высших божеств, куда устремлена курганская насыпь). Очевидная ассоциативность курганной насыпи свидетельствует в пользу неслучайности данного ключевого элемента скифского погребального комплекса. При этом, стихийная всеохватность мифологических представлений предполагает несомненную мифологическую значимость всех включенных в погребальный комплекс элементов, вплоть до самых, на первый взгляд, незначительных.

Очевидно, и насыпь, и пространство около курганов сакрализовались, в том числе и посредством ритуальных действий, при этом степень сакральности уменьшалась по мере удаления от геометрического центра насыпи. Анализ скифских погребений привел к однозначному подтверждению трактовки скифского курганных комплексов, как символической модели упорядоченного мира в вертикальной и горизонтальной проекциях.

Наиболее информативным источником становится погребальная камера, в которой фиксируется широкий круг составляющих, начиная от формы самой могильной ямы, каменных или деревянных конструкций образующих, например, каменный ящик, срубную конструкцию, что опять таки хорошо иллюстрируется на материалах пазырыкской культуры. Важный блок культурных представлений передан в диаметрально противоположных традициях ингумации (трупоположения) и кремации (трупосожжения). Важное значение представляет ориентированность могильной ямы и умершего относительно сторон горизонта. Отдельный круг представлений связан с сооружением так называемых кенотафов «пустых могил». В данных объектах есть основные составляющие обряда погребения, но нет собственно тела виновника сего действия. В этом случае следует отметить обязательность проведения погребальной церемонии для умершего человека даже в случае отсутствия его тела (безвестная пропажа вне отечества), это как совершиенно необходимый ритуал перехода в новое качество. Важнейшую смысловую нагрузку несут остатки элементов одежды, а в некоторых случаях и прекрасные образцы выполненные древними модельерами

для удобства носки в условиях ведения кочевого хозяйства и несомненно для подчёркивания статуса их носителей. Следует говорить об особом пазырыкском стиле в целом восточном, но разительно отличающемся от китайского своей едва уловимой спецификой характерной для представителей кочевой культуры, хотя, и создан наверняка на основе китайского модельного стиля.

Практически в каждом погребальном объекте отмечается определённый набор предметов, возможно особый ритуальный перечень изделий, иногда явно специально изготовленный по случаю, по мнению соплеменников необходимый для «правильно» проведения погребального переноса.

Основополагающим отличием погребальной обрядности кочевых народов от оседлых земледельческих представляется пребывание в погребальной камере в большинстве случаев захоронения лошади, сравнительно часто это высокопородные экземпляры, возможно, специально подготовленные для подобных церемоний.

Важным источником по истории и культуре древних кочевников Горного Алтая являются поминальные памятники. Они отражают обряды поминального цикла, призванные увековечить память о деяниях соплеменников, героев — воинов, кочевых вождей. К их числу относятся кольцевые выкладки, оградки подквадратной и подпрямоугольной формы. Объекты сооружались по определённому канону, ритуальной традиции, уходящей своими корнями в глубь истории. В рамках отдельной культуры в обрядово — ритуальной практике были свои варианты погребения и поминок присущие клановой традиции в основополагающих чертах не выходящей за рамки общепринятых правил. После совершения погребения усопшего, по истечении определенного времени производили его поминки с ритуальными действиями: разведением огня, пиршеством, жертвоприношением, для кормления душ умерших. Неотъемлемым элементом поминок было возведение объектов ритуально — поминального комплекса: оградок, изваяний, стел, ритуальных курганов, балбалов.

Традиции поминальной обрядности, связанные с сооружением каменных оградок, выкладок и установкой каменных стел, у племён Центральной Азии восходят к эпохе бронзы. В этот период древние скотоводы стали сооружать менгиры, ряды стел, установленных внутри квадратных оградок. В период существования культуры керексуров, в эпоху поздней бронзы, на поверхности поминальных стел наносились рисунки, изображавшие головной убор, ожерелье и пояс с оружием, оленей и других животных. Олениные камни ставили рядами лицевой стороной на восток. Перед ними сооружались выкладки из камней, жертвенники в честь поминаемых воинов [1, с. 136-162]. В Горном Алтае, входившем в ареал культур бронзового века и эпохи раннего железа, известны ряды олennых камней и стелы в оградках. Возможно, часть оградок без находок относится к эпохе бронзы [2, с. 159]; [3, с. 45-51]. Для пазырыкской культуры характерными являлись остатки тризин в насыпях курганов, которые производились на этапе сооружения насыпи. Поминальными объектами этого периода станов-

вятся различные выкладки, столбики, восьмикаменные кольца. По мнению В. Д. Кубарева на могильниках Восточного Алтая часто встречаются выкладки в два — три ряда и размещены, как правило, с запада от погребальных курганов. Хотя имеются варианты местоположения восьмикаменных выкладок с востока (Юстыд I, Джолин I). По мнению Ю. С. Худякова, наличие двух трёх колец может соответствовать первым и последующим поминкам [4, с. 87-89]. При раскопках выкладок в них найдены следы огня, кальцинированные кости животных и фрагменты керамических сосудов от поминальных триз. На Средней Катуни, на памятнике Ороктой-Экэ, в долине реки Ороктой, исследованы квадратные и прямоугольные оградки, расположенные с запада от погребальных памятников с севера на юг, вдоль склона гор. Инвентаря в оркотайских оградках не имеется, за исключением фрагмента керамики с орнаментом, характерным для пазырыкской культуры. По мнению многих исследователей, подобная трансформация стала возможной под влиянием миграции пришлой группы населения, связанной с притоком центрально азиатских кочевников времен хуннского завоевания. В этот период оградки встречаются довольно редко.

Последствия экспансии хунну послужили началом формирования булан-кобинской культуры. Оградки булан-кобинской культуры, как уже не однократно отмечалось, уложены из валунов или скальных обломков, ориентированы в большинстве своём по странам света. Отличительной чертой от оградок завершающего этапа пазырыкской культуры является сооружение каменного ящика или ямки под насыпью. Кроме того, среди исследованных оградок зафиксировано погребение лошади. Наиболее характерным отличием оградок от поздне-пазырыкских является помещение в оградку разнообразного инвентаря: предметов вооружения, конской упряжи, предметов быта и украшений. Такое модифицирование в сознании кочевников, видимо, связано с политическими событиями, а именно продолжительное ведение войны. разумеется, сородичи, сопровождая своего умершего, желали, чтобы он и в стране умерших предков мог эффективно воевать с противником. Кроме того, произошли изменения в возведении внеоградных элементов комплекса. Если в пазырыкской культуре, даже на её финальном этапе, в комплексе оградок не отмечалось возведение дополнительных объектов, то в булан — кобинскую эпоху часть оградок стали сопровождать цепочки вертикально поставленных камней. Одна из исследованных оградок содержала две стелы с внешней стороны. Типологическое разнообразие свидетельствует об эволюции и многовариантности поминальной обрядности. С переселением в середине VI века в Горный Алтай древнетюркских племён, поминальная обрядность приобрела ещё более сложную систему. Оградки анализируемого периода в большей части возведены из плит или скальных обломков, некоторые по одной, две, три окружены валом и рвом. Под насыпью оградок наблюдаются разнообразные элементы: ямки, ящики, деревянные столбы в центре и по углам ограждения. Инвентарь древнетюркских оградок, как и в прежнюю эпоху очень разнообразен. В оградках

значительно чаще стали помещать железные наконечники стрел, зафиксировано умножение количества разнообразной посуды (горшки, банки, чаши). Внеоградные конструкции значительно усложнились, появилась скульптура как одно, так и в сочетании с балбалами. Кроме того, отмечено появление деревянных столбов вне ограды на стыках плит, также вне ограды зарегистрировано сооружение каменных ящиков-алтарей. Отличительной чертой поминальной обрядности древних тюрок явилось сооружение выкладок различных форм, в которых отмечаются остатки триз в виде зольников, прокалов, фрагментов костей и керамики. На памятниках более раннего периода подобных объектов пока не выделено.

Удивительное разнообразие элементов поминального обряда в древнетюркскую эпоху связано с локальными особенностями и социальной дифференциацией древнетюркского общества. В период I Тюркского каганата поминальный культивировал воинский характер, о чём свидетельствует распространение балбалов — символов убитых врагов. В надписи Кюль — тегина говорится: «В честь моего отца кагана во главе вереницы (камней) поставили балбалом Баз — кагана» [5, с. 83]. Правитель тогуз — огузов Баз — каган был разгромлен Тоньюкуком и поставлен «балбалом» на поминальном комплексе в честь древнетюркского Ильтерес — кагана [6, с. 238-255]. Видимо, в этот период получили развитие изваяния, которые в период II Восточного каганата и последующие периоды Уйгурского и Кыргызского каганатов стали изготавливаться в виде объемных скульптур с реалиями. В тоже время происходила модификация обряда, слияние культов. Именно поэтому мы имеем на сегодняшний день типологически различные поминальные памятники.

Необходимо отметить некоторые моменты, более или менее принимаемые всеми исследователями. Оградка, как объект поминального назначения ограждала пространство, вмещающее душу поминаемого от участников поминок. Найдки костей различных животных сообщают о том, что производилось кормление души умершего. Кормление души совершалось через поминальный костёр. Многие предметы просто складывали на костре, что фиксируется в виде зольников и прокалов, в которых часто находят, например, железные предметы. Различные китайские хроники утверждают, что тюрок после похорон накладывали камни и устанавливали при этом каменный столб [7, с. 168-184]. «Китайские мастера, скульпторы и камнерезы участвовали в оформлении их мемориалов, сооружали поминальные храмы, изготавливали стелы с надписями, статуи людей и животных, выполняя волю китайского императора» [8, с. 227]. Поминальная обрядность испытывала различные инокультурные влияния. В частности, в связи с экспансией хунну, инфильтрацией населения в пазырыкскую среду, незамедлительно повлияло на изменении форм поминальных оградок. Древние тюрок восприняли некоторые элементы китайских поминальных традиций в оформлении мемориалов древнетюркской аристократии [9, с. 148]. На рубеже периодов раннего и развитого средневековья пре-

жная центральноазиатская традиция сооружения поминальных оградок затухает, что связано со сменой населения.

Подводя итог выше сказанного, следует отметить широкую информативность обряда погребения и поминок в изучении культур кочевников Горного Алтая. Ритуальные действия по обозначенным об-

стоятельствам, являлись важнейшим этапом в жизненном цикле человека. Анализируя материалы, мы можем реконструировать природно-ландшафтный фактор существования культур, их хозяйственно — материальную основу и мировоззренческие ориентиры древних обществ.

Библиографический список

1. Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
2. Худяков Ю. С. Херексыры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987.
3. Суразаков А.С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология — 88. Фрунзе, 1988.
4. Савинов Д. Г., Рева Л. И., К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993.
5. Худяков Ю. С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. — Спб., 1996.
6. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово — поминальных памятниках Монголии VI — VII вв. — М., 1996.
7. Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-ханын-норской надписи / С. Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1974. — М., 1978.
8. Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979-1982 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985.
9. Бичурин Н. Я (Иакинф) Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.-Л. 1950.
10. Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков в Горном Алтае // Древности Алтая. — №9. Горно-Алтайск, 2002.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 07.10.08

E. P. DVORNIKOV

FUNERAL MAKE MENTION RITUAL SPRING RECONSTRUCTION CULTURE NOMADS GORNY ALTAI

This work dedicated character elements ritual practice with point of view information in reconstruction study of culture. Examine objects funeral make mention cycles.

reconstruction, culture, ritual, archaeologic science, barrow

УДК 902

A. В. Иванов, Н. С. Модоров

ЕВРАЗИЯ, ГЕОПОЛИТИКА И САЯНО-АЛТАЙСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ*

В статье, на основе широкого круга опубликованных источников, освещены возможные пути дальнейшего развития России и ее субъектов, в том числе Республики Алтай.

Алтай, Запад, просвещенное общество, перестройка, революция, Россия, самодержавный режим, Советская власть, Старый Свет

Политические процессы, происходившие на огромном пространстве, именуемом в начале XX века «Российской империей», неизменно занимали «просвещенные умы» мирового сообщества, особенно европейского. И это не случайно, поскольку геополитическая Россия занимала тогда очень важное стратегическое положение на континенте: ее пространственное расположение связывало два конца Старого Света, а через полюс — она была связующим звеном между Азией и Америкой. В силу этого, мир очень обеспокоился, когда в России грянула в 1905 году «буржуазная революция». Однако самодержавный режим в стране был достаточно силен, и ему без труда удалось справиться с первым натиском «российс-

кой социал-демократии». «Спустив пары» с помощью Манифеста 17 октября 1905 года, самодержавие начало вновь «закручивать гайки».

Но этот процесс упрочнения самодержавной власти прервала вспыхнувшая в июле 1914 года мировая война. Но она не ослабила внимания «просвещенных умов» к России, наоборот, оно даже усилилось. Именно тогда, в 1914, теперь уже далеком для нас, году — и произнес русский религиозный философ В. Ф. Эрн всего два, в принципе ничего не значащих, на первый взгляд, слова. Однако он и предположить не мог, что со временем именно они обессмертят его имя. Тогда же В. Ф. Эрн скромно вымолвил: «Время, — славянофильствует». И это

* Работа выполнена по гранту РГНФ-МинОК Монголии № 08-01-92002 а/G

было сказано в условиях военной агрессии Запада. Тогда, в той ситуации, Владимир Францевич, конечно же, подразумевал ничто иное, как необходимость нашего возвращения к отечественным духовным корням. Но сегодня, когда прошло почти столетие с того времени, то, перефразировав эту фразу В. Ф. Эрна, ученые с полным правом заявляют: «Время евразийствует». И надо сказать, оснований для такого веского суждения вполне достаточно. Во-первых, учитывая, что попытка мирового сообщества на основе западных ценностей зашла в тупик, евразийство, по общему признанию исследователей разных профилей, стало ныне «действенным идеяным противовесом западной техногене — потребительской идеологии и политике». Во-вторых, оно стало ключевым моментом «нарождающейся духовно-экологической (ноосферной — по Г. В. Вернадскому) цивилизации» [1].

Не вдаваясь подробно в суть основных евразийских идей, высказанных в свое время Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, Л. П. Карсавиным, Г. В. Вернадским, Н. К. и Ю. Н. Перихами, Л. Н. Гумилевым и другими русскими учеными, подчеркнем лишь одно: данное мировоззрение наиболее емко выражено в тезисе о том, что Россия является «собой особый культурно-географический мир, что это — не Восток и уж тем более не Запад». Это — евразийский многонациональный мир-материя», единство и специфика которого обусловливается:

- а) единством природно-географических условий внутреннего, континентального пространства евразийского материка, совпадающего с территорией бывшего СССР, плюс часть Монголии до китайской стены;
- б) единством духовно-мифологических корней различных этносов, населяющих пространства России-Евразии (туркского, славянского, угро-финского, монгольского);
- в) единством исторических законов развития и, соответственно, исторических судеб евразийских этносов, которые неотрывны друг от друга;
- г) единством будущего цивилизационного существования народов России-Евразии, которое может быть достигнуто лишь их соборными братскими усилиями, противостоящими западной конкурентно-конфликтной и эгоистической политике [1].

Судьба многих «евразийцев» завершилась, как известно, весьма трагически, а их научные изыскания не были востребованы Советской властью. Более того, ей не нужны были «буржуазные умники», осмелившиеся критиковать ее «воинствующий материализм и атеизм» и объяснившие крах царской России и закономерность Октябрьской революции всего лишь «отрывом правящих кругов от народа и общей западнической ориентацией русской культуры в течение двух последних столетий». Не по душе пришлись ей и их «пророчества». В частности, им было предсказано многое из всего, что случилось и случится в нашей стране после краха в ней марксистской идеологии и большевистского интернационализма. К примеру, лингвист и культуролог Н. С. Трубецкой, касаясь будущего «порабощения России западным миром», писал, что «значитель-

ная часть русской интеллигенции, превозносящая сегодня романо-германцев и смотрящая на свою родину как на отсталую страну», которой «многому надо поучиться» у Европы, без зазрения совести пойдет на службу к иностранным поработителям и будет не за страх, а за совесть помогать делу порабощения и угнетения России [2, с. 54-55]. Ко всему сказанному, он, далее, с горечью присовокуплял, что первоначально приход иностранцев к нам будет связан с некоторым улучшением материальных условий существования, а с внешней стороны будет казаться, что независимость России будет оставаться как будто незатронутой, и, наконец, что фиктивно-самостоятельное, безусловно-покорное иностранцам, русское правительство будет в то же время несомненно чрезвычайно либеральным и передовым... Эта служба иностранцам еще не так опасна и не так заслуживает осуждения, тем более, что во многих случаях она будет просто неизбежна. Самое вредное это, разумеется, моральная поддержка иностранного владычества. А между тем, при современном направлении умов русской интеллигенции приходится признать, что такая поддержка со стороны большинства этой интеллигенции, несомненно, будет оказана. Вот это и есть самое страшное. Если иностранное иго будет морально поддержано большинством русской интеллигенции, продолжающей преклоняться перед европейской культурой и видеть в этой культуре безусловный идеал и образец, которому надо следовать, — то России никогда не удастся сбросить с себя иностранное иго и осуществить свою историческую миссию, — освобождение мира от власти романо-германских хищников. Осуществление этих задач возможно лишь при том условии, если в сознании всего русского общества произойдет резкий перелом в сторону духовного отмежевания себя от Европы, утверждения своей национальной самобытности... Если такой перелом произойдет, то победа обеспечена и никакая служба иностранцам, никакое физическое подчинение романо — германцам не страшны. Если этого не произойдет, Россию ждет бесславная и окончательная гибель» [2, с. 54-55].

В правоте предвидения Николая Сергеевича, к сожалению, нам пришлось, воочию, убедиться. Начавшаяся в середине 80-х гг. прошлого столетия в СССР «перестройка» завершилась, в начале 90-х гг. распадом некогда несокрушимым Советским Союзом и последовавшим за этим «парадом суворенитетов». Новые «прорабы перестройки» в который уже раз, «разрушив до основания старый мир», снова взялись «за строительство новой жизни в России», но теперь уже целиком ориентируясь только на Запад. И в этом очередном «романо-германском шествии к светлому будущему» опять никто — из его «новостроителей» — не удосужился взять предостережениям «евразийцев» 20-30 гг. XX века. И результат «забвения уроков» не заставил себя долго ждать. На рубеже веков преобразование России по западному экономическому образцу, основанному на культе частной собственности, конкуренции и погоне за прибылью, оказался попросту смертельным для России-Евразии, а, особенно, для таких уникальных биосферных регионов, как Алтай. На это, опять-таки, указывали в свое время евразийцы. Подвергнув критике «европейскую техногенно-потребитель-

скую цивилизацию», они ратовали за «царство в России целостного хозяйства», провозглашавшего «гармоничное воспроизведение и человека, и окружающей его среды обитания». Именно «царству» такой экономической модели и соответствовали, по их мнению, природно-климатические условия России-Евразии, в том числе и Алтая.

Подвергли в свое время критике евразийцы и «западную демократию», которую восхваляли многие из «строителей» новой России. Она, по их мнению, являла собой ничто иное как «периодически голосующее дезорганизованное народонаселение», которым манипулируют тщеславные политики и корыстные журналисты. Более определенно высказался, на сей счет, еще в 1927 году, историк — мицдеевист Л. П. Карсавин. Государственная власть на Западе, подчеркивал он, принадлежит оторванному от народа правящему слою, «на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят, чуть ли не всем банкиры» [3, с. 201]. В силу этого евразийцы и выступили против «олигархической системы власти». Они высказались за государственность, базировавшуюся не на механическом, всеобщем голосовании за мало кому известных людей, а на территориальном делегировании снизу вверх, в высшие органы государственной власти, лучших, уже проверенных в конкретном деле, представителей народа, способных адекватно выражать и отстаивать его волю и интересы.

Миф о Западе, как «вершине мировой цивилизации», окончательно был развеян войной, развязанной НАТО против суверенной Югославии весной 1998 года, когда насилие и ложь стали главными аргументами ее вдохновителей для достижения своих эгоистических целей. О подобной «псевдогуманности западной демократии» тоже не раз писали евразийцы. Агрессивный «романо-германский Запад», указывали они, всегда решал, и будет решать свои проблемы за счет других народов, в том числе и за счет народов России-Евразии, вплоть до их физического уничтожения. Спасение евразийцев от «романо-германского геноцида» им виделось «в осознании этносами своего единства и в проведении самостоятельной и твердой евразийской геополитической линии, противостоящей западному экспансионизму» [1, с. 106]. Обосновывая этот тезис, евразийцы ссылались, к примеру, на Александра Невского, который заключил «в свое время спасительный для Руси геополитический евразийский союз с Золотой Ордой, позволивший ей успешно отразить тевтонскую агрессию». Более того, утверждал Г. В. Вернадский, без тюркско-монгольского влияния никогда не смогла бы сложиться самобытная российская государственность [1, с. 106]. Возможно это обстоятельство сыграло свою роль, что Россияне, участвуя в конкурсе «Имя России», отдали предпочтение именно Александру Невскому, боровшемуся как с прямой, так и «мирной» агрессией Запада. Последняя же — и сегодня не осталась в прошлом. С нею, к сожалению, народам приходится нам сталкиваться и сегодня. Пример тому — эскалация терроризма и локальных вооруженных конфликтов; экономический, экологический и духовный кризисы; нарастание этнической и межрелигиозной напряженности, которые чреваты на са-

мом деле *тотальной деглобализацией*, т. е. распадом единого мирового политического и социокультурного пространства на непримиримо враждующие политические анклавы и т. д. и т. п. Такой печальный финал «объединения по-европейски» не удивителен. Он был многократно предсказан в разного рода научных и философских исследованиях, в том числе и русских (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и др.).

Кризис западных ценностей понудил мировое сообщество, в частности, российское, обратиться к иным «ценностям». Таковыми для него стали «традиционные ценности» народов Евразии, о которых говорили и писали в свое время российские классики «евразийства» — Н. Н. Алексеев, Л. Н. Гумилев, Н. К. и Ю. Н. Рерихи, П. Н. Савицкий, Н. Н. Трубецкой и др. Не останавливаясь на вкладе каждого из них в разработку данной теории (эта тема ждет еще своего внимательного исследователя — Авт.), лишь скажем, что наследие евразийцев — в свете нарастающих ныне процессов региональной евразийской интеграции, начиная с процессов на межгосударственном уровне в рамках ШОС и заканчивая трансграничным сотрудничеством на пространстве так называемого Большого Алтая — стало сегодня и актуальным, и востребованным.

Исходя из вышесказанного, анализа идейного наследия евразийцев и современной внешнеполитической ситуации, можно наметить вполне определенные контуры российской геополитики текущего столетия, в котей Алтае-Саянскому региону предстоит сыграть далеко не последнюю роль. Подобное заключение обусловлено целым рядом обстоятельств. Учитывая, к примеру, очевидную агрессивность политики Запада во главе с США, возникает потребность перенести центр тяжести нашей геополитики на Восток. Иначе говоря, сегодня есть объективная потребность для усиления «азийской геополитической доминанты», подразумевающей в качестве конечной цели поэтапное создание стратегического «Евразийского Континентального Союза (ЕКС)». Главной базой его формирования должны быть не принципы «техногенной и потребительской, а духовно-экологической (ноосферной) цивилизации, которая будет основываться на единстве духовных корней и целей деятельности евразийских (а в более широком смысле — евроазиатских) этносов, а также на необходимости сохранения и преумножения биосферных богатств региона». Иными словами, объединение должно идти сегодня на принципиально иных «правилах цивилизационной игры», а не на тех, которые нам (да и остальному миру) усиленно навязывали и продолжают навязывать страны Запада. Но это вовсе не означает, что мы питаем к нему вражду. Отнюдь. Мы лишь за приоритет собственных стратегических интересов и ясное понимание общечеловеческих перспектив. А последние таковы: бездумное принятие рыночно-либеральных и техногенно-потребительских ориентиров и ценностей смертельно не только для Востока и России-Евразии, но, в конечном итоге, и для самих западных стран, ибо нельзя жить за счет других народов и будущих поколений, принося их в жертву собственному сытому настоящему. И в этой связи, опять-таки, нельзя не упомянуть об

одном фундаментальном выводе евразийцев. Все они, наследуя общую линию русской философской мысли, отмечали и подчеркивали «абсолютную ценность братских (соборных) отношений между людьми и народами», где не может быть деления на этносы высшие и низшие, цивилизованные и нецивилизованные, передовые и отсталые. Каждый народ, единодушно утверждали евразийцы, неповторим, уникален и незаменим в рамках евразийского братства народов, каждому есть чему поучиться у другого народа. Над Евразией, по словам П. Н. Савицкого, должен веять «дух своеобразного братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас» [3, с. 302]. Без такого рода установки на сотрудничество, а не на конфликт, на единение, а не на эгоистическое самоутверждение (на «мы», а не на «я») — невозможно выжить в климатически суровых и открытых для внешних вторжений пространствах Евразии. Эти моменты будут со временем точно подмечены Л. Н. Гумилевым. Разнообразие ландшафтов Евразии, подчеркнет он, дает каждому из ее народов «право на определенный образ жизни» и «при большом разнообразии географических условий для народов Евразии, объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых» [4, с. 298]. В контексте сказанного, ученый, основываясь на жизненной практике ряда народов, делает далеко идущий вывод: народы вымирают в одиночку, а вот выживают и встают на путь процветания только сообща [4, с. 298].

Говоря о выживании народов, евразийцы называли и основополагающую ценность в этом процессе. Ею они однозначно считали «стратегический примат духовных ценностей над материальными, нравственных оснований личной и общественной жизни — над любыми политическими и экономическими интересами» [4, с. 129-130]. Именно с приматом духовных ценностей и способностью жертвенно служить им, и связывает впоследствии Л. Н. Гумилев свой феномен «пассионарности». Достаточно универсальный евразийский рецепт спасения от жизненных потрясений оставил нам и Н.К. Рерих. «Во всей истории человечества, — писал он, — ни продовольствие, ни промышленность, служащие телу и брюху, не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что может повысить уровень духа» [5, с. 72-73]. Руководствуясь этим высказыванием великого мыслителя и художника и других евразийцев, можно утверждать, что отсутствие приоритета образования и культуры приведет любой народ или государство к отсутствию успехов в экономике. А если они будут отдавать пальму первенства духу и культуре, значит им обеспечен успех во всех их экономических начинаниях. Таков, говорят евразийцы, главный закон существования народов Евразии.

Опираясь на этот их основополагающий вывод, можно, в известной степени, предопределить характер будущих внешнеполитических взаимоотношений на евразийском пространстве. Несущим их каркасом, по мнению политологов, должен стать geopolitisch-

кий треугольник: Россия — Индия — Китай, объединяющий крупнейшие страны Востока и Россию — Евразию, то есть ключевые регионы, которые являются «держателями» наибольших культурных и биосферных богатств евроазиатского материка. В силу сказанного, создание Евразийского Континентального Союза, а равно складывание евразийского мировоззрения в целом — это «угроза интересам США». Об этом предельно четко высказался в свое время видный американский geopolитик З. Бжезинский. «Жизненно важно, — подчеркивал он в своей книге, — чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и... бросать вызов Америке... Американская внешняя политика должна продолжать следить за geopolитическим аспектом и использовать свое влияние в Евразии таким образом, чтобы создать стабильное равновесие на континенте, где Соединенные Штаты выступают в качестве политического арбитра» [6, с. 12].

В контексте высказанного о ЕКС, внешнеполитические аналитики придают большое значение «оси», которая призвана «вертикально сплить его». Таковой, по их мнению, может быть «вертикаль Россия-Индия» или «Сибирь-Индия». Выбор ее, как утверждают аналитики, обусловлен общностью исторических корней и духовно-экологических задач тюркского, славянского, монгольского и индийского этносов. Более того, считают они, их единение будет спасительным не только для упомянутых этносов, но и для всей цивилизации в целом.

В связи с такой постановкой вопроса, весьма очевидным и, без преувеличения, ключевым, становится геополитическое положение Алтая, Саяно-Алтайской горной страны в целом. И это не случайно, поскольку данный регион — это (с незапамятных времен) место многовекового сосуществования и взаимодействия коренных этносов «Старого Света», а, следовательно, как не ему — общепризнанному «географическому Сердцу Азии» — и стать центром ЕКС, его «Ноосферным Сердцем» и выйти «на надгосударственные, надэтнические и надрелигиозные формы совместного решения актуальных экономических, культурных и природоохранительных проблем». Но, чтобы реализовать данную стратегическую идею, необходимо, в обязательном порядке, разрешить несколько задач тактического характера. *Во-первых*, крайне осторожно отнестись к любым политическим, экономическим и природоохранительным инициативам, которые исходят или будут исходить от американских организаций и фондов (типа Дэвиса, Рокфеллера и им подобным), являющихся неформальными проводниками американской геополитической доктрины на евразийском пространстве. Критически воспринимать (с учетом, к примеру, слов З. Бжезинского) любые предложения и «помощь» со стороны наших западных коллег и откликаться на них только лишь после тщательной экспертизы, проведенной нашими отечественными учеными и политиками. *Во-вторых*, всячески способствовать интеграции Саяно-Алтайских стран и этносов на правительственно и не правительственно уровнях с целью создать в будущем единые органы (сначала общественные, а потом и надгосударственно-политические) для координации различных видов деятельности в регионе. В связи

со сказанным, забегая немного вперед отметим, что применительно к Горному Алтаю, такая задача уже решается. Регион, в одном случае (с Монголией и Казахстаном), расширяет свои связи, в другом (с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая) — начинает таковые устанавливать. В третьих, политико-мировоззренческими мотивами подобной духовно-экологической (ноосферной) интеграции, естественно, должны стать евразийские идеи, пронизывающие духовное наследие и жизнь народов Саяно-Алтая. Видное место в их бытие занимает и «общееевразийский патриотизм». Касаясь этого момента, Н. С. Трубецкой писал в свое время, что «судьбы евразийских народов переплелись друг с другом ...в один громадный клубок, который уже нельзя распутать..отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [2, с. 54-55]. Это предвидение Н. С. Трубецкого достаточно наглядно, на наш взгляд, продемонстрировал и демонстрирует распад СССР. В связи с этим, опять-таки, нельзя не сослаться еще на одно заключение евразийцев, которое было сформулировано Н. Н. Алексеевым. «Нужно помнить, — писал он, — что существовали государства, носившие имя республик и деспотизм своим превосходившие тирана... Качество государства зависит не от внешних его форм и не от названий, а от внутренних отношений правящих к управляемым. Государство хорошо, когда управляется на началах социального служения и жертвенности, плохо, когда оно управляется на начале личной пользы властующих» [7, с. 318-319]. В связи с вышеизложенным, ученый заявил, что государство призвано создать те условия, при которых человеку была бы дана возможность на полное духовное совершенствование. В качестве доказательства к сказанному, он напомнил, что «за много веков до того, как возникла западная культура, индийский царь Ашока, исходя из мотивов религиозных, провозгласил в своем государстве начало полной свободы духовных исканий и духовной жизни». В связи с этим, ученый особо подчеркнул, что «нам, русским, надлежит помнить, что лучшие представители православия, в частности, наши заволжские старцы во главе с Нилом Сорским, принципиально стояли на точке зрения духовной свободы и, насколько позволяла эпоха, боролись с тем направлением русского православия и русской государственности, которое отрицало это право» [7, с. 318-319]. Таким образом, противопоставив евразийское «государство правды» демократическому государству, Н. Н. Алексеев показал их кардинальное отличие: демократическое — ограждает свободу личности от внешних посяга-

тельств и создает приемлемые условия для ее внешней (преимущественно экономической и политической) самореализации. Но при этом, демократии и дела нет до внутреннего мира человека, оно, даже в подавляющем большинстве случаев, враждебно его духовной жизни. «Праведное государство», по мнению ученого, не должно ограничивать свои задачи ролью простого полицейского, который заступается, когда происходит нападение, и кричат «караул». Оно, подчеркивает он, должно решительно бороться с теми социальными условиями, в силу которых человек стихийно попадает в обстановку, лишающую его всякой возможности духовного развития и духовной жизни. «И эти задачи, — указывал он в свое время, — особенно важны в укладе жизни современных человеческих обществ» [7, с. 318-319].

Не продолжая дальше перечень «вечных ценностей», которые были указаны нам в свое время евразийцами, сделаем, руководствуясь «ими» само собой напрашивающийся вывод: именно с возвращением к высоким жизненным образцам гениев и подвижников человечества, зримо противостоявшим всему, к чему призывает нас современная реклама, можно связывать надежды на справедливую и конструктивную интеграцию мирового сообщества. Свидетельством правоты сказанного могут служить слова, высказанные в свое время Н. К. Рерихом. «Всеобщимостью своею и широтою своею, — писал он, — выражатели стран, народов, как белоснежные вершины Гималайские, в лучах света посыпают друг другу привет ничем не заслоненный... Не они ли, эти выражатели народов, помогут претворить тоску и боль поисков в праздник подвига?» [8, с. 224].

Подводя итог вышесказанному, можно согласиться (в свете вышесказанного) с утвердившимся мнением исследователей о том, что Алтай был и по сей день остается центром евразиатского материала, «политическим, этнокультурным и биосферным сердцем Старого Света». Вот с учетом этого, его народы, население Саяно-Алтайской горной страны в целом, их государственные органы и обязаны определять и согласовывать свои практические шаги. При этом многое будет зависеть (это вне сомнения) от политической воли и инициативы самих «алтасаянских народов», ибо как гласит народная мудрость, под лежачий камень вода не течет. В силу этого, нам не стоит ждать, пока «кто» создаст для нас благоприятную интеграционную ситуацию. Создать ее мы должны сами, своей целенаправленной повседневной работой. Государственные и внегосударственные же структуры нашего региона должны постоянно помнить, что сегодня «Время, действительно, евразийствует». А посему нам и необходимо шагать с ним — и только в ногу.

Библиографический список

1. Подробнее об этом см. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. — М., 1992.
2. Трубецкой Н. С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993. С. 54-55.
3. Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М., 1997.
4. Гумилев Л. Н. От Руси к России. — М., 1998.
5. Рерих Н. К. Держава света; священный дозор. — Рига, 1992.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1998.
7. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998.
8. Рерих Н. К. О Вечном... — М., 1994.

A.V. IVANOV, N.S. MODOROV

THE EVRAZIA, GEOPOLICY AND THE SAYAN — ALTAI MOUNTAINOUS COUNTRY IN THE CONTEXT OF WORLD POLITICS

In article, on the basis the public at large of scope source throw light the possible way of development the Russia and here subject, in that number the Republic Altai.

Altay, West, enlighthenic society, autocratic regime, revolution, rebuilding, Soviet power, Old World

УДК 902

A.B. Летов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИУСАДЕБНОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье на основе анализа политики советского правительства показано сложившееся положение в области развития приусадебного хозяйства в Горном Алтае. Выявлены общие закономерности, региональные особенности и основные тенденции послевоенного времени.

Горный Алтай, послевоенное время, единоличное хозяйство, продукты сельского хозяйства

Крайне низкая оплата труда колхозников вынуждала жителей сел развивать свое личное хозяйство, которое и в послевоенные годы являлось основным источником доходов большинства сельских семей. Однако, в обеспечении продовольствием проживающих в городах, личное подсобное хозяйство, огороды и сады играли также немалую роль. Большая часть потребляемых семьями овощей, фруктов, картофеля, молока и яиц производилось ими самими. Особенно был велик в самоснабжении удельный вес картофеля. Подсобное хозяйство помогало перенести продовольственные проблемы, а помимо улучшения питания членов семей позволяло экономить средства при покупке продовольственных товаров, и увеличивать траты на приобретение промышленных изделий. Горожане, сознавая это, увеличивали площадь посадок. Так, в 1945 г. в Горно-Алтайске индивидуальные огороды занимали площадь в 813 га против 651 га 1944 г. [1, л. 13]. На 1 августа 1946 г. 786 га было занято в индивидуальных участках под посев, из них 413 га под картофелем и 373 га под зерновыми. Кроме этого, имелись приусадебные участки под домовладениями — 264 га, из них было под овощами 140 га, а под картофелем 134 га. Всего на посевы на 1946 г. было отпущено 1050 га [2, с. 221].

То есть до 1946 г. просматривается постоянное увеличение индивидуальных участков, так как население сознавало, откуда может получить наиболее реальные доходы для своих семей.

Несмотря на это, городское население не могло обеспечить себя полностью сельскохозяйственной продукцией. Имеющуюся нишу в продовольственном обеспечении городского населения должен был заполнять колхозный рынок. Горожане приобретали на нем в основном те продукты, продажа которых в учреждениях государственной торговли была недостаточной: картофель, овощи, ягоды, фрукты, мясо, сало, яйца, молоко. Однако зачастую имеющиеся в селах продовольственные ресурсы не мог-

ли быть направлены на колхозный рынок. Во-первых, государственная политика накладывала жесткий налоговый пресс и ограничивала площадь земельных участков, предназначенных для личного подсобного хозяйства, а во-вторых, из-за отсутствия транспорта и соответствующих дорог, удаленности от города не многие сельчане могли поставлять свою продукцию в город.

19 сентября 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава Сельскохозяйственной артели в колхозах». Принимавшие данное постановление в частности сочли, что личные подсобные хозяйства снижают активность крестьян на общественных работах, что они больше думают о своем огороде и подворье, чем о колхозных полях и фермах. Посчитали, что это нарушает основной принцип коллективного хозяйства о правильном сочетании общественного и личного, о безусловном подчинении личных интересов общественным, что рост личного подсобного хозяйства многих колхозников привел к снижению трудовой дисциплины и, как следствие, к сдерживанию темпов подъема общественного хозяйства [3, с. 417–418, 576].

По Уставу сельхозартели в каждом колхозе были установлены дифференцированные нормы приусадебных участков и количества скота в личном пользовании колхозников. Однако эти нормы нередко превышались, а зачастую темпы роста скота в личных хозяйствах опережали рост его поголовья в общественном хозяйстве. Так, за период с 1940 г. по 1953 г. поголовье свиней в Горном Алтае в общественном пользовании, в колхозах выросло на 15,8%. А в личном пользовании колхозников на 94,7% [4, с. 40].

Проводилась и работа по выявлению нарушений. Так, 206 комиссий проводили проверку выполнения постановления от 19 сентября 1946 г., в ходе проверки обследовали 271 хозяйство, был обнару-

жен ряд нарушений, с колхозной земли было ссено 80 хуторских хозяйств, изъяли незаконно разданный скот и другое имущество [5, с. 246].

В своем большинстве колхозные семьи вели полуголодное существование. Многие семьи надеялись лишь на посадки картофеля, случавшиеся же неурожай серьезно осложняли положение. Например, в Чойском аймаке в личном пользовании колхозников в 1946 г. было посажено картофеля 119 га, в среднем на одно хозяйство колхозника 0,13 га. К марту 1947 г. из 896 хозяйств колхозников больше 600 хозяйств из-за неурожая не имели картофеля, а хлеба не было ни в одном хозяйстве. Из-за этого колхозники забивали свой скот, не выходили на работу, дети не ходили в школу, в некоторых семьях начались заболевания детей в виду отсутствия питания. В 1947 г. в первом квартале для остро нуждающихся семей Чойскому аймаку было отпущено 60 ц хлеба — однако этого было крайне мало. Всего в аймаке проживало 6.688 человек, а было посажено картофеля в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих лишь 211 га, что составляло на одного человека 0,03 га [6, л. 14]. Еще более тяжелое положение складывалось в районах с неблагоприятными климатическими условиями, там была одна надежда, на скот. Из 18 колхозов Кош-Агачского аймака 13 ничего не сеяли и не садили. К сентябрю дойка овец и кобыл была прекращена. В связи с этим в большинстве не сеющих колхозов создалось исключительно тяжелое положение, так как значительное количество колхозных дворов совершенно не имели в личном пользовании скота. Аймачный исполнком просил для снабжения хлебом колхозников Кош-Агачского аймака отпускать ежемесячно по 15-20 тонн хлеба [6, л. 14]. При таком положении семьи колхозников пытались обеспечить свои потребности ведением личного хозяйства, но на этом пути стояли административные запреты, серьезное налоговое бремя и климатические условия, а ряд товаров невозможно было произвести в личном хозяйстве.

Роль государственной торговли, колхозного рынка и личного подсобного хозяйства по отдельным видам продовольствия была различной. Довольно большую часть хлебных продуктов, масла, рыбы, жиров, сахара реализовывала государственная торговая сеть. На колхозном рынке сами колхозы реализовывали в основном мясо и мед, остальной же широкий спектр продукции на колхозном рынке реализовывался колхозниками и единоличниками, т. е. эта продукция поступала от личных подсобных хозяйств. Несмотря на усилия государственной торговли, в начале 50-х гг. XX века основную часть молочных продуктов, яиц, картофеля, овощей и сала давали колхозный рынок и личные подсобные хозяйства.

В 1946 г. у колхозников были отрезаны «излишки» земли под приусадебными огородами, а затем в 1948 и 1950 гг. был поднят и сельскохозяйственный налог. Многие семьи не смогли более рационально вести хозяйство. Нередко случалось, что колхозники, для того чтобы уменьшить налоговое бремя, забивали скот, вырубали фруктовые деревья и кустарники, это приводило к застою в сельском

хозяйстве и в начале 50-х гг. XX века. Это же проводило и к снижению доли доходов колхозников от личных подсобных хозяйств. Лишь после сентября 1953 г., Пленума ЦК КПСС, нормы обязательных поставок для личных подсобных хозяйств были серьезно снижены.

Практиковалась и продажа скота колхозникам. Так, за четыре года: 1944-1947 гг. было выдано и продано колхозникам: лошадей — 1068 голов; КРС — 6312 голов; овец и коз — 55380; свиней — 11015, всего же было выдано 73775 голов скота, так что в среднем приходилось по пять голов на каждое хозяйство колхозника [7, л. 32].

Важной отраслью личного подсобного хозяйства, особенно в Оиротской автономной области, было животноводство, которое могло обеспечить семьи высокоценными продуктами питания. После окончания войны животноводство в личных подсобных хозяйствах находилось в тяжелом состоянии. Поголовье сократилось в связи с неурожаями, нехваткой продовольствия, много было бесхозных хозяйств. В поисках путей выхода из создавшейся ситуации февральский Пленум ЦК ВКП(б) в 1947 г. предусмотрел меры, направленные на рост личного стада. Для этого в частности стали закупать телок в хозяйствах рабочих и служащих и на льготных условиях продавать их бескоровным хозяйствам колхозников [8, с. 71].

На 1.01.1948 г. из 14353 крестьянских колхозных хозяйств области 3243 хозяйства или 22,7% не имели никакого скота в личном пользовании; 3644 хозяйства или 25,4% не имели КРС, 4989 хозяйств или 34,8% не имели коров; 11129 хозяйств или 77,5% не имели овец и коз в личном пользовании. Руководящие органы власти считали, что колхозники транжирият скот в своих личных хозяйствах.

Несмотря на то, что затраты труда на ведение личного подсобного хозяйства были намного меньше, чем в хозяйствах колхозов, эффективность труда в личных подсобных хозяйствах оказалась намного выше, за один час в колхозе зарабатывали в несколько раз меньше, чем трудясь в своем хозяйстве, т. е. подсобный труд был намного выгоднее.

Проведенные мероприятия позволили увеличить поголовье коров в личных подсобных хозяйствах, однако в последующие годы, вследствие высокого налога на их содержание число коров и другого скота стало снова сокращаться. В 1950 г. коров в личном пользовании колхозников оказалось даже меньше, чем в 1946 г. (62,1 коровы против 77 в среднем на 100 хозяйств) [8, с. 71] по РСФСР. Для сокращения поголовья КРС была и другая причина, дело в том, что Пленум Горно-Алтайского обкома ВКП(б) в 1949 г. счел, что рост поголовья КРС в личном пользовании колхозников тормозил рост колхозного стада. Если колхозам не удавалось достичь довоенного уровня по КРС, то в личных хозяйствах колхозников оно, тем не менее, превосходило довоенный уровень — по Майминскому аймаку на 32%, по Чойскому на 45%, по Турачакскому на 30% [9, л. 2].

Особенно нелегко складывалась жизнь в районах, где практически невозможно было в силу климатических условий возделывать приусадебные уча-

стки. Так, например В. И. Тенгереков, председатель колхоза «12 лет Октября» Онгудайского аймака жаловался в парторганы на тяжелую жизнь в с. Ело, объясняя ее тем, что семья у него была большой из 8 человек, а работал он один. Председатель утверждал, что живет экономически и материально очень плохо, так как в с. Ело урожай и огородные овощи не родятся, считал, что с такой большой семьей в таких условиях жить нельзя, и просил перевезти его на другое место жительства, где было бы можно возделывать огород и учить детей. Кроме этого, В. И. Тенгереков утверждал, что он не нужен колхозникам [10, л. 6].

В колхозах Кош-Агачского и Улаганского аймаков из-за климатических условий не производили посева зерновых, фуражных и овощных культур, в связи с чем на трудодни данную продукцию не получали. Личных же посадок зерновых и овощей колхозники не имели. Такая ситуация приводила к массовым случаям, когда чабаны резали общественный скот на мясо, а списывали его на падеж, потерю и хищения волками [11, л. 27]. И самим руководителям колхозов приходилось резать скот, чтобы выдавать мясо колхозникам на питание.

В послевоенные годы, как городское население, так и сельское, значительное внимание уделяло личным подсобным хозяйствам, огородничеству, расширялось и садоводство. Появлялись новые сорта, более подходившие к климатическим условиям Сибири. На ряду с индивидуальными создавались и коллективные сады, выращивали и ягодные растения [12, с. 212].

Это происходило не только в Горном Алтае, а было общероссийской и общесибирской тенденцией. Например, рабочие Алтайского тракторного за-

вода за 1950-1952 гг. рядом с каждым построенным индивидуальным домом высаживали плодово-ягодные растения. Коллективные сады создавали предприятия г. Омска и других городов. Однако, ситуация с выращиванием фруктовых деревьев в личных подсобных хозяйствах не была особенно радостной, налоговое бремя заставляло колхозников вырубать фруктовые деревья, кустарники, забивать скот, что сдерживало развитие хозяйств и сокращало продовольственную базу как для населения сел, так и городов.

Таким образом, население Горного Алтая в послевоенное десятилетие столкнулось с проблемами: тяжелого, практически не механизированного труда; крайне низкими доходами; жизненной, семейной, социально-бытовой необустроенностю.

Изменения к лучшему происходили довольно медленно, хотя и намечались. К пятидесятym годам на некоторых производствах, в том числе и на лесозаготовках, стали применять частичную механизацию труда. В ряде населенных пунктов на производстве стали применять электроэнергию. Колхозы постепенно увеличивали выплаты своим работникам, стало допускаться некоторое увеличение приусадебных хозяйств, был снижен и налоговый пресс. Как в городе, так и сельской местности решался жилищный вопрос, хотя строившееся жилье зачастую было временного типа и сооружалось лично отдельными семьями, но, тем не менее, это несколько снижало остроту жилищного вопроса. В селах же, хоть и с задержками, но шло строительство типовых домов. Все это в комплексе несколько повышало уровень жизни населения Горного Алтая.

Библиографический список

1. ОХСД ГАСРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 391.
2. Город любимый... Горно-Алтайск, 1998.
3. Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
4. Киселев, Н. М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период / Н. М. Киселев. Горно-Алтайск, 1964.
5. Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1991.
6. ОХСД ГАСРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 556.
7. ОХСД ГАСРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 673.
8. Вербицкая, О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву / О. М. Вербицкая. М.: Наука, 1992.
9. ГАСРА. Ф. 33. Оп. 9. Д. 114.
10. ОХСД ГАСРА. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 116.
11. ГАСРА. Ф. 33. Оп. 9. Д. 75.
12. Индустриальное освоение Сибири в 1946-1960. Новосибирск, 1989.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.11.08

A. V. LETOV

SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE PRIVATE FACILITIES IN MOUNTAIN ALTAY IN THE FIRST POST-WAR YEARS

There is on the basis of analysis of Soviet Government policy shown a turned out situation on the development of the private facilities of Gorny Altai population in this article. There are revealed common regularities and especial features and basic tendency of post-war time.

Gorny Altai, post-war time, privately owned farm, products of agricultural economy.

УДК 902

Г. С. Мамбеталиева

ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ: МИССИЯ, ЧЛЕНСТВО, СТРУКТУРА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Статья посвящена анализу миссии, институциональных вопросов, членства и сфер деятельности Парламентской Ассоциации Содружества наций, подчеркивается ее важная роль в решении насущных проблем сообщества и его стран-участниц.

**Азия, ассоциация, Африка, Великобритания, декларация, колония, парламент,
Содружество наций, союз**

Общеизвестно, что Содружество наций, как международное объединение 53-х государств, включающее Великобританию и ее бывшие колонии, доминионы и зависимые территории (ныне это суверенные образования — Г. М.) «обросло» сегодня десятками различных организаций, ассоциаций и союзов. Назовем, этой связи, к примеру, хотя бы Ассоциацию адвокатов, Ассоциацию университетов (академические связи, стипендии Содружества в целях географической мобильности студентов и т. д.), Совет по вопросам бизнеса, комиссию Содружества по военным захоронениям, Ассоциацию по изучению литератур и языков, Королевское общество по изучению проблем Содружества и др. Такие многосторонние связи стран Содружества являются фактором его консолидации, а их роль в сохранении жизнеспособности Содружества настолько велика, что ее даже трудно реально оценить [1, с. 1128].

Важной структурой Содружества наций была и остается Парламентская Ассоциация, которая является наследницей имперской парламентской ассоциации, «родившейся» еще в июле 1911 г. Тогда группа парламентариев Великобритании и пяти доминионов Британской империи (Австралия, Канада, Ньюфаундленд, Новой Зеландия и Южная Африка) согласилась учредить ассоциацию. Но еще месяцем раньше, собравшись на коронацию короля Георга V, парламентарии провели свое первое формальное заседание [1, р. 1128]. Руководимые членом британского парламента Х. Фишером, парламентарии заявили, что учреждаемая ассоциация обязана обеспечить быстрый обмен информацией, облегчить понимание и более регулярное взаимодействие коллег из разных стран империи. Они также рекомендовали, чтобы Ассоциация была беспартийной структурой, в силу чего, ее члены могли бы полностью выражать свои политические взгляды. В 20-е гг. XIX в Ассоциация пополнилась парламентариями из Мальты, Южной Родезии, Индии, Ирландии, Цейлона, Бермудских и Багамских островов, Барбадоса, Северной Ирландии, трех провинций Канады и всех пяти штатов Австралии. Для целого поколения данная Ассоциация стала центром парламентских контактов и дебатов в империи [2, р. 36] Претворяя в жизнь свои задачи, она неизменно поддерживала общие парламентские традиции во всех доминионах Британской Короны [2, р. 36]. Небезынтересный, в связи с этим, факт: понимая зна-

чение этого органа для жизнедеятельности Содружества, нацисты сознательно осуществили налет на помещении Ассоциации в ночь на 10 мая 1941 г. [3].

В 1949 г., на своем заседании в Лондоне парламентарии переименовали имперскую Парламентскую Ассоциацию в Парламентскую Ассоциацию Содружества наций. Это было связано с огромными переменами, произшедшими в самом Содружестве: многие британские колонии завоевали политическую независимость, вместо Британского Содружества наций родилось Содружество наций, наконец, ряды Ассоциации расширились за счет представителей Кении, Фиджи, Сьерра-Леоне, небольших островных государств Вест-Индии. Все это и зафиксировала Лондонская декларация [3]. В чем же состояла миссия Парламентской Ассоциации Содружества? Прежде всего, она содействовала развитию парламентской демократии путем повышения понимания ее задач. Одновременно с этим, Ассоциация стремилась создать хорошо информированное парламентское сообщество, а также наращивать сотрудничество среди его парламентов и законодательных собраний. Свою миссию Ассоциация выполняла с помощью стратегического плана, который включал следующие вопросы:

- фундаментальные принципы Содружества;
- функциональная независимость парламентов;
- проведение семинаров и тренингов по профессиональному развитию;
- создание сетей с помощью конференций;
- техническая помощь отдельным парламентам;
- предоставление информации сообществам специалистов.

В наши дни Ассоциация объединяет 169 национальных (на уровне штатов) провинциальных и территориальных парламентов. Общее число парламентариев — почти 16 тыс. чел. Членство в Ассоциации дает странам-участницам вполне реальные преимущества: возможность участия в конференциях, на семинарах, обмениваться делегациями, возможность бесплатно получать электронные и текстовые публикации, а также информацию по парламентским, конституционным вопросам и информацию, касающуюся самого Содружества. В ряде случаев, это возможность ежегодно совершать ознакомительные поездки в страны Содружес-

ства и в третьи страны — для изучения их политического развития и т. д.

Ежегодно, начиная с 1961 г., Ассоциация проводит конференции, которые

собирают свыше 400 ведущих парламентариев из стран Содружества и около 100 парламентских чиновников. Эти форумы дают также возможность парламентариям взаимодействовать друг с другом, встречаться с экспертами и обсуждать насущные проблемы Содружества, включая и проблемы парламентской демократии. В целях полной информированности парламентариев о последних событиях, на конференциях практикуются выступления экспертов из различных международных организаций, а также свободный обмен их участников своими мнениями по широкому кругу проблем глобальной экономики и социальной политики, с которыми сталкиваются законодатели.

На ежегодных конференциях учреждается, как правило, высший орган Ассоциации — Генеральная Ассамблея, которой принадлежит окончательное право определять политику Ассоциации и управлять ее деятельностью. С 1 января 2007 г. ее Генеральным секретарем стал бывший танзанийский парламентарий и бывший член панафриканского парламента Уильям Шиджа, который заменил в этом посту Д. Маршалла из Новой Зеландии. Офис Генерального секретаря, который избирается на пятилетний срок, располагается в Лондоне. Секретариат Ассамблеи поддерживает тесные связи со всеми своими отделениями, чем содействует их связям и сотрудничеству.

О значимости Генеральной Ассамблеи для Содружества свидетельствуют ее полномочия, которые оно делегировало ей. В частности, она правомочна: а) определять ежегодные членские взносы и другие финансовые обязательства стран-участниц; б) определять регионы Ассоциации и взносы каждого региона в ее отделения; в) устанавливать численность регионального представительства; г) определять с Содружеством наций место проведения каждой пленарной конференции; д) определять число делегатов и парламентских чиновников от каждого отделения на пленарную конференцию и др.

В работе Генеральной Ассамблеи присутствуют, как правило, в качестве делегатов должностные лица Ассоциации (Генеральный секретарь и его заместитель, председатель исполнительного комитета, его заместитель и казначай — Г. М.) региональные представители, председатель группы женщин-парламентариев стран Содружества (С 2007 по 2010 гг. эти обязанности будет выполнять член Национальной Ассамблеи Пакистана Касмала Тарик — Г. М.), делегаты отделений, другие лица, которые приглашены Генеральной Ассамблеи на ее сессию в качестве наблюдателей.

Повседневную работу Ассамблеи осуществляют исполнительный комитет, в состав которого входят чиновники Ассоциации, председатель женщин-парламентариев Содружества, по три члена от региональных представительств, за исключением Африки, которая имеет шесть представителей. Парламентская Ассоциация состоит, как известно, из филиалов, которые формируются в законодательных органах стран-участниц. Их члены становят-

ся членами филиала. В качестве последнего может быть национальный или провинциальный парламент, либо законодательные собрания зависимых территорий. Филиалы группируются на географической основе в девять регионов Содружества, которые представлены в исполнкоме Парламентской Ассоциации и для организации региональных конференций и семинаров по парламентской практике и парламентским процедурам. В числе таких регионов значатся регионы Африка, Азия, Австралия, Британские острова и Средиземноморье, Канада, Карибский бассейн, Америка и Атлантика, Индия, Тихоокеанский бассейн и Юго-Восточная Азия.

Генеральная Ассамблея традиционно избирает региональных представителей для каждого региона Ассоциации. Каждый из них назначает из своих филиалов должностное лицо — регионального секретаря. Способ назначения, сроки деятельности и его ответственность в Парламентской Ассоциации Содружества определяет сам регион. Как правило, региональный секретарь возглавляет региональный секретариат. Большинство из них являются должностными лицами в своих парламентах. В Парламентской Ассоциации они исполняют общие обязанности. Основные же функции региональных секретарей — это: а) исполнение обязанностей секретаря регионального исполнкома и региональных конференций; б) координация работы региональных конференций, содействие коммуникации между региональными представителями и филиалами своего региона; в) информирование секретариата Парламентской Ассоциации Содружества о развитии региона; г) консультирование секретариата Парламентской Ассоциации по вопросам, касающимся региона; д) при необходимости содействие связям Парламентской Ассоциации и своего региона; е) участие в работе ежегодных конференций Парламентской Ассоциации Содружества.

Парламентская Ассоциация проводит значительную работу по многим направлениям жизни Содружества. В поле зрения его парламентариев находятся вопросы развития демократии, преодоления бедности, борьба со СПИДом, роль парламентов в устранении вооруженных конфликтов в странах-участницах, проблемы малых стран, вопросы торговли, образования, молодежи, гендера и т. д. Формы работы самые разнообразные. В их числе — проведение семинаров, конференций, экспертная помощь, публикация работ, отражающих вышеозначенную тематику. Например, в апреле 2007 г. в Мальдивской республике состоялся трехдневный семинар по проблемам гендерного равенства. Участники семинара отметили общие проблемы в этой области, включая крайне слабое представительство женщин в решении вопросов, затрагивающих их жизнедеятельность, и принятии по ним решений. Наиболее злободневные из них — это правовая и фактическая дискриминация женщин, отсутствие достаточных возможностей и ресурсов для участия их в избирательных компаниях, отсутствие институциональных механизмов, гарантирующих доступ женщин и девушек, например, специальных квот для них и т. д. [7]. Наглядное представление о спектре вопросов, волнующих Парламентскую Ассамблею, дает повестка ее 53-й конференции, состоявшая

шейся с 21 по 30 сентября 2007 г. в Нью-Дели (Индия), где обсуждались проблемы демократии, экономического развития, окружающей среды, водоснабжения, энергетики, гендера и др. [7].

Таким образом, Парламентская Ассоциация Содружества наций выполняла и выполняет, что

вне всякого сомнения, важную роль в политических процессах, имеющих место в странах-участницах. Это вполне дееспособный институт Содружества, который вносит весомый вклад в решение насущных проблем сообщества.

Библиографический список

1. Hall D. Foreign Government and Politics: The Community of the Parliament of the British Commonwealth // The American Political Review. Vol. 36, №6, 1942. P.1128.
2. Amery L. S. Report of Proceedings at the Annual Meeting of the U. K. Branch, 1919. P.36.
3. Example: The Role Parliamentarians in Combating the HIV/AIDS Pandemic: Full Report and Recommendations; Commonwealth (Latimer House) Principles; The Role of Parliament in Conflict-Affected Countries; Commonwealth Parliamentary Salaries and Allowances Surveys 2001-2005 and other.
4. Генеральный секретарь и его заместитель, председатель исполнительного комитета, его заместитель и казначей.
5. С 2007 по 2010 гг. эти обязанности будет выполнять член Национальной Ассамблеи Пакистана Касмала Тарик
6. Balancing Political Participation: Moving Towards Gender Equality, Maldives, April 2007.
7. 53rd Commonwealth Parliamentary Association Plenary Conference, New Delhi, India.

Киргизский государственный университет
Получено 11.11.08.

G. S. MAMBEALIEVA

THE PARLIAMENT ASSOCIATION OF CONCORD NATION: THE MISSION, THE MEMBERSHIP, THE STRUCTURE, THE ACTION

The article devote the analysis of mission, of institutic questions, of membership and the spheres of action the Parliament Association of Concord nation, underline its the important role at solution urgent the problems of complicity and his countries — members.

Asia, association, Africa, Great Britain, declaration, colony, parliament, Concord nation, union

УДК 902

H. С. Модоров

НАРОДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ АГРЕССИИ ЦИНСКОГО КИТАЯ. 1753-1756 гг.*

В статье, на основе опубликованных источников (отечественных и зарубежных) и архивных материалов освещена борьба народов Горного Алтая против агрессии цинского Китая. 1753-1756 гг.

Горный Алтай, коренные народы, Южная Сибирь, Западная Монголия, Джунгария, маньчжурские захватчики, Китай, посольство, принятие подданства

Вопросы Цинской экспансии в Центральной Азии в XVII—XVIII вв. давно уже находятся (и надо полагать, еще будут долго находиться) в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Но, несмотря на достаточно широкий круг работ по данной тематике, их интерес к этой теме не иссякает. И дело здесь не только в появлении новых материалов по вышеозначенной проблеме (это вполне закономерное явление), но и в том, что эта тема, по-прежнему, односторонне трактуется китайскими историками, которые, как справедливо отмечал в свое время известный российский востоковед В. А. Моисеев, «политизируют историю в угоду сиюминутным установкам свыше, не имеющим никакого отношения к науке» [1, с. 11]. Некоторые из них и по сей день пытаются доказать, что после падения Ойратского государства (Джунгарского ханства — Н. М.) вся территория Саяно-Алтайского нагорья вошла в состав Цинской империи. При этом они пытаются убедить всех и вся, что

Китай в те времена никогда и нигде не практиковал политику «кровавых завоеваний», что это всегда было свойственно «северному соседу» ойратов, т. е. Русскому государству. В силу этого, историки КНР утверждают и продолжают утверждать, что вся деятельность правительства цинского Китая была направлена на воспрепятствование «агрессивной деятельности царской России, с оружием в руках вгрызшейся в территорию нашего государства» [2, с. 121].

Несколько оправданно такое заявление китайских историков, попробуем проследить на примере событий, имевших место в 1753-1756 гг. в Горном Алтае. Для их освещения привлечены как архивные материалы, так и опубликованные источники (отечественные и зарубежные). Чтобы быть объективным, автором использован китайский источник — «Да Цинн личао шилу» («Хроника правления великой династии Цинн»), — являющийся, по общему и исследователей, крупнейшим сводом офи-

* Работа выполнена по гранту РГНФ — МиОК Монголии № 08-01-92002 а/G

циальных документов (с середины XVI в. и до конца свержения маньчжурского господства в Китае, т. е. до 1911-1912 гг.) [3]. К сожалению, данный свод, как и остальные китайские источники грешат многими «недостатками» в освещении тех или иных событий, особенно связанных с внешней политикой. Главным из них, по общему признанию исследователей, является их приверженность идеям «китаецентризма» и великодержавного шовинизма.

В чем же суть этой политической доктрины о «Сыне Неба» и его роли в общественной жизни? А она же с давних пор была направлена на захват и подчинение — различными методами — соседних народов «Сыну Неба» — Богу на земле, поставленному Небом для управления всей Вселенной. Так представляли себе древние китайцы фигуру императора. И такое представление о нем внедрялось китайскими философами и политиками древности в сознание народа на протяжении всего средневековья. Иначе говоря, китаецентристская доктрина рассматривала Китай как центр все Вселенной или Поднебесной (так называли в древности ученые и политики свою страну), а остальные народы, согласно вышеупомянутой доктрине, являли собой периферию этого центра и неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого Поднебесной. В силу этого, все некитайские народы должны были подчиняться этому центру, принимать и следовать установленным им порядкам, а его мироустройство считать обязательным для всех народов. И это при том, что последние имели свои национальные особенности, обычаи, традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации. Однако все это «китаецентризм» отвергал и обязывал все народы безоговорочно принять китайскую цивилизацию со всеми ее морально-этическими и общественными институтами как нечто идеальное и совершенное. Наконец, Китай, согласно вышеуказанной доктрине, являл собой наилучший образец мироустройства и цивилизации, а его император, как «Сын Неба» — это земной бог, самый мудрый, щедрый и великодушный, самый могущественный правитель всех народов на земле и их заботливый отец. А посему, все народы — близкие и далекие — обязаны были быть послушными детьми императора, почитать его и подчиняться ему.

Данная концепция о «Сыне Неба», которая легла в основу китайской внешней политики, привела с естественной закономерностью к осознанию ею, что все некитайские народы являются вассалами Китая. И коль они не пожелают стать таковыми добровольно, то их надо силой заставить сделать это. Такими путями и зародилась политика агрессии по отношению к некитайским народам. Эту политику всецело восприняли и цинские императоры, поскольку она их устраивала во всех отношениях. Из нее и «выросли» у них в дальнейшем вассалы — «данники», где бы они ни находились. В действительности же, это было далеко не так. Многие народы, которых китайские источники зачислили в разряд «вассалов», таковыми не были. Это были независимые от Цинской империи народы, жившие,

руководствуясь своими законами, обычаями и традициями, и не желавшие становиться чьими-либо вассалами. На этой почве неизменно зарождались войны, инициаторами которых неизменно становилась Цинская империя. С такого внешней политической маньчжурского государства столкнулись и коренные народы Горного Алтая во второй половине XVII в., а особенно в 1753-1756 гг. О чем и пойдет речь ниже.

Коренные народы Горного Алтая к началу 50-х годов XVIII в., как и полвека назад, не представляли собой — в этническом плане — единого целого. Как и прежде, это был конгломерат различных, но родственных между собой (по происхождению и языку), родоплеменных и территориальных групп, не имевших даже общего самоназвания. В большинстве своем они называли себя по имени основателя рода или по местности в которой они проживали и делившихся на две больших этнических группы: северную и южную, сильно различавшихся между собой по языку, образу жизни и способам хозяйствования [4, с. 18]. В состав северных алтайцев¹ входили следующие родо-племенные группы:

1. Тубалары («туба-кижи»), занимавшие долины

рр. Большой и Малой Иши (притоки Катуни), Сары-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя и дру-

гих притоков Бии; 2. Челканцы, селившиеся в бассей-

не р.Лебедь и особенно притока Байгола, обобщенно

называвшие себя «куу-кижи», т. е. люди с р. Лебе-

дя; 3. Кумандинцы, жившие по берегу Бии (от

р. Лебедя вниз почти до самого г. Бийска), а также

в низовьях Катуни [4, с. 22].

Не менее колоритной была и группа южных алтайцев. В нее входили: 1. Теленгиты (теленгеты), населявшие бассейн рр.Чуи и Аргута (притоки Ка- туни). Однако большая часть населения была со- средоточена в долине Чуи. Поэтому почти каждый теленгит чаще называл себя «чу-кижи», т. е. челове- ков с р.Чуи. Вторую группу составляли собственно алтайцы («алтай-кижи»). Они селились по средне- му течению Катуни и в долинах ее притоков: Урсу- ла, Семы, Маймы, а также по рр.Чарыш, Кан и Песчаной. Среди этих алтайцев наиболее выделя- лись «маймалары» или «майма-кижи», т. е. люди с р. Маймы. Третью группу представляли «телеуты», обитавшие по Чулышману, Башкаусу и Улагану. В большинстве своем они называли себя «улан- кижи» — люди с р. Улаган. И, наконец, телеуты жили по рр. Черге, Майме и некоторым другим рекам [4, с. 21].

Не вдаваясь в подробности различий обеих групп по происхождению, языку, материальной культуре и формам хозяйствования, отметим лишь то, что характер местности и климатические условия оказывали немаловажное значение на хозяйственную деятельностьaborигенов Горного Алтая, на уровень их социального и экономического развития, который, по общему мнению исследователей, был несколько ниже, чем у монголов или казахов [1, с. 21]. Уступали они им и в численности, яви- лось основной причиной того, что кочевники Алтая с давних пор попадали под гнет разных кочевых

¹ Термин «алтайцы» происходит от современного самоназвания жителей Алтайских гор (по-алтайски звучит «алтай-кижи», т.е. «люди Алтая»).

государств и объединений: кыргызов, Алтын-ханов («Золотых ханов»), джунгаров и, наконец, Русского государства. Каждое из них пыталось овладеть Алтаем, с одной стороны, важным стратегическим пунктом, а с другой, — землями, богатыми природно-сырьевыми ресурсами [5, с. 30].

Особенно острая борьба за влияние в этом регионе разгорелась в XVII— и первой половине XVIII в. между Джунгарией и Русским государством. Наряду с этим, первая вела упорное военное противоборство за господство в Южной Сибири и с маньчжурскими захватчиками, которые, в результате предательства китайских феодалов, овладели в 1644 г. Пекином и положили начало правлению в Поднебесной новой династии «Цин» («Чистая», господствовавшая в Китае, как уже упоминалось выше до 1911-1912 гг.²) цинским Китаем. К 80-м гг. XVII в. маньчжуры распространили свое влияние на всю территорию страны. Вынашивая планы захвата Центральной Азии, Цинны активно вмешались в халхаск-ойратский конфликт и в 1690 г., воспользовавшись поражением северомонгольских князей, присоединяют к своим владениям Халху (Северную Монголию), после чего вступают в борьбу с Джунгарским ханством [6, с. 193]. Эта военная кампания, длившаяся почти восемь лет, завершилась полной победой маньчжуров. Однако уничтожить Джунгарское ханство им не удалось: оно не только сохранило свою территориальную целостность, но и самостоятельность. Несмотря на «ревение» армий, Сын Неба — Сюанье (императорское имя — «Канси») — не решился двинуть их на собственно ойратские земли. Он понимал, что рассчитывать на победу в таком отдаленном от Поднебесной крае над «подвижным и не утратившим силу противником», без «опорных баз» и хороших путей сообщения, да еще при не очень надежном монгольском тыле — дело почти безнадежное. Поэтому, он, зная о сложности положения джунгарского правителя попробовал «смирить» его дипломатическими мерами. Направив к нему послы, он приказал ему добиться от Цеван-Рабдана признания, что он стал «подданным Сына Неба». Однако ойратский правитель отказался это сделать [7, л. 120 об.].

Получив отказ, Канси приступает к подготовке очередной войны с джунгарами. Однако решение этой важной — для Поднебесной империи — стратегической задачи (сокрушение Ойратского государства), не могло быть осуществлено без подчинения маньчжурскому влиянию Тибета, бассейна оз. Кукунор и Саяно-Алтая. Лишь взяв «в кольцо» Джунгарию, Сын Неба мог рассчитывать на уничтожение своего главного противника. Но Саяно-Алтай, населенный тюрками, привлекает внимание не только китайского Богдыхана. Он «притягивает взор» и монгольских — халхаских — князей, которые, возвратившись домой после «уничтожения» маньчжурами Галдана, вознамериваются «собрать своих разбрехшихся данников» — тюркское население Верхнего Енисея, «Урянха» (так в то время именовалась современная Тува — Н. М.), Алтая — и, как

это было раньше, собирать с него дань [5, с. 268]. С этой целью их военные отряды наводнили Саяно-Алтай, что нашло свое отражение в документах. Один из них сообщает, что «приходили к ним монгольские люди для ясачного сбору на своих тайш» [6, л. 16-17]. Такого рода наезды монгольских сборщиков превращались, по свидетельству источника, в настоящие грабежи мирного, беззащитного населения. «А собирают монголы на себя ясаку по десяти белок с человека, а кроме ясаку берут на себя с нас лошади и быки... [чем] нас они разорили вконец» [7, л. 9].

Говоря о монгольских «поборах», следует отметить, что существовал, в принципе, формальный размер ясака, равнявшийся стоимости пяти соболиных шкурок. Фактически же, как было указано выше, он был намного больше. «Монгольские сборщики» — не только они, но и другие — брали «албан» — дань — всем: мехами, скотом, шубами, «котлами, таганами, стрельными железцами (наконечниками стрел), топорами» и даже — «ломаными косами» [7, л. 18]. Подобное «самоуправство» своих подданных Сын Неба, естественно, потерпеть не мог. И он решил, по-своему, узаконить их «деяния». В 1709 г. Сюанье «высочайше пожаловал во владение» хотогойскому правителю Бубею «территорию Кема (так именуется Енисей до выхода из Саянских гор в китайских источниках) и Кемчика». И сделано это было, как видим, в полном соответствии с древнекитайской традицией дарить и жаловать кому-либо то, что Китаю никогда не принадлежало. Иначе говоря, совершив акт «высочайшей милости», Сын Неба открыто продемонстрировал свои намерения «взять себе» земли, принадлежавшие народам Саяно-Алтая. Отныне он стал всячески разжигать агрессивные устремления северо-монгольской знати и поощрять ее завоевательные походы в Южную Сибирь, в т. ч. и в Саяно-Алтай.

«Высокое поощрение», воодушевило последнюю, превратив ее в надежную помощницу цинского Китая в деле его дальнейшей территориальной экспансии. Более того, монгольская верхушка стала выступать инициатором захватом той или иной территории. В частности, в 1715 г. уже упоминавшийся выше Бубей представил на рассмотрение Сына Неба план покорения «Урянхая». Однако сразу реализовать данное предложение, было невозможно: для этого необходимо было покорить тюрков Алтая. Богдыхан, естественно, одобрил план Бубея, позволявший расширить хотогойтам границу своих «владений», а следовательно, — и границы Поднебесной империи. Осенью 1715 г. объединенные силы монгольских князей нападают на «урянхайские и алтайские племена», не выплачивающих своевременно «господину (естественно, Сыну Неба — Н. М.) полагающуюся дань». Эти грабительские походы халхаских отрядов в Саяно-Алтай стали, по мнению китайского историка Хэ Цютао, началом покорения кочевого населения, проживавшего к северу от хребта Тану-Ола [1, с. 36].

² Революция получила свое название (Синьхайская) по традиционному названию года по китайскому лунному календарю. Год «синьхай» длился с 30 января 1911 г по 17 февраля 1912 г. См. Дацышен В. Г. Новая история Китая. — Красноярск, 2003. — с. 198).

Грабительские походы отрядов монгольских князей в Саяно-Алтай, естественно, возмутили местные племена и подняли их на борьбу с агрессорами. Это вынуждены были признать даже сами ойраты. В 1717 г. они заявили прибывшим к ним китайским послам, что в ответ на «великое разграбление», которое совершил Бубэй в Саянах, на увод им с собою «отцов, детей и родственников» местных «инородцев», последние «к нам великую злобу возымели» [8, л. 172]. Ее испытали на себе и сами послы, неоднократно подвергшиеся нападениям «саяно-алтайцев», в результате чего, «оные растеряв все имевшееся у них имущество», с трудом добрались до монгольских улусов [1, с. 36].

Столкнувшись с «неповинением саяно-алтайцев», китайский император вынужден был бросить в район северных предгорий Монгольского Алтая, превратившегося в театр военных действий против джунгаров, значительные силы маньчжуро-китайских войск. В их состав влились и монгольские отряды, которыми командовал цзянцзюнь (главнокомандующий — Н. М.) Килидэ. Но эта «северная армада», брошенная Сыном Неба против ойратов пока бездействовала, поскольку «прямого противника» в Саяно-Алтайском регионе не было. Его войска были сосредоточены, главным образом, в Тибете и в районе оз. Кукунор. Поэтому армия «северного пути» или «алтайского пути» занималась только грабежами тюркоязычного населения Саяно-Алтая. Информация о «неблаговидных дела» северной армии в Саяно-Алтае докатилась вскорости до боярхана. Ознакомившись с нею, он принял весьма своеобразное решение: на север был направлен секретарь Палаты по делам вассальных территорий Бооджу, но не для того, чтобы приказать командующему «северной армии» прекратить грабеж местного населения, а распоряжение ее командованию о создании «подвижных отрядов», которые обязаны были «чинить по границе набеги, успокаивать жителей, захватывать людей, скот и прочее». Иначе говоря, Сын Неба не только не осуждал практику грабежей местного населения отрядами монгольских князей, а, наоборот, узаконивал теперь такие действия у же в «северной армии» [8, л. 179-180].

Не менее показательны и другие распоряжения Сына Неба командующему Килидэ. В частности, боярхан приказывал своим военачальникам отпускать из числа захваченных в плен людей, отпускать обратно несколько человек, «внушив» перед этим им говорить своим сородичам, что прибытие в Саяно-Алтай китайских войск вызвано «наглыми грабежами саяно-алтайцев» населения Монголии. Именно в силу этого, пограничные войска, гласило распоряжение Сюанье, «оскорбившись такими наглостями, без указанного повеления, сами собою вторглись было в ваши владения». Но, когда «сие происшествие дошло до нас, то мы, по-нашему милосердию, отечески соболезнуя о вас, в ту же минуту прислали... от себя нарочных гонцов с указами висящий над вашими главами удар отклонить и из ваших владений с поспешностию выйти» [8, л. 180].

³ После смерти Сюанье императорский трон занял Иньчжень (императорское имя Юнчжэн. См. В. Г. Дацшен. Указ. соч. — С. 262.

Однако слова Сына Неба не совпадали сего делами, ибо тем же его распоряжением был сформирован трехтысячный отряд под командованием хотойского князя Бубэя, который, немедля, развернул военные операции в западных районах Тувы и в северо-восточной части Монгольского Алтая. Его действия были поддержаны отрядами и других халхаских феодалов. На этом поприще особенно проявили себя Даньцзин-Доржи, Шанба Цэбдэн, Омба и др. Особенно преуспели в «розыске и принуждении к сдаче теленгитов» (т. е. алтайцев, проживавших, как уже упоминалось выше, в бассейнах Чуи, Аргута и других рек Горного Алтая, Омба и «князь пятой ступени — «гунн» — Цэбдэн [9, гл. 4, л. 16 б — 17 а]. Не отставал от них и Бубэй, чьи войска бесчинствовали, согласно китайским источникам, в апреле 1718 г. в районе р. Бар-Бургасу [10, гл. 75, л. 4 а].

Не обошли своим вниманием вторжение цинских войск в районы Горного Алтая и русские источники. В частности, один из них — отписка Кузнецкого воеводы вышестоящим властям, — сообщает, что в 1724 г. его известили телеуты о том, что «в прошлых... годах воевали их, телесцев, трижды... мунгальской земли люди... А имянно приходил в 1719 году из оной земли князец Шубаней Сосканов с мунгалы и взяли у них в полон телесцев... да скота — лошадей... коров... овец... триста отогнал [11, л. 38].

Выше уже упоминалось, какое серьезное значение придавал Пекин в борьбе с Джунгарией захвату Саяно-Алтая. В связи с этим, оттуда постоянно поступали командованию армий «северного пути» строгие приказы, предписывавшие «захват и переселение» местного населения в пределы, подведомственные Поднебесной [12, гл. 4, л. 10 б—11 а]. В результате военных операций, осуществленных маньчжуро-китайскими и халхаскими войсками по выполнению вышеуказанных приказов, тюркские племена Тувы, Монгольского и Горного Алтая были разгромлены, местное население перебито или уведено в плен, кочевья «саяно-алтайцев» разорены, а скот и имущество пограблено. Об успешном выполнении «высочайшего повеления» не замедлил доложить Сыну Неба командующий «алтайской армией» Килидэ. Согласно его докладу, уже в июне 1717 г. руководимые им войска взяли в плен свыше 2500 «саяно-алтайцев» [12, гл. 4, л. 10 б—11 а]. А, если учесть, что кроме маньчжуро-китайских войск в Саяно-Алтае действовали еще и отряды халхаских феодалов, уводивших к себе местных «инородцев» и грабивших их скот и имущество, не отчитываясь ни перед кем, то масштабы урона, который понесло население Саяно-Алтайского региона от тех и других захватчиков, будут, естественно, гораздо больше.

Если бы не смерть китайского императора, последовавшая в конце 1722 г., и начавшаяся за этим династийная борьба за власть³, а также истощение сил обеих воюющих сторон — Цинской империи и Джунгарского ханства, — то война между ними, безусловно, продолжалась бы. Но создавшаяся си-

туация понудила ту и другую сторону начать мирные переговоры, которые, забегая вперед отметим, так и не привели к заключению мирного договора. Камнем преткновения на этом пути стали вопросы владения Хами и Турфаном — на юге, — а также западными районами Тувы — на севере. В решении последнего вопроса Пекина упорно настаивал на проведении границы по водоразделу Монгольского Алтая вплоть до истоков рек Горного Алтая — Чуи и Аргута, претендую, таким образом, на ту часть территории Саяно-Алтая, куда проникали маньчжуро-китайские войска. Новый ойратский правитель — Цэван-Рабдан, — естественно, и мысли не допускал о таком прохождении границы между Джунгарией и Цинской империей. Одновременно с этим, он решительно требовал возвращения джунгарам земель по Кему и Кемчику [1, с. 38].

Однако временная «передышка», наступившая между воюющими сторонами, не стала таковой для населения Саяно-Алтая. Пекин, прекратив военные действия против ойратов, тем не менее, не прекращал своих экспансионистских устремлений в данном регионе, осуществляя их руками своих «помельников» — халхаских феодалов. Как и в прошлые годы, здесь особенно «отличался» Бубэй, «преследовавший и жестоко Каравший непослушных Сыну Неба данников». Наиболее сильно пострадали в этом плане саяно-алтайские племена, селившиеся по Кему и Кемчику [5, с. 321]. Но проводя политику геноцида по отношению «мятежных тюрок» Саяно-Алтая, Пекин и его приспешники понимают, что одним «кнутом» нельзя добиться желаемого им. Поэтому он начинает все чаще прибегать к заигрыванию с представителями родоплеменной верхушки «саяно-алтайцев». С этой целью Бубэй, по указанию Пекина, начинает «ссуживать деньгами (из «богдыхановой казны») тех нойонов данников», которые «сильно» пострадали от «военных потрясений» [13, гл. 15, л. 2 а].

А между тем, мирные переговоры Пекина с ойратами, относительно проведения границы на Алтае, заходили с каждым днем все в больший тупик. Цинского посла очень раздражала «неуступчивость» Цэван-Рабдана. «Местность же кемчикских урянхайцев, — доносил он богдыхану, — варвар считает издавна принадлежащей ему... а потому он намерен получить ее [13, гл. 31, л. 12а—12б]. Отвергнув это «наглое заявление варвара», Сын Неба написал «даннику», что «западная граница Халхи достигла в настоящее время хребта Алтайских гор», а «от Таннуских гор до местности Кемчика и Бома (Енисея) живут ныне урянхайцы Вамбу-Доржи и Бубэя». Именно на такой вариант прохождения границы между двумя государствами в Монгольском Алтае и настаивал китайский император Юнчжэн в ответном послании Цэван-Рабдану [13, гл. 31, л. 12б—13а]. Однако данный вариант, предложенный Сыном Неба, так и остался на бумаге, ибо, несмотря на многочисленные рейды маньчжуро-китайских войск и халхаских отрядов в северо-восточные районы Монгольского Алтая, эта территория и проживавшее на ней тюркское население,

по-прежнему, осталось под влиянием ойратов. Столкнувшись с такой решимостью последних в отстаивать свои границы, богдыхан распорядился увеличить количество и численность пограничных караулов в Саяно-Алтае, дабы избежать внезапных нападений на «своих кемчикских данников». В дополнение к этому, Пекин также распорядился разместить — дополнительно — военные гарнизоны в Цаган-Соре, Джаке, Байдарике и других местах, чтобы закрыть, таким образом, от ойратов все опасные для Халхи подходы и направления. С этой же целью, был усилен и Бубэй. К 1000 воинов, находившихся в его распоряжении, ему были приданы легкий маньчжурский отряд, возглавляемый князем Диншу, и отряд халхаского князя Вамба. Перед ними была поставлена задача: выставить «охраняющие посты на северном берегу р. Тес, а также по южному склону гор Тану-Ола. Если Цэван-Рабдан, — гласил на этот счет богдыханский указ, — нападет на урянхов или на другие места, а войска разбойников будут немногочисленны, то отражайте их нападение; в случае, если силы разбойников будут велики, [то] не следует легкомысленно наступать». В заключение всем цинским военачальникам всех рангов, а также халхаским князьям был дан строжайший приказ принять все необходимые меры к отражению «неприятельского нападения» [13, гл. 42, л. 6 б].

Реализуя свой «оборонительный план», маньчжуро-китайский штаб не оставил без внимания и район Саяно-Алтая, в частности, территорию южной Тувы. Там, в соответствии с его директивой, были «временно» размещены отряды халхаских феодалов. И сделано это было, опять-таки, не без демагогии: для «защиты» проживающего здесь населения от нападения «варваров». С этой же целью ему «великодушно» предлагалось и «убежище» — на территории Северной Монголии. Для этого в Саяно-Алтай был командирован высокопоставленный китайский чиновник, который должен был объявить от имени Сына Неба, что местные народы являются «его подданными». Это заявление богдыхана «подтверждалось» следующими его сентенциями: «...Вы издревле и до настоящего времени... платите дань и вносите налоги монгольским ванам, бэйлэ⁴ и прочим, следовательно, вы являетесь подданными моего государства» [13, гл. 42, л. 8 б]. Понимая неубедительность своих «претензий», а также в силу враждебного отношения «саяно-алтайцев» к монгольским князьям, грабившим и обиравшим последних, Сын Неба объявляет ей о своей «высокой милости»: об уменьшении размера дани, которую она платила халхаским феодалам [13, гл. 42, л. 9 б]. Однако «богдыханова подачка» была отвергнута большинством глав тюркских племен Саяно-Алтая. При первой же возможности они признали себя подданными Российского государства. И лишь те, кто вынужден был уступить воинской силе захватчиков, подчинились и признали — до поры до времени — маньчжурский протекторат.

Противоборствуя друг с другом, оба противника в то же время внимательно наблюдали за дей-

⁴ Ван (по-китайски) — князь; бэйлэ (по-маньчжурски) — титул, распространявшийся маньчжурами на монгольскую знать и соответствовавший 3-й степени княжеского достоинства.

ствиями Русского государства в Южной Сибири. В первую очередь это относилось к цинскому Китаю. Завершив, достаточно успешно, в начале 20-х гг. XVIII в. военную кампанию против ойратов, маньчжуры, опираясь на свое превосходство в военной силе на границе с Россией в Сибири, в очередной раз поставили на повестку дня вопрос о размежевании границ. Пытаясь оказать давление на соперника, Пекин стал чинить разного рода препятствия, особенно, в русско-китайской торговле. Так, в 1717 г. цинские власти высылают из столицы находившийся там русский торговый караван и не пропускают туда новый. Чуть позднее, они заявляют русскому представителю в Пекине Л. Лангу о том, что «вынуждены пресечь всякую переписку и коммерцию с Россией в Китае до тех пор, пока не будет проведена граница с Россией в Халхе [14, с. 72]. Одновременно с этим заявлением, Пекин явочным путем занимает на границе с Сибирью несколько районов, принадлежность которых к Китаю была трудно доказуема. Это делалось специально, чтобы поставить, таким образом, противную сторону перед свершившимся фактом [15, с. 123-125].

А дальше последовали «новые шаги» китайских властей. В августе 1721 г. они приглашают к себе русского представителя в Пекине — уже упоминавшегося Л. Ланга — и объявляют ему — от имени бодыхана — о направлении через русскую территорию в верховья р. Оки (левый приток Ангары) своих людей «для осмотра и описания имеющегося там каменного божества» [16, л. 6]. Истинную же причину данной «научной экспедиции» Пекина в Саяны раскрыли Л. Лангу, вскорости, французские миссионеры. Оказалось, что посланные Пекином в Саяны люди не были «учеными», а являлись «разведчиками, которые были обязаны «упрятать в определенных местах земляные знаки», дабы, когда начнется размежевание, по ним, якобы, «издревле поставленным земляным знакам и границу установить» [17, л. 144]. Когда вскрылась истинная подоплека «научной экспедиции» Пекина в Саяны, то, естественно, ему было отказано в просьбе.

Учитывая разного рода «ловушки» китайской стороны, царское правительство настаивала на выработке твердых правил как в сфере «коммерции», так и дипломатических отношениях. С этой целью, оно направило в Пекин посольство, которое возглавил известный государственный деятель и дипломат С. Л. Владиславич-Рагузинский. Однако этот закономерный шаг «северного соседа», Китай воспринял «по-своему»: он активизировал разведку пограничных районов, уделив при этом особое внимание Саяно-Алтайскому нагорью. «Мы, — гласил указа Сына Неба от 22 февраля 1726 г.⁵ сановникам Цзюньцзычу (Военного Совета — Н. М.), — должны тщательно изучить положение Алтайских гор, до того, как вы будете обсуждать [с русскими] размежевание наших границ» [13, гл. 40, л. 25 б—26 б]. Этим же указом император предписал халхаскому князю Цэрэну, главе хотогойтов Бубэю и главнокомандующему цинской армии, расквартированной в северной Монголии, Лункэдо (Лонготу — по

русскими документам) срочно описать местность вышеназванного нагорья, составить его карту и проект границы и все эти материалы представить ему.

Реализуя поставленную задачу, Пекин позабочился взять под свой контроль все наиболее важные в военном отношении стратегические пункты в Халхе. В частности, восточный и западный берег оз. Косогол были заняты крупными подразделениями цинских войск [16, л. 6]. Были переброшены они (с джунгарской границы) и в район «Танну-Урянхая» [18, с. 71-72]. Возросшая активность Цинов в Халхе и постоянное передвижение маньчжуро-китайских войск вблизи российской границы были замечены и сибирскими властями. В одном из их донесений в Петербург сообщалось, что Циньи намерены «трактатом или ружьем все мунгальские земли от Российской империи оторвать» [19, л. 50]. Но, чтобы осуществить это или хотя бы подорвать позиции России в Саяно-Алтае и укрепить там свое влияние, Пекин продолжает практику насильтенного переселения местных двоеданцев вглубь Монголии. Об одной такой акции, которую предотвратили сибирские власти, стало известно и в Петербурге. Летом 1726 г., писал Л. Ланг, цинские войска, под предлогом преследования бежавших из плена ойратов, появились вблизи Тункинского острога. Однако русские власти, заведомо прознав об этом, своевременно выслали навстречу преследователям свои войска, которые перекрыв все дороги, вынудили их вернуться вовсюяни с чем. Цель подобного демарша, указывал Л. Ланг, всецело состояла в «угоне местных инородцев, платящих ясак Вашему величеству и алман мунгальцам, в свою землю» [20, л. 140-141].

Столкнувшись с подобного рода действиями китайской стороны, российское правительство также предпринимает ответные меры. Оно отдает (через С. Л. Рагузинского) распоряжение местным властям о сборе необходимых сведений для переговоров с Пекином. Активную деятельность развил в этом плане и сам, Савва Лукич. Сразу же после приезда в Иркутск (в начале апреля 1726 г.), он разоспал прианных ему геодезистов описывать местности, подлежащие разграничению и составлять их карты. Одновременно с этим, посол обратился с просьбой к руководителю 2-ой Камчатской экспедиции, капитану В. Берингу прислать ему карты пограничных с Китаем районов Сибири. Получили задание от него и местные власти: присыпать к нему старожилов, охотников, ясачных сборщиков, т. е. лиц, хорошо знающих те или иные участки Восточной Сибири, Забайкалья, прилегающие к Монголии. Сам же он, не теряя времени, занимается изучением документов местных архивов. Эта работа позволила ему обнаружить «шертные грамоты» хотогойтских Алтын-ханов о принятии ими российского подданства, позволившие Рагузинскому установить, что русские начали облагать ясаком тувинцев, проживавших к югу от Саян, еще 50-60-х гг. XVII в. Эти и другие документы показали Савве Лукичу, что картина расселения племен Саяно-Алтая была очень пестрой. Поданные Русского государства и халхаских феодалов, а также двое-

⁵ Даты китайских источников — здесь и далее — даны в переводе с китайского календаря на европейское лестосчисление. Перевод осуществлен В. А. Моисеевым.

данцы жили и кочевали смешанно. Из них же также явствовало, что «за Саянским камнем, ниже Кемчуга, кочует Жабадарга с соетами, кои дают дань российским властям, а кругом его и далее — соеты владения мунгальского, до вершин енисейских, ...где соеты есть [которые] платят ясак русским» [16, л. 1-2].

Иначе говоря, собранные С. Л. Рагузинским материалы, позволили ему установить, что «местные инородцы», живущие к югу от Саян были либо двоеданцами, либо данниками монгольских феодалов. Последнее обстоятельство бесцеремонно было использовано маньчжурами: поощряя и последних, они намеренно толкали их идти в районы, в частности, в бассейн Верхнего Енисея, «инородцы» которых давно уже находились в русском подданстве.

Собрав необходимые сведения и, отдав необходимые распоряжения относительно укрепления русских форпостов на сибирской границе с Северной Монгoliей, русский посол отправился в Пекин, куда и прибыл он в ноябре 1726 г. и сразу же приступил к переговорам. Их же программа была весьма обширна: сторонам необходимо было выработать приемлемые условия для развития русско-китайской торговли, установить порядок дипломатических связей между двумя странами, решить вопрос о пребывании в Пекине русской духовной миссии, а главное, — уладить пограничные дела.

В отличие от русской стороны, маньчжуры с самого начала переговоров (они начались 15 ноября 1726 г.) постарались перевести их в русло своих военно-политических интересов и сразу же выдвинули абсурдные территориальные притязания. Уполномоченные Сына Неба заявили, что Цинской империи должны отойти земли Забайкалья, а также южные районы Восточной и Западной Сибири. Эти претензии маньчжуров С. Л. Рагузинский отвел, используя «шертные грамоты» Алтын-ханов. «Все земли его Алтын-хана и его сына Лоузан-хана, со всею ордою, праведно... Российской империи принадлежат» [21, л. 5]. При этом русский посол подчеркнул неправомерность действий хотогийского князя Бубэя, который «многие противности Российской империи поданным чинит и насильственно к ясаку и в свое подданство принуждает» [21, л. 5].

С позицией и тактикой С. Л. Рагузинского на переговорах маньчжурская сторона, естественно, не согласилась и стала ее опровергать. Но русский посол стоял на своем. Так, в противоборстве прошло полгода. В конце концов уполномоченные Сына Неба вынуждены были в январе 1727 г. согласиться с принципом, выдвинутым Рагузинским, — пусть «каждый владеет тем, владеет теперь» и руководствоваться им при размежевании в Тану-Урянхае. Другой, несомненной победой русского посла явилось согласие маньчжуров на перенос второго этапа переговоров непосредственно на границу. Он начался в июне 1727 г. на р. Буре, протекавшей в ста верстах южнее Селенгинска. Протекал он еще в более острой борьбе, доходившей порой до демонстрации силы с той и другой стороны. Завершились переговоры 20 августа 1727 г. подписанием Буринского (предварительного) договора. Согласно ему, граница между Российской империей (в бассейне Верхнего Енисея) и владениями цинского Китая в Халхе проходила по северному берегу оз. Косогол и

шла к перевалу Шабин-Дабага (по линии фактического расположения русских и монгольских караулов) по горным хребтам и рекам [22, с. 11-12]. Обозначение границы на местности было осуществлено специальными комиссарами. Однако временные разграничительные знаки, поставленные разграничительной комиссией, нередко находились друг от друга на расстоянии — порой — более 100 верст и вполне вероятно, что казаки, которым велено было их достроить, не добрались до них, а выставили новые знаки на склонах Саянских гор, в местах проходов из Тувы в Минусинскую котловину [23, с. 18], а тувинцы, в свою очередь, выставили во многих местах свои знаки, чем внесли, в значительной степени, немалую путаницу в определение точной пограничной линии, которая создавалась в последующее время.

В дальнейшем Буринский трактат вошел, как известно, в состав общего договора, который был подписан уполномоченными обеих сторон на р. Кяхта 21 октября 1727 г., получив таким образом название «Кяхтинского». Размен его экземплярами (после ратификации договора китайским императором) состоялся 14 июня 1728 г. В соответствии с ним, урянхайские племена о роды, отошедшие к Китаю остались, как и прежде, в исключительном ведении халхаских владельцев. После смерти «своего владельца» они переходили в «руки» его наследника. Так, после смерти в 1730 г. князя Бубэя, его удел перешел к его сыновьям — Цэнгунджабу и Эринчину. Отдельные урянхайские родо-племенные группы платили алман другим ойратским князьям, служившим маньчжурам и беспрекословно выполнившим возложенные ими на них обязанности. В частности, халхаские князья следили за обстановкой в районах Саяно-Алтая, прилегавших к Монголии, ежегодно отправляя сюда для этого свои военные отряды. Особенно следили они за «соблюдением данниками разграничительной линии», хотя это была прерогатива «даннических» князей. Уход за нее категорически запрещался. Он был возможен только тогда, когда наступало время доклада (отчета) у своего князя.

Но, заключив «разграничительные договоры» с Россией, Пекин не считал пограничный вопрос решенным. Он намеревался еще вернуться к нему. Пока же нужно было выкроить время, обезопасить себя с «севера» и продолжить подготовку к дальнейшей войне с Джунгарским ханством. Для этого, маньчжурское правительство, начиная с 30-х гг. XVIII в., активно возводит крепости, создает опорные базы, строит дороги и т. д. Так, в Северо-Западной Монголии были возведены для этого Улясутайское, Кобдинское и другие укрепленные пункты. Для оперативного же руководства войсками и хозяйственными делами вся территория Северной Монголии была разделена на три наместничества (губернаторства), центры которых находились в Урге, Улясутае и в Кобдо. И, надо сказать, что предпринятые Цинами меры сыграли не последнюю роль в развитии успеха в последующем военном противостоянии между Цинской империей и Джунгарским ханством, в результате которого последнее будет разгромлено и сойдет с политической арены. Но это случится в середине XVIII в. и не составляет предмет настоящей статьи.

Библиографический список

1. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. — М., 1983.
2. Си Да. Шао э дуй во го сибу дицой ды цзаоци циньлюе (Первые агрессивные акты царской России в западных районах Китая). — «Лиши яньцю». 1976. №3. Переводы — В. А. Моисеева.
3. Мелехов Г. В. «Да Цин личао шилу» — как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). — М., 1969.
4. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.
5. Позднеев А. М. Монгольская летопись» Эрдэнийн эрих». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. — СПб., 1883.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 669.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. 62. Оп. 1. Д. 11.
8. Там же. Оп. 505. Д. 39.
9. Хуанчжоу фаньбу яолюе (Сводка основных данных о вассалах августейшей династии). Ханьчжоу, 1884. Использованы переводы В. А. Моисеева.
10. Ли Хуань. Гочао цисянь лэйчжень чубянь (Жизнеописание мудрых и благородных мужей цинской династии). [Б.м.], 1885. Переводы В. А. Моисеева.
11. АВПР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 17.
12. Циньдин пиндин чжуныгээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар). [Б. м.], 1772.
13. Да Цин Шицзун Сянъхуанди (Хроника правления Шицзуна Сянъхуанди великой династии Цин). — Токио, 1937.
14. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. — Казань, 1882.
15. Историческая справка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 г. // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. — М., 1875.
16. АВПР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 15.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 56.
18. Мелехов Г. В. Экспансия Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии // Вопросы истории. 1974. №7.
19. АВПР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2.
20. Там же. Д. 12 а.
21. Там же. Д. 10.
22. Русско-китайские отношения 1689-1916 гг. Официальные документы. — М., 1958.
23. Кон Ф. Я. Усинский край. — Красноярск, 1914.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 03.11.08.

N. S. MODOROV

THE PEOPLES OF MINING ALTAI IN STRUGGLE AGAINST CHINESE AGGRESSION. 1753-1756 YEARS

In article, the paper written publications (native and foreign) and archive materials throw light the struggle of peoples Mining Altai against Chinese aggression. 1753-1756 years.

Mining Altai, South Siberia, West Mongolia, Djungaria, mangurian conquerors, China, ambassy, take out citizenship

УДК 902

Л. Н. Мукаева

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТА И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX В.

В статье предпринята попытка анализа земельной политики императорского Кабинета в Горном Алтае в XIX в.

императорский Кабинет, земельная политика, землевладение, землепользование, земельные угодья, социум, переселение, колонизация

В исторической литературе никогда не было единого мнения о досоветской правительственной политике в национальных регионах Сибири, таких как Горный Алтай. Так, дореволюционные исследователи из числа прогрессивной интеллигенции воспринимали Сибирь как колонию Российской империи, поэтому они внутренний курс правительства оценивали только негативно, выделяя при этом различного рода нарушения, злоупотребления местной администрации и русских переселенцев. В советской и современной историографии после ряда дискуссий закрепилось положение о том, что регионы, подобные Горному Алтаю, не были колониями Российской империи, так как последняя не ста-

ла метрополией для них. Об этом писал крупный специалист по истории Горного Алтая Л. П. Потапов, подобной точки зрения придерживается исследователь Н. С. Модоров [6, с. 65]. В настоящее время в исторической литературе широко распространился взгляд на Сибирь как на окраину и колонию, но только в экономическом смысле, что предполагает изучение экономики края как неразрывной части всего хозяйственного организма страны и исследование во взаимосвязи и взаимодействии процессов экономического развития. Эти положения, по мнению исследовательницы Н. Ф. Иванцовой, могут служить исходной базой для понимания сущности правительственной политики в Горном Алтае

[2, с. 35-36]. Современные исследователи больше обращают внимание на патерналистский, охранительный характер политики по отношению к населению юга Западной Сибири, заложенный еще манифестами Екатерины II. Ее особенностью было достаточно щадящее воздействие на коренное население. Решающую роль при этом сыграла стратегия российской государственной власти в «инородческом» вопросе, направленная не на растворение малых народов в русском этносе, а тем более, уничтожение, а, наоборот, на сохранение привычного им образа жизни. Основной принцип Российского государства в отношении нерусского населения Сибири заключался в том, что оно стремилось свести к минимуму разрушающее воздействие присоединения на традиционный уклад жизни коренных народов, систему хозяйствования и землепользования. Не опасаясь многообразия форм социально-экономической жизни, российское правительство не хотело унифицировать хозяйство и быт коренных жителей, удовлетворяясь политической и финансовой лояльностью местного населения. Разумеется, идеализировать эту политику не стоит, но не нужно и забывать, что правительство относилось к «инородцам» в любом случае не хуже, чем к русскому населению, о чем убедительно свидетельствует вся дореволюционная история Российской империи [7, с. 74].

Собственником земли в Алтайском округе, включая его горную часть, до начала XX в. являлся императорский Кабинет. Небольшим земельным фондом на территории Горного Алтая располагала духовная миссия. Поскольку принудительный труд мастеровых и приписных крестьян Алтая обеспечивал коронному ведомству получение миллионного дохода, то Кабинет на всей территории округа не использовал в хозяйственном отношении земли, воды, леса. Земельная политика кабинетского ведомства в первой половине XIX в. по отношению к коренным жителям и старожилам Горного Алтая сводилась лишь к попыткам определения площади алтайских кочевий, регулирования, в том числе законодательного, вопросов переселения крестьян-промысловиков в Алтайские горы и решения земельных споров между различными группами населения.

Нормативно-правовая база, определяющая права собственности Кабинета и нормы землевладения алтайских племен, стала разрабатываться с начала XIX в. Права коренных жителей Горного Алтая на занимаемые ими земли определялись «Уставом об управлении сибирских инородцев» 1822 г. и исторически сложившимися в их среде нормами обычного права. «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 г. являлся важнейшим и наиболее глубоко разработанным законом, определяющим основные направления правительственной политики, в том числе и земельной, в отношении коренного населения Горного Алтая. В нем были заложены принципы землевладения и землепользования алтайского населения.

По «Уставу» алтайцы имели право на пользование землей и владение отдельными участками без права собственности на них. Но вместе с тем, они не имели права отчуждать земельные участки или продавать их в случае необходимости. Статья 26 гла-

сила, что «кочующие инородцы» имеют назначенные во владение земли. Согласно статье 28 «Устава» границы «племенных владений должны быть подробно определены», то есть размежеваны. Несмотря на это, граница алтайских кочевий не была точно измерена в XIX в. Тем самым, юридически огромная территория была лишь выделена в пользование, но не оформлена и не закреплена за местным населением. Этой неопределенностью земельных прав коренного населения и пользовались местные власти в конфликтных ситуациях. В хозяйственных занятиях алтайцы имели полную свободу выбора. Они могли заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами «на водах и землях каждому назначенных» [9, с. 78]. Статья 31 «Устава» 1822 г. строго запрещала «россиянам самовольно селиться на землях во владениях, иностранным отведенных» [там же].

«Устав об управлении сибирских инородцев» был принят в 1822 г., но кабинетское ведомство еще ранее попыталось определить свою позицию в земельном вопросе. В 1811 г. была спроектирована особая линия, которая определила границы кочевок коренного населения Горного Алтая на площади в 110000 квадратных верст. Русскому населению запрещалось создавать поселения за этой линией. Но проект так и не получил практического воплощения, а граница осталась «воображаемой». Потоки стихийного переселенческого движения сибирских крестьян и промысловиков доходили до Алтайских предгорий и гор. В 1817 г. Колывано-Воскресенская горная администрация обратилась с представлением в Кабинет о желательности заселения и освоения земель южной части округа. Высшее начальство дало разрешение на заселение Алтайских гор до русско-китайской границы [7, с. 29].

Разрешения на переселение выдавали горная администрация, начальство казачьей линии и Томская казенная палата, принадлежавшие к разным ведомствам. В 1823 г. по этому поводу возникла переписка между Кабинетом, Сибирским генерал-губернаторством и Колывано-Воскресенской администрацией. В результате было принято решение, что при выдаче разрешений на новое место жительства Томская казенная палата обязательно должна ставить в известность канцелярию Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа [7, с. 31]. В 20-х гг. XIX в. администрация Алтайского округа стала принимать некоторые меры к осуществлению своего надзора и контроля над своей территорией. Колывано-воскресенское начальство первый раз произвело учет всех земель, занятых селами, поселками, кочевьями и другими поселениями. В Горный Алтай для обследования его территории был послан горный офицер Пылков. Работы по хозяйственному учету горно-алтайских земель продолжались три года: с 1825 по 1828 г. Но экспедиция Пылкова не смогла собрать данных о земельной площади, занятой населением и ограничилась только описанием Горного Алтая, тем не менее, Кабинет пытался поставить под свой контроль переселенческое движение в горную часть. Горная администрация выдавала разрешения на переселение в Алтайские горы, регулировала размеры поселений. Об этом направлении политики окружного началь-

ства писал в 1826 г. путешественник К. Ф. Ледебур, что крестьянам горных деревень «указывались определенные границы земельных участков и сенокосов, которыми они могли пользоваться» [4, с. 84]. По всей видимости, это касалось только крестьянских селений, но не заимок, которые создавались стихийным путем. Уже в начале XIX в. наметилась тенденция «сползания» населения округа в южном направлении. Этот процесс захватил и Бийскую линию, переход за которую был запрещен. Началось стихийное заселение русским населением предгорий и гор Северного Алтая. По официальным данным, до 1825 г. к югу от Бийской линии было образовано 54 русских селения с общей численностью 2394 души мужского пола [5, с. 50].

До 1824 г. заселение русскими северной части Горного Алтая носило вполне мирный характер, поскольку русские расселялись на свободных землях и не стесняли местных жителей в пользовании угодьями: земельными, таежными, охотничими. Впоследствии расширение крестьянских поселений в Алтайских предгорьях и горах вызвало протесты со стороны алтайских зайсанов. В 1828 г. группа зайсанов, жаловалась сенатору В. К. Безродному и князю Б. А. Куракину, ревизовавших в то время Западную Сибирь. Суть жалоб заключалась в том, что приток русского населения влияет на сокращение пастбищных и охотничих угодий. Зайсаны просили запретить крестьянам и промысловикам селиться в пределах их кочевий. Поскольку в основе кабинетской политики по отношению к кочевому населению Горного Алтая лежало стремление не подавать никаких поводов к недовольству, то Кабинет принял решение устраниć причины подобных жалоб [7, с. 32].

В 1829 г. Алтайское Горное правление распорядилось установить пункты алтайских кочевий. Данная граница между русскими поселениями и алтайскими кочевьями была установлена Главной Чертежной Колывано-Воскресенского Горного правления. Она проходила по левой стороне Катуни через бассейны рр. Черги, Черного Ануя, Корона, Чечулихи, Кумира и Коксу. Граница алтайских кочевий была утверждена в 1831 г. томским губернатором и Главным начальником Колывано-Воскресенских горных заводов Е. П. Ковалевским и нанесена на особую «карту уроцищ Алтайского хребта». Территория алтайских кочевий получила название «калмыцких стойбищ». Русскому и алтайскому населению предписывалось данную границу не нарушать [7, с. 32]. Горное Правление хотело оградить алтайских кочевников от вторжения в их стойбища русских промысловиков. Официальный запрет на свободный въезд частных лиц в алтайские кочевья стал своего рода стабилизирующим фактором в земельной политике Кабинета в первой половине XIX в.

Важной составляющей понимания алтайцами своих земельных прав являлся обычай, исходящий из «древности» владения своей территорией. Алтайцы основывали все свои права на земли, ими занимаемые, на том факте, что они жили на этих землях до перехода в российское подданство. Подтверждение своих прав они видели в ряде законодательных актов, среди которых самым важным

являлся «Устав об управлении инородцев» 1822 г. «Положение» 22 июля 1822 г. им тоже было хорошо известно. Алтайские зайсаны опирались на него во всех случаях, когда дело касалось принятия в пределах их кочевий, или временного пользования угодьями посторонними лицами. Без согласия местного населения поселиться в Алтайских горах было крайне сложно. Распоряжение 1831 г. запретило крестьянам и мещанам, линейным казакам посещать алтайские земли и заниматься там промыслами. Но при этом допускалась аренда промысловых угодий по особым соглашениям — приемным приговорам, которые выдавали зайсаны и их помощники демичи за определенную плату [3, с. 36].

Характерной чертой землевладения коренных жителей Горного Алтая в первой половине XIX в. было осознание ими общности владения всей территорией, в пределах которой они проживали. Алтайцы, считая себя одним народом, признавали, что и земли, в пределах которого располагаются их кочевья, принадлежат им сообща. Отсюда вытекало отсутствие территориальных границ между дючинами, инородными управами и волостями. В первой половине XIX в. алтайцы не имели точных представлений о границах своих административных единиц, которые определяли бы их отношения в процессе пользования угодьями. Хорошо представляя внешние границы, считая их необходимыми и прося администрацию об их восстановлении и защите, они не знали внутренних границ. Внутри общеалтайского сообщества коренные жители пользовались землей вне каких-либо границ. Пределами их кочевий являлись границы чужого владения крестьянских и оседло-алтайских обществ, либо государственная граница. Поэтому земельные отношения «кочевых инородцев» Горного Алтая не отличались однообразием ни до, ни после реформы 1861 г.

Рубежом в истории земельной политики в Горном Алтае стала реформа 1861 г. Крестьянская реформа в кабинетском округе не решила вопрос о земле. По закону 8 марта 1861 г. крестьяне и «инородцы» получили занятые ими земли не в собственность, а только в пользование, до проведения землеустройства. Кабинетская администрация неоднократно подчеркивала временный характер своих земельных отношений с крестьянским и «инородческим» населением до осуществления землестроительных работ. Но поскольку у коронного ведомства на том момент отсутствовала хозяйственная заинтересованность в создании собственного земельного хозяйства, то кабинетские чиновники отложили на неопределенный срок проведение землеустройства, ссылаясь на большие затраты, отсутствие земельного учета и на другие причины.

Во второй половине XIX в. земельный вопрос стал осложняться начавшимся массовым переселенческим движением. Переселение на земли Алтайского округа регулировалось законодательным актом 1865 г. Но данный закон ничего не говорил о возможности заселения Алтайских гор. Самовольное освоение территории Горного Алтая в эти годы русским населением происходило, как и в предыдущие времена, заимочным способом, позволявшим крестьянам быстрее приспособиться к окружающей среде и наладить контакты с местным населением.

Одним из способов налаживания мирных отношений с коренным населением была уплата арендных платежей за пользование угодьями.

Стихийная форма миграции русского населения в горную часть Бийского уезда сдерживалась кабинетскими запретами дреформенного времени. Кабинет, разрешив законом 1865 г. добровольное переселение на Алтай, не обратил внимания на необходимость упорядочения стихийного переселенческого движения в горную часть округа. Это привело к некоторому обострению земельных отношений между народами, проживающих на территории Горного Алтая. Считая свои земельные права нарушенными, алтайцы обращались с жалобами в административные и судебные учреждения. Администрация округа в бессистемном расселении крестьян и промысловиков в Алтайских горах тоже видела нарушение экономических интересов своего ведомства и пыталась обложить арендой русских поселенцев в свою пользу. Это вызывало недовольство местных зайсанов, и они начинали требовать восстановления своих прав. Полицейские власти отказывались выселять русских крестьян и мещан, ссылаясь на статьи 1298 и 1310 Устава Гражданского судопроизводства. Судебно-мировые учреждения отказывали в исках кабинетской администрации, поскольку эти земли находились в «инородческом» пользовании. В результате, процесс стихийного заселения Алтайских гор продолжался, а путаница в земельных отношениях увеличивалась. Интересы переселяющихся в Горный Алтай крестьян и промысловиков попыталась защитить томская администрация. Томский губернатор Н. С. Супруненко в 1873 г. совершил поездку по Горному Алтаю с целью выяснения вопроса о возможности его колонизации. По итогам своего обследования он пришел к выводу о наличии свободного фонда колонизационных земель и возможности заселения данной территории русским населением, прибывающим на кабинетские земли Томской губернии. Его предложения были поддержаны западносибирской администрацией во главе с генерал-губернатором Н. Г. Казнаковым [5, с. 61-63].

Вся вторая половина 70-х гг. XIX в. прошла в согласовании центральными и местными органами власти деталей закона о переселении в Алтайские горы. Подготовленный проект был утвержден в 1879 г. как «Правила заселения Горного Алтая», тогда же началось организованное заселение Алтайских гор. На переселение в горный край обязательно нужно было получить разрешение Алтайского правительства. На последнее возлагалось отвод земельных участков для лиц, получивших официальное разрешение. Размер надела определялся в 18 десятин, из расчета по 15 десятин на одну наличную душу и 3 десятин на доприятие.

Во второй половине XIX в. в связи с возникновением оседлых поселений и под влиянием социально-экономических реалий в алтайском социуме стали создаваться новые земельные отношения. Начался процесс обособления в пользовании угодьями различными сообществами. Алтайский социум этого времени отличался многообразием форм землепользования, обусловленным разницей в полукоучевом или оседлом образе жизни, проживанием

аилами по урочищам, или в миссионерских поселках и другими причинами. На складывание земельных отношений влияли такие факторы, как административная неупорядоченность, пожизненное или краткосрочное пользование земельными угодьями, влияние социальной среды. Вместе с тем, и во второй половине XIX в. алтайское население по-прежнему придерживалось принципа давности своих прав на занимаемые земли. В его среде широко бытовал принцип вольного захвата. Сохранилось и понимание общности владения землей всем народом. Это видно на примере угодий, пользование которых сопровождалось продолжительной отлучкой из дома как кочевников, так и оседлых алтайцев. В первую очередь, это промысловые угодья для охоты, сбора кедрового ореха и отгонные пастбища. Эти земли находились в общем пользовании всех алтайских этнотERRиториальных групп Горного Алтая.

В алтайском социуме признавался факт того, что каждый коренной житель имеет право охотиться, собирать орехи, пасти скот на всем пространстве занимаемой алтайцами территории. Для этого не требовалось ни разрешения зайсана, ни устного заявления.

Алтайское сообщество максимально старалось сохранить свои права на земли. Поскольку во второй половине XIX в. количество пришлых старожилов из предгорных волостей и крестьян-переселенцев увеличивалось, то это привело к обострению вопроса об использовании промысловых угодий. Для некоторых этнотERRиториальных групп Горного Алтая доходы от промыслов были основными источниками оплаты податей, многие коренные жители ясак платили с орехового промысла. Поэтому вторжение крестьян-переселенцев в промысловые угодья ими воспринималось враждебно. К тому же местные жители жаловались, что чужаки из новоприбывших нарушили правило сбора ореха, начинали бить его раньше времени, срубали плодоносные ветки и даже кедры [3, с. 22]. В целях предотвращения таких негативных моментов, в алтайском социуме стала создаваться система контроля над использованием промысловых угодий.

Во второй половине XIX в. наследственное пользование встречалось редко даже в районах с оседлым образом жизни, старшее поколение по-прежнему отстаивало право свободного поселения. Но все же в пользовании пастбищными, сенокосными, пахотными землями происходили изменения. В первой половине XIX в. алтайские кочевники жили отдельными аилами, далеко разбросанными друг от друга, и не имели между собой связи. С 70-х гг. XIX в. жители срединной части Алтая стали группироваться в небольшие поселения. Соответственно появились новые формы землепользования. В первую очередь, стали складываться новые порядки пользования пастбищами и сенокосами.

Определенное место в хозяйствовании алтайских кочевников занимало земледелие, которое в течение XIX в., эволюционировало от мотыжного к пашенному. Наиболее ранней формой пользования пашнями являлась вольно-захватная, когда каждый кочевник мог захватить в свое пользование столько земли и там, где ему казалось удобным и

нужным, никого не спрашивая, и, пользуясь, сколько нужно. По нормам обычного права это был захват, ничем не регулируемый. Во второй половине XIX в. скотоводы-алтайцы под влиянием русских крестьян расширили пашенное земледелие. В последней трети XIX в. алтаец-кочевник уже практиковал переделы пахотных земель, когда ему было нужно.

Особая система землепользования существовала в Чулышманской долине, на территории которой в 1864 г. возник монастырь. При создании монастыря его основатель купец Мальков убедил начальство в том, что долина Чулышмана является свободной, но на самом деле она была занята кочевками алтайцев. В результате здесь сложились земельные отношения на арендном праве. Монастырь являлся землевладельцем, а местные теленгиты — арендаторами. Размер арендных платежей за пользование землей был следующим. За пашню теленгиты расплачивались одной десятой частью урожая, за пастьбу скота платили 4 коп. с головы мелкого скота и 20 коп. головы с крупного скота. За место под айлом арендаторы платили 1 рубль в год, за право рубить дрова — тоже 1 рубль [1, с. 163-164]. В результате здесь сложились земельные отношения на арендном праве. Монастырь являлся землевладельцем, а местные теленгиты — арендаторами.

Своя система землепользования сложилась в смешанных по социальному и этническому составу оседлых селениях, к которым относились также переселенческие и миссионерские поселки. Состав таких поселений был очень пестрым, кроме русских крестьян здесь селились крещеные алтайцы, казахи, мещане, сохранявшие свои сословные права. Между ними по вопросам землепользования часто возникали разногласия. Зачастую складывалась спорная ситуация, в которой обе стороны в своих притязаниях на одни и те же земли были правыми. Алтайские кочевники обладали правами на эти земли, на стороне крестьян-переселенцев, поселившихся не самовольно, а в рамках организованного пра-

вительством заселения Алтайских гор, был закон «Правила заселения Горного Алтая» 1879 г. Но подобные явления имели место не во всех районах. В тех местностях, где вопросы, связанные с использованием земли, были наложены, крестьяне и алтайцы жили между собой мирно. Основной формой поселения крестьян и мещан в Алтайских горах была захватно-заимочная, при которой старожилы и переселенцы селились заимками, со временем превращавшиеся в селения. Русских заимок было много в черновом районе и в Уймонской степи. Основатели заимок заключали договоры с местными засланами, получая от них приемные приговоры за деньги и несколько ведер вина.

Таким образом, у населения Горного Алтая в XIX в. исторически сложилось многообразие форм пользования пашнями, сенокосами, выгонами, отгонными пастбищами. Верховным собственником и владельцем являлся императорский Кабинет. На всем пространстве округа земельные права населения носили временный и неопределенный характер. В результате, в земельных отношениях между Кабинетом и населением настала путаница. Но из-за отсутствия в округе системы земельного учета Кабинет не смог приступить к землеустройству до конца XIX в. Горный Алтай как и округ в целом до конца столетия остался не размежеванным, а коренное, старожильческое крестьянское и переселенческое население — неустроенным в земельном отношении. Земельная политика кабинетского ведомства в XIX в. по отношению к коренным жителям и другим категориям населения Горного Алтая в основном сводилась к попыткам определения площади алтайских кочевий, регулирования, в том числе законодательного, вопросов переселения в Алтайские горы и решения земельных споров между различными группами населения. Под влиянием различных социально-экономических факторов к концу XIX в земельный вопрос стал главным во внутренней политике Кабинета в Горном Алтае.

Библиографический список

- Горный Алтай и его население: В 3-х т. Т. 1. Вып. 1: Кочевники Бийского уезда / Сост. С. П. Швецов — Барнаул: Стат. отд. Гл. упр. Алт. окр. 1900. — 360 с.
- Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917—первой половине 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова — М., 1993. — 452 с.
- Карих, Е.В. Межнациональные отношения в Горном Алтае в XIX — начале XX вв. / Е. В. Карих // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. шестой. — Бийск: НИЦ БГПИ, 1998. — С. 20-27.
- Ледебур, К. Ф. и др. / К. Ф. Ледебур и др. // Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер: Пер с нем. / В. В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. — 415 с.
- Михайлов, В. П. Отчет начальника Алтайского округа, действительного статского советника В. П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. / В. П. Михайлов — Барнаул. 1910. — 225 с.
- Модоров Н. С. Роль России в исторических судьбах населения Горного Алтая / Н. С. Модоров // Горный Алтай и Россия — 240 лет. Горно-Алтайск. 1996. С. 64-68.
- Мукаева, Л. Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая / Л.Н. Мукаева // История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период. — Горно-Алтайск, 1995. — С. 18-61.
- Садовой, А. Н. К проблеме определения правового статуса автохтонного населения Южной Сибири (XVIII — XX вв.) / А. Н. Садовой // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: Материалы межрегиональной конференции (г. Бийск, 14-15 мая 1999 г.) / ред.-сост.: А. Э. Городецкий, Н. Ф. Иванцова. — Бийск: НИЦ БГПИ. 1999. — С. 72-77.
- Сатлаев Ф. А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861-1913 гг.) / Ф. А. Сатлаев // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1987. — С. 73 — 110.

L. N. MUKAEVA

LAND USE POLICY OF THE CABINET AND LAND USE RELATIONS IN GORNY ALTAI IN THE 19th CENTURY

The study focuses on analyzing land use policy pursued by the Emperor Cabinet in Gorny Altai in the 19th century.

Emperor Cabinet, land use policy, landowning, land use, society, transmigration, colonisation, lands

УДК 902

И. А. Новиков

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЮЖНОГО УРАЛА В XVIII ВЕКЕ

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников (в том числе и впервые вводимых в научный оборот) освещена история формирования центральных органов управления горнозаводской промышленностью Южного Урала в XVIII веке.

Горнозаводское производство, центральные и местные органы управления, Южный Урал

Металлургия являются основой промышленного комплекса многих регионов нашей страны, в т.ч. и Южного Урала — Челябинской области: на ее долю в начале XXI века приходится 60 % от выпускаемой продукции, чугуна и стали выплавляется 25% от общероссийского уровня, что является гарантом экономического и политического благополучия региона [1, с. 30; 32]. Основы могущества южноуральской металлургии были заложены в XVIII веке. Петровская модернизация коренным образом изменила положение России и вывела ее в число мировых держав, одним из составляющих стало создание крупной горнозаводской (металлургической) промышленности на Урале. Отличительными чертами промышленного развития уральского региона в XVIII — первой половине XIX вв. стали патернализм государства над горными заводами, выпуск продукции для военных нужд, отсталость внутреннего рынка, что ограничивало свободу частного предпринимательства и приводило к принудительным методам создания рабочей силы для работы на заводах и рудниках.

Промышленный вектор, затронувший сначала территорию Среднего Урала, в середине 40-х гг. XVIII века перекинулся и на Южный Урал. Задержка в строительстве была связана со сложной политической обстановкой, запретом на покупку башкирских земель, а также малозаселенностью края. 11 февраля 1736 г. вышел именной указ Анны Иоанновны, 16-й пункт которого гласил: «Хотя по прежним указам и воеводским наказам в Уфимском уезде у башкирцев земли угодья покупать и крепить не велено, однако усмотрено, что то запрещение им, башкирцам весьма не полезно. Того ради лутчей их впредь пользе, то запрещение отменить и впредь, с сего указа, земли и угодья тамошним жителям, дворянам и офицерам и мещерякам у башкирцев покупать и за себя крепить позволить», а 24-й — «О строении горных заводов» [2, с. 744-745]. Но только спустя восемь лет, в 1744 г., Берг-коллегия и оренбургский губернатор И. И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию

горных заводов на Южном Урале, но только за счет частной инициативы [3, с. 143]. Заводчикам разрешалось покупать у коренного населения — башкир и других владельцев рудные месторождения, леса, земельные угодья для строительства заводов. Заводовладельцы на четыре года освобождались от десятинного налога и получили право продавать до 90% своей продукции по вольным ценам [3, с. 143; 147]. Позднее, в 1753 г. Сенатским указом строительство заводов на Южном Урале было утверждено «размножать одним партикулярным людям» [4, с. 908].

Лидерами в строительстве заводов выступили симбирские купцы И. Б. Твёрдышев и И. С. Мясников, которые к концу XVIII века обладали крупнейшим комплексом из 11 заводов с восьмью тысячами душ крепостных. Однако не меньшее число заводов было построено стараниями тульских купцов Мосоловых и Л. И. Лугинина. Всего к концу XVIII века на Южном Урале (в пределах современной Челябинской области) действовало 17 заводов, которые выпускали высокосортный металл, что, делало возможным удовлетворение не только своих внутренних потребностей, но и его отправку на европейский и среднеазиатский рынок. Экспорт был обусловлен не его высоким качеством, а узостью внутрироссийского рынка. Поэтому металл экспортировался главным образом в виде железа разных сортов и в Европе шёл на переработку. Кроме того, на Южном Урале строятся заводы по выплавке меди: Златоустовский, Миасский и др. Спрос на медь был обусловлен фискальными интересами казны, так как медная монета использовалась в качестве платежей внутри страны и потребностью в оружейном производстве, в пушках для армии.

Отличительной особенностью горных заводов была их связь с градостроительством: возникают города-заводы. Чаще всего доминантой в городском пейзаже выступал заводской пруд. Основная магистраль города, как правило, проходила по плотине. Улицы ориентировались на завод и застраивались преимущественно деревянными домами сельско-

кого типа с надворными постройками. Общественные здания и апартаменты заводчиков возводились из камня. Специфика таких поселений — территориальное единство с производством, четко выраженным характером занятости населения. В середине XVIII века была в очередной раз создана специальная горная комиссия для рассмотрения вопроса о дальнейшей судьбе казенной горнозаводской промышленности Урала. Комиссия пришла к выводу о целесообразности ее передачи во владение частных и «партикулярных» людей и в дальнейшем вести новое строительство только частным владельцам. В большинстве это были вельможи из окружения Елизаветы Петровны. Среди них и А. С. Строганов, построивший на Южном Урале Троицко-Саткинский (Саткинский) завод. Кроме того, в период неопределенности судьбы строившегося Златоустовского завода, он попытался, но неудачно, захватить отведенную землю под свои заводские строения [5, л. 202]. Аналогично пытался поступить и Р. Л. Воронцов «поданным в Берг-коллегию челобитьем просил об отдаче ему Златоустовского железного завода ... якоб через долгое время оной завод поныне не построен, и будто отведенное под тот завод место лежит праздно, а понеже на оных речках никакого ево Мосолова заводского строения ...» [6, л. 372 об].

Однако, несмотря на щедрое субсидирование деньгами, аристократия оказалась неспособной к успешному ведению горнозаводского хозяйства, в т.ч. и А.С. Строганов, который в 1768 г. продал за 185 тыс. руб. Саткинский завод Л.И. Лугинину [7, л. 9]. Правительство предполагало, что частные владельцы будут больше опекать свою собственность, нежели правительственные чиновники, но это было не всегда так, где «верная рука самого хозяина правит, там был и порядок, и производительность росла» [8, с. 5-18]. Поэтому на большинстве заводов владельцы передоверили управление приказчикам, а сами годами не появлялись на заводах и не интересовались положением дел на них.

Вместе с формированием в XVIII веке горнозаводской промышленности шло становление и совершенствование органов управления, вырабатывались принципы и методы руководства ею. На рубеже 80-90-е гг. XX в. произошло переосмысление и переоценка значения различных форм собственности, их взаимодействия, способов и методов управления ими, что усилило внимание исследователей к изучению теории и методов управления, как современной России, так и ее исторического прошлого в пределах Российской империи, в том числе и горнозаводских регионов. Центральные органы управления — Берг-коллегию и Горный департамент исследовала Н. В. Федюнина и И. А. Новиков [9]. Уральскому горнозаводскому региону посвящены исследования: М. В. Кричевцева, И. А. Новикова, В. В. Тороп, Е. С. Тулисова и др. [10]. Одной из последних стала монография В. М. Свиштунова, Н. М. Меньшенина и Г. Х. Самигулова «Первые демидовские заводы на Южном Урале», которая при своих несомненных достоинствах, имеет целый ряд недостатков, в т. ч. историографических, а также только схематично показана структура управления демидовских заводов на южном Урале [11]. Таким образом отсутствует целостное исследование, кото-

рое бы проследило весь комплекс мероприятий от возникновения южноуральских горных заводов до формирования и эволюции в дореформенный период, системы их управления. Эти факторы и определили направление нашего исследования.

Значительная удаленность Урала от центра страны и необходимость контроля над частными заводчиками привели к созданию разветвленной системы центральных и региональных органов горнозаводского управления. Их возникновение стало результатом действия протекционизма и меркантилизма — экономических доктрин, направленных на установление контроля государства над экономикой. Вместе с тем организаторов промышленного производства интересовали, главным образом, технологии производства металла, и Швеция в этом смысле была страной развитых горных промыслов. Поэтому центральным органом управления стала, как и в Швеции, Берг-коллегия, но соответствующая русским условиям, которая с некоторыми перерывами, просуществовавшая до 1802 г.

Положенные в основу действия коллегии документы определили сферу ее деятельности и выполняемые функции на будущие почти девяносто лет. В сферу ее компетенции перешло и ведомство артиллерии. Обусловлено это было их «родственными» связями, так как выпуск артиллерии и снарядов составлял основу производства горных заводов. Поэтому во главе коллегии был поставлен руководитель Главной артиллерии Я. В. Брюс. Указ 12 декабря 1718 г. о создании Берг-коллегии сформировал ее функции, которые заключались в лабораторной экспертизе руд, отводе земли под заводы и рудники, разрешении споров между заводчиками, во взыскании с них налогов, обязанности поставлять медь и железо, приписывать к заводам крестьян, выдавать разрешение на их покупку, рассматривать жалобы заводчиков, приписных крестьян и мастеровых, применять карательные меры к недовольным, ограждать владельцев заводов от вмешательства местной гражданской власти, передавать казенные заводы в частные руки и возвращать их в казну, управлять ими и сбывать их продукцию [12, с. 601].

10 декабря 1719 г. вышел указ «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах», известный как Берг-привилегия. В обязанности коллегиума входило развитие горнорудного дела, «коим образом те рудокопные дела наилучше и совершенно произведены быть могут» [13, с. 760-762]. «Привилегия» сохраняла за государством право преимущественной покупки золота, серебра, меди и селитры по ценам Берг-коллегии; гарантировала право наследственного владения заводами; освобождала мастеровых от рекрутчины, воинских постоеv, денежных поборов и гарантировала им заработную плату [13, с. 760-76]. Издание в 1719 г. Берг-привилегии решило проблему привлечения к промышленному освоению Урала частных капиталов и стимулировало частную инициативу, что привело к бурному росту негосударственных заводов. Вместе с тем «привилегия» оставляла за государством право собственника на недра, фиксированные цены на отдельную продукцию, но верховная власть имела право вмешиваться в заводские дела. В 1719-1720 гг. функции Берг-коллегии

расширились. В ее подчинение перешло производство меди, серебра, золота и монетное дело [14, с. 192-193].

Смерть Петра I и дальнейшие в течение XVIII века изменения в системе государственного управления отразились и на положении Берг-коллегии. Шел поиск модели развития России, основанной, с одной стороны, на показной преемственности идей Петра Великого, а с другой — на необходимости исходить из реалий времени, будь то 30-е или другое десятилетие XVIII века. Поэтому неоднократно поднимался вопрос о закрытии Берг-коллегии, ее слиянии с другими торговыми-промышленными коллегиями, низведении до берг-контролы и других проектов и в конечном итоге в ее закрытии (дважды) и открытии вновь. Причины этого заключались в том, что горнозаводская промышленность приносила большие доходы государству, и ему не выгодно было терять прибыльную статью бюджета, и, во-вторых, не был еще решен вопрос о том, казенным или частным заводам отдать предпочтение.

При Анне Иоанновне в управлении экономикой наметилась ориентация на передачу казенных заводов в частные руки, что подтвердил в 1739 г. Берг-регламент. К началу 40-х гг. XVIII века окончательно определилось преимущество частных заводов над казенными. Оформились принципы горнозаводской политики государства, которые выражались в активной поддержке заводовладельцев при строительстве заводов и неукоснительном контроле за их деятельностью в дальнейшем, обязывая их обеспечивать бесперебойную работу заводов. Разработанные в середине 30-х гг. XVIII века под руководством В. Н. Татищева горные законы: заводской и горный уставы, наказ шихтмейстеру — определили до конца века обязанности должностных лиц по управлению казенными заводами и чиновников, прикрепленных к частным заводам, и проблемы взаимоотношений между заводчиками.

К моменту промышленного освоения Южного Урала, Берг-коллегия в 1742 г. была вновь создана на прежних основаниях. Ее президентом стал генерал-майор артиллерии А. Ф. Томилов [15, с. 445], который и определил расстояние между строящимися заводами «... между собою невоблизости один от одного построен был ... верстах в 50...» [16, л. 256 об]. А. Ф. Томилов также был выходцем из артиллерии, как Я. В. Брюс, А. К. Зыбин, В. Н. Татищев и В. И. Геннин. В 1728 г. судьба связала его с горным делом: по предложению В. И. Геннина капитан А. Ф. Томилов был определен в Екатеринбург в Сибирский обербергamt «у всех Сибирских горных заводов и канцелярских дел» [17, с. 27-28]. Именно Берг-коллегия в силу возложенных на нее функций выдавала разрешения на строительство заводов, отвод рудных месторождений и лесных угодий. Заводчик подавал прошение в Берг-коллегию: В Оренбургской губернии внутри Башкирии на речке Ай (Катав, Сатка, Сим) «для приращения Ее Императорского Величества интересов и общей великой пользе» [16, л. 127]. Далее сообщалось про объявленные в Оренбургскую губернскую канцелярию железные рудники «коих отыскано довольноное число» и о найденном приказчиками «к построению железного завода удобное место» на такой-то реч-

ке, на которой они «имеют желание построить вододействуемый железный завод», для плавки чугуна одну (две, три) домну, для выковки железа молотовые фабрики «сколько та речка количеством своей воды в действие молотов содержать может» [16, л. 127 об.] или в Оренбургское горное начальство «покорно прошу чтоб указом Ее Императорского Величества и милостивого оного начальства разсмотрением повелено было показанные вновь приисканные медные прииски дабы впредь оные никто каким-либо прииском вступить не мог» [18, л. 488]. В заключении прошения заводчик просил о передаче этого места для строительства завода и отвода окрестных лесов, чтобы «оных для производства завода стать могло» [16, л. 127-127 об; 255]. В силу этого появлялся «Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Государственной Берг-коллегии в Канцелярию Главного завода правления сего году месяца дня по Ея Императорского Величества указу в Берг-коллегию железного завода [19, л. 27].

Также Берг-коллегия регулировала возникающие споры между заводчиками: М. П. Мосоловым и Н. Н. Демидовым при строительстве Киолимского завода, А. С. Строгановым и М. П. Мосоловым при разделе лесных угодий между Саткинским и Златоустовским заводами [5, л. 198 об; 202]. Определяла качество найденных руд и давала заключение о целесообразности их использования. Так поступил М. П. Мосолов с найденными образцами железных и медных руд вблизи строившегося Златоустовского завода. Пробу определили производить унтер-шихтмейстеру Аниките Ярцову, который дал им в 1761 г. положительную оценку [20, л. 288]. Таким образом, благодаря «молодому» А. С. Ярцову, будущему руководителю горнозаводской промышленностью Урала, М. П. Мосолов достроил Златоустовский завод и пустил его в действие. Кроме того, в 1764 г. он доносил в Берг-коллегию, что «при оном заводе построены медеплавильные две печки для проб обыкновенной величины» [21, л. 21 об.].

В ответ на выступление Е. И. Пугачева правительство Екатерины II провело реформу местного управления. В результате увеличилось число губерний, а также произошла унификация управления в центре и на окраинах. Она сопровождалась децентрализацией управления и передачей части функций центральных органов власти на места. В губерниях были созданы Казенные палаты, с появлением которых отпала необходимость в Берг-коллегии, поэтому в 1784 г. она была закрыта [22, с. 862].

С 1781 по 1796 гг. южноуральские заводы управлялись Пермской и Оренбургской казенными палатами. Для улучшения горной части при каждой из них была образована III Экспедиция горных дел, которой стали подведомственны «все заводы как казенные, так и партикулярные» [23, с. 90]. В связи с передачей горных заводов под управление казенных палат на них были отправлены приставы «с потребным числом людей» и канцелярских служителей [24, с. 22]. Реорганизация горнозаводского управления 1781 г. была, по всей видимости, наименее эффективной, так как это привело к разрушению прежних связей, а также нарушился принцип независимости горной власти.

Установившийся порядок ведения дел в Казенных палатах оказался неудобным, нерациональным и нерентабельным: из-за «невыполнения горных и заводских работ по независимости их от заводской команды воспоследовали немалые упущения и затруднения» [25, л. 115 об.]. Поэтому в 1786 г. вышел указ для Олонецкой Казенной палаты, согласно которому только вице-губернатор имел право принимать участие в делах Горных экспедиций. Позднее этот принцип распространился на Вятскую, Пермскую и Уфимскую губернии. Переход горных заводов под управление Горных экспедиций при Казенных палатах привел к тому, что специалисты горного дела почти все покинули заводы. Поэтому на эти должности определяли унтер-штеймейстеров — людей без званий, воспитания и опыта. Кроме того, управители не имели самостоятельности, а должны были обращаться за разрешением в Казенные палаты по любому случаю, «отчего замедлялся ход заводских дел» [26, с. 615].

К концу XVIII века в горнозаводской промышленности наиболее отчётливо проявились её отрицательные черты: патернализм, использование труда приписных и крепостных крестьян, производство металла на экспорт и для военно-государственных нужд. Выпуск продукции снижался или находился на одном уровне, так как большинство заводских строений обветшало и требовало немедленного ремонта, запасы близлежащих рудников иссякли, леса вокруг заводов были вырублены и их приходилось привозить издалека, речки обмелевали, а вывоз металла из-за континентальной блокады снизился. В результате продукция, ранее вывозившаяся за границу, стала поступать на внутрироссийский рынок. Произошло затоваривание: продукция не могла найти своего покупателя и оседала на торговых складах Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода. Это приводило заводчиков к опасениям: «выковываемое ежегодно у них знатное количество железа или остаётся вовсе не распроданным или сбывается с рук с едва ли приметным бырышом», а иногда заводчики из-за не распроданного железа оказывались в долгах [27, л. 9-9об.]. Горная экспедиция и вице-губернатор оказались неспособными управлять своей «вотчиной» на должном уровне. Возникла необходимость в создании независимого горнозаводского управления, которое бы подчинялось непосредственно центральной власти в лице императора или назначенного им чиновника.

При Павле I вновь произошла централизация управления: Берг-коллегия была вновь восстановлена «на основании как оная находилась до 1775 г.» [28, л. 681-681 об.] и просуществовала до 1802 г., когда с учреждением Горного департамента Мини-

стерства финансов необходимость в ней отпала. Также была восстановлена и Канцелярия Главного заведения в Екатеринбурге [29, с. 9], которая наделялась правами и обязанностями по штату 1763 г. Этими мероприятиями центральная и региональная власть пытались устраниć негативные последствия управления горнозаводской промышленностью Казенными палатами.

В результате реформы конца XVIII века в модели управления горнозаводской промышленностью Южного Урала не только произошло восстановление центрального органа управления — Берг-коллегии. Однако это были лишь внешние очертания, и правительство продолжало искать пути для преобразования как центральных, так и региональных органов управления горнозаводской промышленностью России и Южного Урала. Восстановление Берг-коллегии и Канцелярии Главного заведения можно охарактеризовать как переходный этап в системе управления горнозаводской промышленностью России.

Таким образом, управление горнозаводской промышленностью Южного Урала структурировалось и оформилось в течение второй половины XVIII века. Органы управления образовали структуру, во главе которой находилась Берг-коллегия, которую необходимо охарактеризовать как относительно устойчивый и постоянный тип административно-экономических связей с набором структурных элементов в форме отраслевых и территориальных образований как вертикальных, так и горизонтальных. Происходило сочетание территориального и экономического управления, без фиксации в административных границах и с чётко выраженной хозяйственной ориентацией, что позволяет определить модель и их структурные элементы как центральные, так и региональные ответвления, как управленические структуры мезо и микро-уровня. Каждый из уровней характеризуется наличием многофункциональных распорядителей. На них объективно возникали условия для формирования экономического пространства, соответствующего как региону, так и заводской округе. Чем сильнее централизовалась и бюрократизировалась государственная система управления, тем более унифицировано она относилась к своим звеньям, которые выступали распределителями с широко развитой разветвлённой региональной сетью горнозаводских учреждений, независимых от других административных структур, принцип построения и механизм действия которых был основан на Южном Урале 4-х уровневым делением: Берг-коллегия — Канцелярия Главного заведения — Оренбургское горное начальство — заводская контора.

Библиографический список

1. Запарий В. В. История черной металлургии Урала. 90-е годы XX века. М., 2003.
2. ПСЗ-1. Т. 9. №6890.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 2
4. ПСЗ-1. Т. 13. №10141. С. 908.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2230
6. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 2.
7. Там же. Д. 6
8. Демидов Н. А. Записка о правительственные мерах, необходимых для улучшения заводского дела // Организация производства и труда в металлургической промышленности Урала XVIII — начала XX вв. Свердловск, 1990.
9. Федюнина Н. В. Берг-коллегия в системе государственного регулирования экономикой России XVIII — начала XIX в. // Российская провинция: история, культура, наука. Саранск, 1998. С.325-330; Новиков И. А. Берг-коллегия — центральный орган управления гор-

- нозаводской промышленностью России в XVIII веке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2005. №3. С. 33-43; Новиков И. А. Центральные органы управления горнозаводской промышленностью России в XVIII в. // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 10. Горно-Алтайск — Бийск, 2006. С. 120-136.
10. Кричевцев М. В. Кабинетная система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1995; Новиков И. А. Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII — первой половине XIX вв. Становление и развитие. Челябинск, 2004; Тороп В. В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1999; Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999 и др. их работы.
11. Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск, 2007.
12. ПСЗ-1. Т. 5. №3255.
13. Там же. №3464.
14. Там же. Т. 6. №3582.
15. Анисимов Е. В. Россия без Петра. Л., 1994.
16. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 6.
17. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства России 1700-1900 годов. СПб., 1900.
18. Там же. Д. 2.
19. Там же. Д. 3.
20. Там же. Оп. 2. Д. 691.
21. ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 142.
22. ПСЗ-1. Т. 21. № 15660.
23. Там же. №15141.
24. Там же. №15115.
25. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3081.
26. ПСЗ-1. Т. 21. №15447.
27. ПСЗ-1. Т. 24. №17567.
28. РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 18.
29. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/5. Д. 2719.

Челябинский государственный педагогический университет
Получено 17.11.08.

I. A. NOVIKOV

The central organs of control mining and metallurgical industry of South Ural in the XVIII century
On the basis of published and archival documents (significant part is put into scientific circulation for the first time) the throw light of history formation central of organs control mining and metallurgical industry of South Ural in the XVIII century.

Mining and metallurgical industry, central and local organs of control, South Ural

УДК 902

C. V. Селиверстов

ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА «ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассмотрен «евразийский» проект бывшего российского дипломата и ученого А.Н.Мандельштама относительно устройства многонациональных государств, решение в связи с этим русско-турецких отношений — «турецкой проблемы».

Дипломат, ученый А.Н.Мандельштам, многонациональное государство, «евразийцы», «евразийский проект», «пан-туранизм», «туранская проблема»

Проблема «справедливого общественного устройства» многонациональных государств и сообществ с давних пор привлекала внимание ученых, политиков и общественных деятелей планеты. Не стала исключением из правил в этом плане и Российская империя, которая уже к началу XIX в. представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. ее территория еще более расширилась — с 16 млн. до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, части Польши, Бессарабии, Кавказа и Закавказья, Казахстана, Приамурья и Приморья. В силу этого, население России возросло (за счет естественного прироста и присоединения территорий) с 37 млн. до 74 млн. человек [1, с. 5]. Однако ее государственное устройство (в плане обеспечения прав народов) оставляло желать много лучшего. Недаром этот вопрос не сходил с повестки дня

общественно-демократических кружков и объединений, набиравших силу в России и предлагавших свои планы переустройства Российской империи. В числе таковых был, к примеру, во второй половине XIX в. и кружок студентов Московского университета, предрекший в своей прокламации «Молодая Россия» новое общественно-политическое устройство России (после «кровавой и неумолимой» революции). Оно же кружковцам виделось в виде республиканского союза областей, состоявших из самоуправляющихся общин. За Польшей и Литвой они признавали право на независимость [1, с. 108].

Предвидение «москвичей» сбылось, в известной степени, в октябре 1917 г. Однако свершившееся «общественно-политическое устройство бывшей Российской империи» не устроило не только значительную часть ее населения, но и мировую общественность. Свидетельство тому — вспыхнувшая в стране гражданская война, поддержанная рядом иностранных государств. Не утихло обсуждение

проблемы «переустройства новой России» и после ее окончания. Более того, возникшая «дискуссия» обрела даже международный характер, видную роль в которой была отведена Турции. Она же на протяжении многих столетий (тогда Османская империя — С. С.) играла особое место во внешней политике царской России. Не последнюю роль в их взаимоотношений играло наличие в последней значительного количества тюркских народов, а в Турции — славянского населения. Это обстоятельство весьма «углубляло» интерес российских чиновников к Османскому государству, который не ограничивался служебными делами, а находил свое проявление и в их «интеллектуальной» деятельности. Из числа российских дипломатов в Турции были особенно известны в конце XIX — начале XX в. имена И. А. Зиновьева, Н. П. Игнатьева, Д. А. Капниста, К. Н. Леонтьева, А. Н. Мандельштама, Н. В. Чарыкова, т. е. людей, разных по должностям и взглядам, но внесших немалый вклад в осмысление многообразной по характеру российско — турецкой и российско — тюркской проблематики.

Наибольший интерес из числа вышеназванных лиц у нас вызвала фигура Андрея Николаевича Мандельштама (1869-1939), дипломата, историка, юриста (доктора международного права Санкт-Петербургского университета — С. С.), отдавшего 16 лет (с 1898 по 1914 г. — С. С.) дипломатической службе в российском посольстве в Турции в качестве «первого драгомана (переводчика — С. С.)». После этой «службы» он работал в центральном аппарате МИДа, а в 1917 г. был назначен Временным правительством на должность директора Правового департамента МИД России. На рубеже 20-30-х гг. он эмигрировал из СССР и в течение многих лет состоял членом Института международного права».

Нас Андрей Николаевич заинтересовал не только как непосредственный участник российско-османских дипломатических переговоров, имевших место в конце XIX в., но и как ученый, знаток новейшей турецкой истории. Чтобы подтвердить это, достаточно назвать некоторые его труды, такие как «Младотурецкая держава» [2], «судьба Оттоманской империи» [3], а также работы о политике держав по армянскому вопросу [4]. Каждая из вышеназванных работ имеет солидную источниковую базу. Об этом пишет и сам автор. Так, в предисловии к «Судьбе Оттоманской империи» он указывает, что книга написана «на основе добросовестного изучения огромного количества фактов, официальных документов, турецких источников... и собственных наблюдений» [3, с. 5].

Несмотря на то, что политическая ситуация в Европе и мире, о которой писал А. Н. Мандельштам, существенно изменилась за прошедшие десятилетия, тем не менее, можно с полным правом утверждать, что его работы и сегодня не утратили своего научного значения. Попробуем продемонстрировать это на одной лишь работе — на содержательном и пространном «Введении» А. Н. Мандельштама к книге безвестного автора «Турция и пантюркизм», увидевшей свет в 1930 г., в Париже [5, с. 7-33]. Написанное в ней Андрей Николаевичем, без преувеличения, выходит далеко за рамки простого «Введения». Это вполне солидный научный

труд, в котором известный российский исследователь суммировал свои взгляды и идеи на достаточно сложный «турецкий вопрос», подвел определенные итоги в осмыслиении российско-турецких отношений и наметил пути и возможные перспективы их дальнейшего развития.

Что же касается самого автора работы «Турция и пантюркизм» (первое издание ее вышло под названием «Турция» в 1927 г. — С. С.), то на ее титульном листе значатся слова «Зареванд». Возможно, это фамилия автора работы, а может быть псевдоним. Иначе говоря, сведений об авторе публикации нигде не указано. Но нас интересует не это, а взгляды самого А. Н. Мандельштама, не скрывшего своего имени, при написании своего «Введения». Но, прежде, чем говорить о нем, скажем пару слов о проблемах «пантюркизма» и «пантуранизма» в Советском Союзе. Первый, как известно, рассматривался в нашей стране, не иначе как «реакционно-шовинистическая доктрина турецкой буржуазно-помещичьей верхушки, возникшей в начале XX в. и проповедовавшей объединение тюркоязычных народов под властью Турции» [6, с. 961.]. Да иначе руководство СССР, руководствовавшееся интернационально-коммунистическими взглядами и политико-классовыми позициями, поступить и не могло. Пример иного восприятия «пантюркизма» в 1920-е гг. могла дать только эмиграция. Не ограниченные узкими политико-идеологическими рамками ее проницательные исследователи отчетливо понимали значимость данного фактора для России. Осознавал это и А. Н. Мандельштам. Поэтому, начиная с 1930 г., он приступает к распространению объективных сведений о «пантюркизме среди русской публики», в силу ее недостаточной осведомленности о нем. Зная тюркскую общественно-политическую мысль не понаслышке, Андрей Николаевич, не без оснований, полагает, что «пантуранизм» имеет «большое значение для развития государства будущей свободной России», а потому он требует «величайшего внимания» [5, с. 19-20]. И здесь необходимо отметить один, очень важный момент: автор ведет речь не о советской, а о постсоветской России. Какие же «направления» в развитии будущей российской государственности видятся ему в связи с «турецкой» проблемой?

Чтобы расставить все точки над «и», А. Н. Мандельштам задается сначала вопросом: «А действительно ли тюрко-татарские народы России тяготеют к Турции?» Сам же он убежден, что в будущей «свободной России, организованной на началах федерализма и областных автономий, тюрко-татарские народы, конечно же, будут наделены политической самостоятельностью, необходимой для сохранения единой российской государственности. Только удовлетворятся ли они этим, задает себе вопрос ученый. Будут ли тюрко-татарские народы стремиться, «следуя заветам Зии Гек Альпа, федерироваться по племенному признаку с Турцией, или же быть равноправными членами Российской державы, в которой они найдут, в большей степени, чем в Турции, удовлетворение своим экономическим потребностям» [5, с. 20-21]?

По мнению, А. Н. Мандельштама, вопрос о реальных намерениях «советских тюркских народов

(речь идет о рубеже 20-30-х гг. XX столетия — С. С.) остается далеко не выясненным, а потому, — полагал он, — по отношению тюрко-татар к Совдепии нельзя судить об их будущем отношении к возродившейся России [5, с. 20].

С другой стороны, «намечаются ли уже постоянные линии новой политики Турции по отношению к России? И будет ли эта политика, — задает вполне закономерный вопрос А. Н. Мандельштам, — стремиться «к освобождению тюрко-татарских народов из-под власти России, подобно тому, как в течение столетий Россия стремилась к освобождению балканских народов из-под власти Османской Империи? Наконец, если бы «прочно установившаяся турецкая государственность повела сознательную пантурецкую политику, как должна будет реагировать на нее воскресшая Россия?» [5, с. 21, 23].

В отличие от автора «Турции и пантуранизма» А. Н. Мандельштам считает, что в настоящее время нет «твердых доказательств» того, что пантуранизм может стать основанием для «постоянной» политики Турции [5, с. 23]. Однако события Первой мировой войны показали, что российско-турецкие отношения пережили период конфронтации. Принципиально в этом то, заявил бывший дипломат, что «обновленные русский и турецкий миры неизбежно осуждены на новые кровавые столкновения» [5, с. 24]. Но при какой «международной обстановке», при каких международных условиях исторический «спор между Россией и Турцией может быть уложен без кровопролития» [5, с. 31]?

А. Н. Мандельштам, в отличие от коммунистических деятелей СССР, не отрицал «проблему пантуранизма» и не считал целесообразным, чтобы она была загнана куда-то «вглубь». По его мнению, вопрос о самоопределении и «о выходе из пределов России тюрко-татарских племен должен был получить не однобокое решение, исходившее лишь из интересов только этих народностей, а основанное также на интересах русской государственности». При этом он был твердо убежден в том, что каждое «национальное меньшинство имеет полное право на культурную автономию и что народам, входящим сплошными массами в пределы какого-либо государства нужно предоставлять самые широкие политические автономии, и что введение федеральной системы является — в известных случаях — актом величайшей государственной мудрости» [5, с. 29].

Наконец, указывал А. Н. Мандельштам и еще на один немаловажный международный процесс, перспективное значение которого тогда, на рубеже 20-30 гг. XX столетия, мало кто из политиков видел. Он же указывал на аспект, который мы сегодня называем «региональной интеграцией». В частности, он писал тогда о начавшемся «пан-европейском движении» и о том, что в мире, параллельно с Лигой Наций, идет «движение в пользу создания других, более тесных, организмов, имеющих целью совместную защиту интересов отдельных группировок держав» [5, с. 30]. И далее А. Н. Мандельштам акцентировал внимание на самом главном, а именно: какое отношение к континентальной «Пан-Европе», к возможному Европейскому союзу будет иметь будущая свободная Россия? В связи с

этим, он справедливо подметил, что паневропейское движение стремится к созданию европейской конфедерации «без России». «Такое исключение, — по его мнению, — совершенно естественно», потому что Россия (также как тогда и Великобритания) сама по себе представляет «маленьку лигу наций» и имеет особые интересы, не совпадающие с интересами Европы. При этом, он вполне справедливо, причем в категорической форме заявлял, что географическое положение России «не позволяет ей войти ни в европейскую, ни в азиатскую лигу» [5, с. 31]. Тогда, куда же и в какой регион должна «войти» в будущем свободная Россия? — задавал он вполне закономерный вопрос. Будучи достаточно известным ученым — международником, А. Н. Мандельштам смело излагал свои планы. «Нам кажется,.. — писал он, — что человечество идет к следующей... конструкции мира»: 1. Союз всех народов (Лига Наций), ведающий общими интересами всего человечества; 2. В пределах этого союза [существуют], большие группировки государств, связанных общими интересами... [И], наконец, 3. Отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов...». И здесь, что на наш взгляд, весьма существенно, учений выделяет «в глобальном мире» уровень «региональной интеграции», или, как он пишет, уровень «больших группировок государств». Он даже называет их — «европейская, американская, великобританская». По его представлениям, Россия (будущая свободная Россия — С. С.) должна входить в отдельную — российскую — группировку [5, с. 31].

Именно при такой международной «конструкции» в Евразии, к которой, по мнению ученого, «по всем признакам, идет человечество», и именно при такой международной системе «спор между Россией и Турцией может быть уложен без кровопролития» [5, с. 31]. Иначе говоря, решение «турецкого вопроса», по его мнению, может осуществлено двумя путями. Во-первых, если «российское государство не может отказаться от турецких территорий, находящихся в его пределах, ибо это противоречило бы всем его экономическим и политическим интересам», то Россия обязана в полной мере удовлетворить «экономические, политические и культурные требования» турецких народов. И, во-вторых: «Если бы сама Турция нашла, ввиду наличия в России миллионов ее соплеменников, что ее культурные и экономические интересы более совпадают с интересами России, чем с интересами Европы или Азии, то она могла бы войти в состав российско-турецкой группировки, имеющей такое же особое лицо, как и европейская, и американская группировки народов». При этом, А. Н. Мандельштам, не без оснований, полагал, что «со временем» к этой региональной группировке могла бы примкнуть и Персия [5, с. 32].

Вот создание такого большого «регионального сообщества» в Евразии, еще в 20-30-х гг. ХХ в. виделось нашему опытному дипломату и ученыму. В связи с этим, возникают известные параллели: «Восточный союз» в основном именно в такой конфигурации предполагал еще в 80-х гг. XIX столетия другой бывший российский дипломат в Турции — К. Н. Леонтьев. В «Восточной конфедерации

ции», создание которой напрашивалось уже тогда, могли бы участвовать, наряду с Россией и балканскими странами, также Турция и Иран [7, с. 561]. Такой широкой проект мог бы стать, по его мнению, реальной альтернативой сопредельной «европейской федерации». А за несколько месяцев до смерти (он умер в 1891 г. — С. С.) он намеревался довести свою идею о Восточном союзе, «долгими годами выношенную», сведения Государя, в виде «секретной записки», но только не через МИД, руководители которого, по мнению Константина Николаевича, «слишком мелки для такого взгляда». Но, говоря о «Восточной конфедерации», он уточнил, что в состав союзной Турции должны входить — собственно Азиатская Турция, Сирия, Палестина, Аравия и Египет «с изгнанием англичан и международной нейтралитацией Суэзского канала» [8, с. 191-192]. Таким вот было к началу 90-х гг. XIX в. концептуальное «международно-политическое завещание» К.Н. Леонтьева.

С тех пор как он выступил с ним, со своими оригинальными идеями, прошло (до времени публикации «соображений» А. Н. Мандельштама — С. С.) 40 лет, однако «ключевые действующие лица» этой возможной «внеевропейской» региональной интеграции в Евразии остались те же.

В связи со сказанным выше, следует подчеркнуть, что нельзя отказать А. Н. Мандельштаму в понимании того, что весьма актуально сегодня (т. е. на рубеже 20-30-х гг. XX. — С. С.) и необходимо как для России, так и для Турции, а также для русского, тюрksких и «турецких» народов. При этом автор концепции «российско-турецкой группировки» не просто витал где-то в «глобально-политических облаках», а он достаточно здраво полагал, что его идея о региональной российско-турецкой интеграции «реальнее пантуранизма и уже, во всяком случае, более в духе нашего века» [5, с. 32]. И здесь нельзя не обратить внимание на выражение — «в духе века», поскольку, несмотря на все мировые и национальные конфликты, XX в., действительно, шел к своей «интеграции», окончательное создание которой он предал XXI столетию.

Что касается регионального российско-турецкого согласия как фактора преодоления возможного агрессивного пантуранизма (и, с другой стороны, добавим, — потенциального российского империализма), то обширные комментарии здесь, на наш взгляд, излишни, ибо достаточно четкий вывод сделан на этот счет самим А. Н. Мандельштамом. «Пантуранизм, — справедливо заключил он, — может повести к новой войне,.. создание [же] российско-турецкого блока... [исключит] ее навсегда из отношений между обеими расами» [5, с. 32]. Он также искренне верил, что «освобожденный [в будущем] от большевистского ига русский народ сумеет сговориться с турецкими народами относительно условий дальнейшего политического сосуществования в пределах России». При этом «вместо отказа от своих турецких земель, Россия может протянуть Турции руку для мирного сближения русского мира с турецким в новых формах, вырабатываемых современной международной жизнью» [5, с. 32-33].

Как все это произошло в 90-е гг. XX столетия, — теперь уже известно. Бывшие союзные рес-

публики (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Азербайджан) стали после распада СССР суверенными государствами, а автономные республики и области (Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Алтай, Хакасия, Тыва, Якутия и др.) — субъектами Российской Федерации. С другой стороны, как и предполагал А. Н. Мандельштам, не только в Европе, но и вне, ее стали зарождаться и крепнуть «новые формы» международной жизни, происходить сближение государств и народов, проявляться региональные интеграционные тенденции. Постепенно (хотя и не без проблем) начал формироваться (параллельно Европе — С. С.) полноценный и конкурентоспособный Евразийский регион, активное участие в котором принимают и тюркоязычные государства. Дорога туда не закрыта, разумеется, и для Турции. О чем заявил в свое время еще А. Н. Мандельштам, назвавший русско-турецкие, российско-турецкие отношения «великой турецкой проблемой» [5, с. 33]. Именно он (одним из первых специалистов-международников — С. С.) сформулировал на рубеже 20-30-х гг. XX в. для будущей свободной России концепцию региональной интеграции, которую сегодня мы с полным основанием можем назвать «концепцией евразийской интеграции». На появление этой идеи, вне сомнения, повлияло и возникновение в 1920-е гг. ранних «паневропейских идей». Но из этого, мы, вправе, должны сделать и другой вывод: реальным толчком для кристаллизации идеи «внеевропейской» (т. е., по существу, евразийской) региональной «группировки» стал, в т.ч. и пантуранизм. Разумеется, А. Н. Мандельштам как русский патриот своей родины, никак не мог принять конечные цели пантуранизма, но осмыслить их «без гнева и пристрастия», он был в состоянии. А уяснив ее, он воспринял идею «пантуранизма» и как вызов, и как фактор к потенциальной, позитивной региональной интеграции на взаимоприемлемых (в т.ч. международно-правовых) основаниях. Хорошо представляя конфронтационный потенциал в российско-турецких отношениях, бывший дипломат (и это весьма важно) стал твердым и последовательным сторонником «обновления и последующего сближения России и Турции».

Иначе говоря, А. Н. Мандельштам выделил в пантуранизме не только «агрессивный пантуранизм» [5, с. 23], но и увидел в нем (в контексте большого российско-турецкого межгосударственного сообщества — С. С.). «возможность толерантного тюркизма». Увидел он в этом контексте и преодоление «агрессивного пантуранизма» и «российского империализма» вполне «справедливого двойника воинствующего пантуранизма».

Словом, идеи А. Н. Мандельштама о «российской группировке европейских государств» и «российско-турецкой группировке» вполне оригинальны. Но подобный подход к обсуждаемой проблеме являлся не произвольной комбинацией в международных отношениях. Мысль о «самостоятельном пространстве» между европейской и азиатской «лигами» было ничем иным как следствием, по существу, евразийского взгляда на Россию и сопредельные с ней страны. Близость идей А. Н. Мандельштама к идеям русских евразийцев 20-30-х гг. — это

вне сомнения — очевидна. Правда, в связи с этим, встает закономерный вопрос: «А был ли знаком он с трудами тех эмигрантов, кто называл свои взгляды на мир «евразийством»? Сопоставление фактов дает все основания ответить положительно на этот вопрос. Так, указав на особенность («срединность») географического положения России, не позволяющей ей войти «ни в европейскую, ни в азиатскую лигу», А. Н. Мандельштам, в то же время, отметил, что нельзя не считаться и с фактом существования большого комплекса общероссийских интересов, который, по его мнению, необходимо иметь в виду даже «не вдаваясь здесь ни в какие «евразийские» доктрины». Надо сказать, что такая говорка весьма примечательна, поскольку она означает, что А. Н. Мандельштам был неплохо знаком с воззрениями российских евразийцев 20-х гг. В этой связи, встает и другой вопрос: «А почему не стал он «вдаваться» в «великую турецкую проблему» с учетом подхода к ней «евразийцев»? Можно предположить, что будучи в прошлом дипломатом, а также ученым — международником, он смотрел на русско-турецкий вопрос с «международно-политической точки зрения», а не с «историко-цивилизационной» или «культурологической». Его, в первую очередь, привлекала не мировоззренческая концеп-

ция, не идеяная «доктрина», а «живой» процесс трансформации современных ему международных отношений. Возможно, именно поэтому он и вывел «евразийство» как направление (как подход — С. С.) за пределы своего анализа и выдвинутых им «сочетаний».

И, касаясь их сегодня, спустя почти 90 лет, мы отчетливо просматриваем во взглядах А. Н. Мандельштама евразийский геополитический, региональный подход, никак не противоречащий, а, наоборот, углубляющий географические и культурологические размышления и наблюдения его современников-евразийцев 20-30-х гг.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, мы можем с полным правом утверждать, что «евразийский» проект А. Н. Мандельштама был обращен в будущее его родины и явился, по сути дела, его завещанием ей, которое в полной мере было реализовано ею на исходе XX столетия. Именно тогда, после распада СССР появилась на мировой арене посткоммунистическая Россия, видевшаяся А. Н. Мандельштаму в его проекте федеративным объединением, учитывающим интересы как интересы своих «российских народов», так соседствующих с ними тюркских «евразийских» народов.

Библиографический список

1. Модоров Н. С. История России. 1855-1900 гг. — Горно-Алтайск, 2005.
2. Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. — М.-Пг., 1915.
3. Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne-Paris, 1917.
4. Mandelstam A. La Societe des Nations et Pussances devant le probleme armenien. Paris, 1926.
5. Мандельштам А. Н. Введение // Зареванд. Турция и пантюркизм. — Париж, 1930.
6. Энциклопедический словарь. — М., 1984.
7. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Восток, Россия и Славянство. — М., 1996.
8. «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // Нестор, 2000. №1.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Получено 15.10.08.

S. V. SELIVERSTOV

THE GLANCES OF «EUROASIANS» ON THE SOCIAL ORGANIZATION OF MULTINATIONAL STATE SYSTEM

In article scrutinize the «euroasian» project of russian diplomat, scientist A.N.Mandelshtam relatively the organization of multinational state and the judgement of russian-turkish terms — of «turanic a problem».

Diplomat, scientist A.N.Mandelshtam, multinational state, «euroasiants», «euroasian» project, «pan-turanism», «turanic a problem»

УДК 902

A. Б. Чегодаев

ДОКУМЕНТЫ П. И. КАМЕНСКОГО (АРХИМАНДРИТ ПЕТР), ХРАНИЩИЕСЯ В ФОНДЕ Г. И. СПАССКОГО АРХИВНОГО АГЕНТСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Статья посвящена анализу документов П. И. Каменского (1765-1845), хранящихся в фонде Г.И.Спасского Архивного агентства Красноярского края. В статье дается описание документов, пояснения основных моментов содержания статей, выводы о работах П. И. Каменского. Также подчеркивается подлинность документов и объясняется, каким предположительным образом документы могли попасть в фонд Г. И. Спасского. Ставятся проблемы поиска и изучения фондов русских китаеведов современными исследователями.

Духовная миссия, селение галерное, черновые заметки, китайская культура, макаоский инцидент, дипломатия

В Архивном агентстве Красноярского края (ААКК) сосредоточено немало документов по истории Российского государства, многие из которых ждут пока своего исследователя. Многие из них сосредоточены в фонде Г. И. Спасского¹. В их числе следует в первую очередь назвать малоизученные документы по истории Российской духовной миссии в Пекине, а именно: «Селение Галерное². Черновые заметки Петра Ивановича Каменского по истории Китая» [1] и «Выписки из различных журналов, произведений и т. д. о Китае (сделаны, вероятно, П. И. Каменским)» [2]. Данные документы представляют собой своего рода сборники писем, исторических заметок о Китае, а также собственные размышления и стихотворения П. И. Каменского. Оба вышеперечисленных документа не имеют четкой структуры, преобладающая часть текста написана на русском языке, но имеются и латинские надписи. В меньшей степени представлено в рукописях иероглифическое письмо. Текст, как правило, написан как по длине листа (чаще в качестве дописок, на свободном месте; поля для заметок отсутствуют), так и по ширине, текст написан одним лицом, о чем свидетельствует почерк. Отсутствует хронологическая структура (даты писем не находятся не соответствуют исторической хронологии).

Внутреннее содержание документов разнообразно. Так, в документе «Селение Галерное. Черновые заметки Петра Ивановича Каменского по истории Китая», большая часть посвящена материалам, касающимся Селения галерного (письма с просьбами на имя должностных лиц; списки поселенцев с указанием дачи им материальной помощи и т. д.).

Другая его часть является собой черновые заметки по истории Китая, правда, без какой-либо хронологической последовательности. Это, скорее всего, выдержками из тех или иных китайских источников, переведенных самим П. И. Каменским (в основном, с маньчжурского языка) и являющиеся спорными или вообще неизвестными на тот период в научном мире. Имеется в этом документе немало известных изречений античных философов, написанных на русском и на латинском языках. Последний был уже к тому времени принесен европейцами в Китай и использовался ими в ходе международных переговоров. П. И. Каменский, как известно, отлично владел латинским, а потому свободно делал на нем записи, когда дело касалось античных изречений. Есть в разбираемом документе и записи иероглифами. Ими записаны китайские изречения. Можно предположить, что делалось это с целью более точного перевода текста. Отдельные из них переведены П. И. Каменским на русский язык. Есть в тексте вышеперечисленного источника и небольшие стихотворные произведения П. И. Каменского, посвященные тем или иным историческим сюжетам.

Второй документ — это «Выписка из различных журналов, произведений и т. д. о Китае (сделаны, вероятно, П. И. Каменским)». Большая его часть

посвящена «заботам» о миссии (П. И. Каменский дает анализ деятельности предыдущих миссионеров, говорит, что и как можно улучшить «жизнь миссии») [3, л. 5-13]. Уделил он внимание и Макаоскому инциденту (прибытию в 1798 г. кораблей «Надежды» и «Невы» в порт Макао, без надлежащего на то разрешения, что было воспринято китайцами, как нарушение Кяхтинского трактата (1727 г.), заключенного между Китаем и Россией, а также ситуации, сложившейся вокруг него [3, л. 15-21]. Немало сохранилось в этой части писем, заметок, в той или иной мере относящихся к китайской культуре [3, л. 24-29].

Завершая речь об этом документе, подчеркнем, что хотя он и не имеет четкой структуры, но, тем не менее, информация в нем имеет завершенный вид (по сравнению с документом «Селение Галерное...», т. е. та или иная тема в нем не обрывается на полуслове, а имеет вполне логическое начало и конец. Выписки из разных источников содержат номера страниц, из которых они взяты. Там же, где они не указаны, есть ссылки на цитированных авторов (Г. Ф. Миллер, Круценштерн, Ф. Щегорин (иркутский купец, торговавший в Китае и оставивший о нем свои заметки А. Ч.) и др. Используя их, П. И. Каменский составил впоследствии первую инструкцию для 10-й миссии (1820-1830 гг.).

Говоря о вышеперечисленных документах, небезынтересно узнать, кто был их автором. Правда, сделать это сложно. Возможно, это был сам П. И. Каменский, а может — Г. И. Спасский или кто-либо, получивший от него задание написать очерк о П. И. Каменском и его работах. Ответ на поставленный вопрос, дает в известной степени анализ работы П. Е. Скачкова [4]. Знакомство с нею дает основание полагать, что все написанное П. И. Каменским [4, с. 401- 406], в полной мере соответствует стилю описанных выше документов (с пометками, поправками, дописками и пр.). Так, что приведенные П. Е. Скачковым документы свидетельствуют, что это точная копия заметок, выдержек П. И. Каменского, хотя страницы не всегда совпадают. На основании изложенного, можем также предположить, что два вышецитированных документа являются подлинниками и написаны рукой П. И. Каменского. Для такого заключения, есть ряд доводов.

Первый, — это стиль П. И. Каменского. Его почти невозможно повторить. Порукой тому — и авторская форма — дописки, размышления, выдержки, подписи на полях и все это сделано на разных языках. Не следует сбрасывать со счетов также «оборванную» мысль и отсутствие конкретной темы в сочинениях П. И. Каменского. Все это присутствует как в «Селение Галерное...», так и в «Выписка из различных журналов, произведений о Китае» (со всеми зачеркиваниями и исправлениями, что присуще «стилю» П. И. Каменского).

Второй, — в текстах анализируемых документов имеются иероглифы. Полагаем, что никакой

¹ Спасский Григорий Иванович (1783-1864) — историк, источниковед, этнограф, археограф, лингвист, издатель, занимался изучением Сибири и Востока.

² Галерное селение — район на Васильевском острове. В 1721 году по указу Петра I в устье бывшей Глухой речки (Шкиперского протока) устроили Галерный порт для гребной флотилии. От порта и пошло название селения Галерное.

переписчик, даже и сам Г.И.Спасский потратил бы не один год, чтобы с такой легкостью (не выводя, а именно мазками, будто кистью) написать данные иероглифы, соблюсти соразмерность и форму (к тому же стоит учесть, что они полные (устаревшие), а это усложняет написание).

Третий, — П. Е. Скачков указывает на отсутствие документов с данными названиями [4, с. 401-406]. На это можно возразить тем, что ему, возможно, попали в руки «копии-сборники» с другими названиями, а самому ему ничего не было известно об архивных материалах.

И, наконец, последний аргумент. Изучив документ «Из необработанных материалов П. И. Каменского» (из архива Санкт-Петербурга, в котором имеется его подлинный почерк [5]), можно утверждать, что сравниваемые почерка совпадают на 90%. Имеются, конечно, отклонения, но они не меняют общей картины. Словом, «Селение Галерное...» и «Выписка из различных журналов... о Китае» написаны, вероятнее всег, о П. И. Каменским. Это наше убеждение базируется на выдержке документа «Из необработанных материалов П. Каменского». «Я, — пишет он, — переводил премногие занимательные места...думаю, что и мои ремарки кое-что откроют...е» [5, л. 2].

Наряду с вышеуказанным, в архиве имеются и другие документы, связанные с именем П. И. Каменского (копии писем, биография). Правда, написаны они другими почерками и имеют четкую структуру. К тому же в них отсутствует информация, записи на других языках (кроме русского). В этой связи, вполне логично предположить, что Г. И. Спасскому, как собирателю древностей и другой полезной информации, было бы вовсе небезынтересно иметь в своей библиотеке подлинники писем, других бумаг, вышедших из-под руки выдающихся людей. Похоже, имеющиеся в фонде П. И. Каменского бумаги или касающиеся его, переписаны кем-то другим. Этим, видимо, и обусловлено наличие в данном фонде бумаг, написанных как самим П. И. Каменским, так и переписанных кем-то другим. Все это дает основания оценить содержимое фонда («всякого рода заметки и мелкие переводы») словами самого же П. И. Каменского: «В нем сосредоточен всякий мелкий перечень для любопытных» [6, с. 341]. Кстати, согласно утверждениям исследователей, эти слова являются наилучшим заголовком для большинства работ П. И. Каменского, ибо в них нет ни

Библиографический список

1. Дацьшен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. — М., 2007.
2. Дацьшен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. — Красноярск, 2000.
3. АААКК Ф. 805 (Спасский). Оп. 1. Д. 98. Выписка из различных журналов, произведений и т. д. о Китае.
4. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. — М., 1977.
5. АВ ИНА РАН Ф. 24 Оп. 1 Д. 15. Библиотека Азиатского департамента. Фонд востоковедов. Из необработанных материалов П. Каменского.
6. Русская старина. Кн. II, IV. 1896.

A. B. CHEGODAEV

THE P. I. KAMENSKIY'S DOCUMENTS (ARHIMANDRIT PETR), KEEPING IN THE G. I. SPASSKIY' FUND IN ARCHIVE AGENCY OF KRASNOYARSK REGION

The article is dedicated to the Pavel Ivanovich Kamenskiy (1765-1845) documents, keeping in the G. I. Spasskiy fund in Archive agency of Krasnoyarsk region. There are discription of the documents, explanation

стройности, ни какой-либо конкретной темы: все его работы весьма разносторонни, а материал в них — весьма разнообразный.

Говоря о переводах П. И. Каменского, которые часто встречаются в названных выше документах, чаще всего — на маньчжурском языке. Это связано с тем, что последний, будучи официальным государственным языком Цинской империи, был главным языком дипломатических отношений. С другой стороны, маньчжурский язык был главным и признакомстве с китайской культурой. Исходя из этого, можно заключить, что П. И. Каменский был в первую очередь миссионером-дипломатом. Порукой тому — примеры из документов — «хлопоты» о распространении христианства в Китае и др.

Основным предметом исследования П. И. Каменского, как и всех первых китаеведов, являлся язык, а затем — основные литературные и философские произведения, лежавшие в основе китайской культуры. Анализируя отобранные им для перевода памятники, характеризуют его немалую осведомленность в области китайской культуры. С другой стороны, нельзя не видеть и стремление П. И. Каменского синтезировать переводимый материал, осуществить аналитический анализ текстов. Доказательство тому — пометки и замечания, сопровождающие все его переводы.

Основные проблемы, которые выделил П. И. Каменский, как и его последователи — миссионеры — это быт и социально-экономическое положение страны, во многом продиктованные дипломатическими целями. В связи с этим, нельзя не отметить и «географию» трудов П. И. Каменского. Перечень привезенных им из Китая книг и переводов столь обширен, что по сей день трудно точно сказать, сколько архивов хранит их.

В силу этого и других причин «документы» П. И. Каменского слабо изучены, а потому они еще не введены в должный научный оборот. Многие из них еще надо разыскать и научно обработать. Актуальность поиска и изучения «документов» П. И. Каменского заключена еще и в том, что документы, хранящиеся в архивах, с каждым годом «стареют» все больше и больше: почерк на листах XVIII-XIX вв. читается все труднее и труднее. Поэтому необходимость поиска и разбора «документов» П. И. Каменского как никогда высока на сегодняшний день.

Сибирский федеральный университет
Получено 16.11.08.

of main elements of the contents, conclusions about P. I. Kamenskiy works in general. Here are emphasizing authenticity of documents, and explanation of how possibly documents could get in G. I. Spasskiy fund, as well. The problems about this sphere are the search and the research funds of Russian sinologists by modern historians.

Spiritual mission, galerny settlement, draft notes, Chinese culture, Macao incident, diplomacy

УДК 902

Е. М. Чедурова

СИБИРСКИЙ ПРОМЫШЛЕННИК-КООПЕРАТОР АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БАЛАКШИН

В статье показана деятельность лидера сибирского предпринимательства и организованной им Организации по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири, которая содействовала широкому распространению кооперативного движения и придания ему законных форм развития.

**Кооперативное движение, кооперативные маслодельные товарищества,
крахмально-паточный завод, патока**

Использование отчетов инспекторов Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства Сокульского, томского губернского агронома Бажаева, а также материалы обследования тобольского агронома Скаловубова, во многом раскрыло картину зарождения промышленного маслоделия, корни которого уходили в хозяйственный переворот в крестьянском земледелии и скотоводстве, в развитие меновых отношений и новое техническое оснащение сельскохозяйственного производства. В этом плане весьма характерны успешность кооперативного движения, как свидетельствует его история, на что всегда обращают внимание его исследователи, тесно связана с активностью и особым характером его деятелей. В отношении маслодельческой кооперации Сибири историк Н. А. Макаров выделяет деятельность, с одной стороны, правительственный инструкторов и агрономов, а с другой — созданную одним из лидеров сибирского предпринимательства А. Балакшиным Организацию по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири (1902–1907 гг.), которая содействовала широкому распространению кооперативного движения и придания ему законных форм развития.

Крупнейший сибирский промышленник — кооператор Александр Николаевич Балакшин родился 9 ноября 1844 г. в г. Ялуторовске Тобольской губернии. Сын сибирского купца, выпускник декабристской школы: его отец Николай Яковлевич дал сыну домашнее образование по учебникам, составленных декабристами: И.Д. Якушкиным, И.И. Пущиным и Е.П. Оболенским, находившимися в ссылке в г. Ялуторовске. Ссыльные декабристы оказали значительное влияние на жизнь семьи Балакшиных, в формировании культа знаний.

А. Балакшин продолжил обучение в Тобольской мужской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В 1860 г. поступил в Казанский университет на «естественный разряд», был слушателем лекций прогрессивного историка А. П. Щапова. Но за участие в 1861 г. за участие в студенческих кружках он был исключен из университета и сослан в Ялуторовск под надзор полиции [1, с. 9]. После ссылки он поступил в Военно-медицинскую

академию, но уже через год по семейным обстоятельствам оставил ее, вернулся в Ялуторовск и занялся земледелием в Ишимском уезде. Вместе с друзьями образовал земледельческую коммуну, которая вскоре распалась. Затем служил у частных предпринимателей.

В 70-е гг. XIX в. А. Балакшин основался в д. Луговушка Введенской волости Курганского уезда. В 1876 г. совместно с А. Ванюковым построил крахмально-паточный завод. Здесь же ими было устроено опытное поле для выращивания картофеля и первая Зауральская метеорологическая станция. Завод садил от 150 до 200 десятин картофеля. Для хранения семенного картофеля имелись при заводе три земляных подвала длиною до 20 сажень, шириной в три сажени и глубиною до 2 аршин. Для выращивания на опытном поле выписывались следующие сорта картофеля: Алкоголь, Красный Луковичный, Насенгрундский, Роза Эльденась, Магнум Бонум и др. [2, с. 35]. В Курганском округе только один завод Балакшина и Ванюкова приготовлял картофельный крахмал для продажи.

В Курганском округе в 60-х гг. было выстроено 11 паточных заводов, в 70-е г. открыто еще 5 заводов. Так, в 1874 г. число заводов увеличилось до 27, на которых выварили 196 тыс. пуд. патоки. В эти же годы стали открываться мелкие пряничные заведения, которые и были главными потребителями патоки [2, с. 24].

С 1895 г. А. Н. Балакшин организует и возглавляет Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства, способствовавший поднятию культурного земледелия и скотоводства в регионе. Занимаясь их изучением, А. Н. Балакшин регулярно информирует российских министров, в частности С. Ю. Витте, о состоянии земледелия и маслоделия в Сибири, о путях преобразования края. В своей деятельности он следовал декабристской программе всестороннего подъема Сибири через укрепление материального благосостояния народа. Для развития промышленности региона он считал необходимым знакомить русское общество и сибиряков с огромными богатствами края, привлекать капиталы российских и сибирских купцов для их разработки.

В своих прошениях он неизменно выдвигал идею создания центрального учреждения для организации новых и помощи существующим крестьянским артелям Тобольской губернии.

В 1901 г. в Кургане собрался первый съезд маслоделов Зауралья, по предложению курганского предпринимателя А. Н. Балакшина на нем была создана Организация по устройству маслодельных товариществ. Предложения, выдвинутые им, были обсуждены в январе 1902 г. Особым совещанием (по вопросу о мерах содействия производству и сбыту сибирского масла), созданном при Министерстве финансов. Министерство признало «желательным» создание организации «для устройства и для руководства по операциям кооперативных маслодельных артелей» с предоставлением на указанную цель в распоряжение Министерства земледелия и государственных имуществ кредита в размере 7 тыс. руб. ежегодно. Контроль за расходованием кредита, по его предложению, должно было осуществлять «лицо от министерства». Вместе с тем совещание признало необходимым распространить на Западную Сибирь действие мелиоративного кредита для «воспособления» маслодельным артелям в деле устройства и оборудования маслоделен [3, л. 3]. Предложения Особого совещания нашли поддержку у департамента земледелия. 11 мая 1902 г. он уведомил всех о том, что министр земледелия и государственных имуществ утвердил программу деятельности организации для устройства в Западной Сибири маслодельных товариществ.

Круг «действий» новоучрежденной организации состоял в следующем: проявлять инициативу в деле учреждения товариществ; устраивать счетоводства в товариществах, разъяснять порядок ведения операций и давать советы при возникновении каких-либо затруднений; руководить постройкой заводов; сообщать сведения относительно мест приобретения инвентаря; быть посредником между товариществами и фирмами, торгующими принадлежностями маслоделия; указывать те или иные технические усовершенствования; рекомендовать мастеров; посредничать между товариществами и торговыми фирмами в случае возникновения недоразумений; содействовать товариществам в получении кредита в государственных и частных кредитных учреждениях и у отдельных лиц; ходатайствовать о «нуждах» отдельных товариществ; доставлять правительенным учреждениям всякого рода справки; собирая и сосредотачивать сведения о ценах, запасах товара, фирмах, скучающих масло или торгующих принадлежностями молочного хозяйства.

Руководствуясь предписанием, организация открывает в 1902 г. молочные лаборатории, которые были оснащены специальными приборами и имели возможность проводить анализы и контролировать качество молока и масла на заводах. В этом же году департамент земледелия выделил на строительство школы молочного хозяйства 100 тыс. руб. и обязался ежегодно выделять по 10 тыс. руб. на ее содержание. В этой школе должны были учиться на «мастера-

ров-маслоделов и техников по маслоделию». Курганный отдел императорского Московского общества сельского хозяйства во главе с А. Н. Балакшиным активно включился в реализацию правительственной программы: он устраивал ежегодно конкурсы маслоделов с выдачей премий мастерам за лучшие сорта масла, что благоприятным образом сказывалось на улучшении техники маслоделия [4, с. 3].

Организация по устройству маслодельных кооперативных товариществ занималась не только составлением проектов типовых маслозаводов, снабжением маслоделов инвентарем и оборудованием, постановке правильной отчетности, а также всячески способствовала организации сбыта масла. За 5 лет (1902–1907 гг.) своей деятельности она при штате в 5 человек способствовала открытию в 1903 г. — 34 кооперативных маслодельных заводов, в 1904 г. — 71, в 1905 г. — 118, в 1906 г. — 178 (12 заводов были приобретены у частных предпринимателей), а уже в 1907 г. действовало 263 артели, охвативших 52 тыс. крестьянских хозяйств. На этих заводах производилось масла на 5 млн. руб. в год. О своих успехах и достижениях кооператоров организация регулярно писала в своей газете «Известия» [5, с. 35].

Стремление сибирских маслозаводчиков объединиться в товарищества для совместной покупки необходимых им принадлежностей и для непосредственного сбыта масла всегда было присуще сибирским сельским хозяевам. Первое товарищество такого рода было образовано в Кургане еще в 1901 г. В марте 1907 г. в Барнауле возник Союз маслоделов Алтайского округа, летом этого же года образовано Товарищество Каинских маслоделов на станции Чаны.

Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ стремилась ознакомиться практически с ходом торговли материалов и принадлежностей молочного хозяйства, необходимых в маслодельной промышленности, а также и непосредственным экспортом масла прямым покупателям, как на внутри страны, так и за границей.

Результатом этих стремлений было не только ознакомление с делом, но явилась возможность связать непосредственные отношения с прямыми покупателями.

Летом 1907 г. Организацией был выработан Устав Союза Сибирских Маслодельных артелей, согласно нормального Устава для сельскохозяйственных товариществ. На базе этой организации в ноябре 1907 г. А. Н. Балакшин вместе с сыном Андреем и А. И. Грудзинским, организовал крупнейшую кооперативную организацию — Союз Сибирских маслодельных артелей. Главной задачей Союза являлось устранение посредничества в торговле маслом и выход на зарубежные рынки. За 1907–1917 гг. число маслодельных артелей возросло с 12 до 1410. В 1907 г. начав с оборотного капитала в размере 21 тыс. руб. к 1917 г. оборот Союза составлял свыше 160 млн. руб. [6, с. 15; 21].

А. Н. Балакшин умер в 1921 г. в Лондоне и похоронен на Хайгетском кладбище.

Библиографический список

1. Балакшин А. С. Сергей Александрович Балакшин. М., 1990.
2. Балакшин А. Н. Наблюдения и опыты над культурой в хозяйстве Балакшина и Ванюкова в Курганском округе Тобольской губернии 1877–1886 гг. Екатеринбург, 1887.

3. Государственный архив Омской области (ГАОО). — Ф. 119. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 3.;
4. Обзор деятельности Курганского отдела московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897–1910). — Курган, 1911.
5. Балакшин А. Н. Отчет главному управлению землеустройства и земледелия заведующим организацией по

устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири А. Н. Балакшина за 1907 г. — СПб., 1908.

6. Чайковский Н. В. Союз Сибирских маслодельных артелей. — Пг., 1914.

Горно-Алтайский государственный университет

Получено 6.11.08

E. M. CHEDUROVA

THE SIBERIAN MANUFACTURER — CO-OPERATOR A.N.BALAKSHIN

In given clause the activity of the leader of the Siberian biznes and Organization, organized by him on the device co-operative creamery of companies in Western Siberian is shown which promoted a wide circulation of co-operative movement and giving to him of the lawful forms of development.

Co-operative movement, co-operative creamery of company, starched and treacle factory, treacle

УДК 902

A. B. Эбель

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОШ-АГАЧСКОГО РАЙОНА

В статье приводятся данные об археологических объектах урочища Яланшагаш, Кош-Агачского района Республики Алтай.

Оградка, курган, объект, каменная насыпь, балбал

Урочище Яланшагаш находится на верхней террасе левого берега устья реки Елангаш (рис 1). Летом 2007 года в ходе летней полевой практики группой студентов исторического факультета ГАГУ было зафиксировано (с помощью GPS приемника Etrex) и описано шесть групп, содержащих 60 археологических объектов. Памятник уже был обследован в начале 90-х годов В. А. Кочеевым, а Яланшагаш I даже паспортизирован [1].

Яланшагаш I (рис 2). Координаты 50,01601 с. ш., 88,49073 в. д. Расположен на левом берегу р. Чуя. Дорога Кош-Агач — Бельтир пересекает памятник с северо-востока на юго-запад.

Объект 1, курган, окружной формы, диаметр 9 метров, высота насыпи 0,3 метра. Состоит из рваного камня, галечника и валунов. Южная сторона насыпи сильно разрушена.

Объект 2, курган, расположен в 50 метрах южнее О 1 (объекта 1). Окружной формы диаметром 10 и высотой насыпи 0,5 метров. Северная часть насыпи разрушена. Состоит из рваных камней и валунов, центр заполнен крупным галечником.

Объект 3, курган, располагается в 30 метрах к СС-В от О 2. Имеет окружную форму, диаметром 6 метров, высота насыпи 0,5 метра. В центре западина, диаметром 3 и глубиной 1 метр. Состоит из рваных камней, валунов и мелкого галечника.

Объект 4, располагается в 35 метрах к западу от О 3. Окружной формы, диаметром 3 метра. Состоит из мелкого рваного камня и гальки.

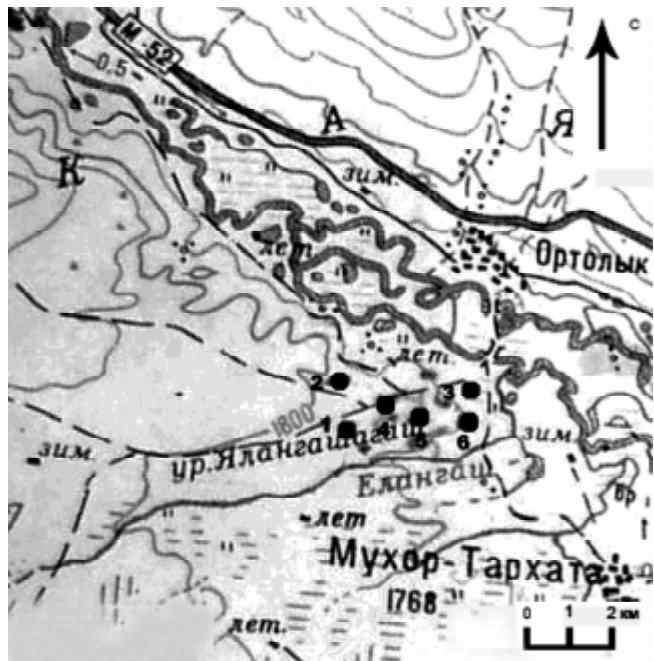

Рисунок 1. Схема расположения групп объектов.

- 1 — Яланшагаш I, 2 — Яланшагаш II,
- 3 — Яланшагаш III, 4 — Яланшагаш IV,
- 5 — Яланшагаш V, 6 — Яланшагаш VI

Объект 5, расположен в 50 метрах западнее О 3. Округлой формы, диаметром 3,5 метра.

Объект 6, расположен в 70 метрах к ЮЮ-В от О 1 в 70 метрах. Имеет окружную форму диаметром 2 метра. Центр заполнен крупным рваным камнем.

Объекты 7, 8, 9 расположены в 30 метрах восточнее О 1. Округлой формы диаметром 2 метра. Сильно разрушены. С востока объекта 9 находится стела высотой 0,4 метра.

Объект 10, координаты 50,01797 с. ш. и 88,47885 в. д. Округлой формы диаметром 6 и высотой насыпи 0,1 метра. Состоит из гальки, рваного камня. В центре имеется стела высотой 1 метра.

Объект 11, координаты 50,01785 с. ш. и 88,48121 в. д. Прямоугольной формы размерами 3 x 4 метра, высота 0,3 метра. Состоит из рваного камня и крупного галечника. С восточной стороны находится балбал высотой 0,6 метра.

Объект 12, расположен в 1,8 метров севернее О 11. Подквадратной формы 4 x 4 метра, высота 0,2 метра. Сложен из рваных камней и крупного галечника, сильно задернован.

Объект 13, координаты 50,01773 с. ш. и 88, 49025 в. д. Подквадратной формы 3 x 3 метра, высота 0,5 метра. Выложен рваным камнем и плитами.

Объект 14, курган, располагается в 50 метрах к СС-В от О 13. Округлой формы диаметром 12 метров, высота насыпи 0,5 метра. В центре западина окружной формы диаметром 6 метров и глубиной 0,1 метра. Насыпь состоит из рваного камня, валунов, гальки и песка.

Объект 15, располагается западнее О 14. Окружной формы диаметром 4 метра и высотой насыпи 0,2 метра. Состоит из валунов, рваного камня, гальки и песка.

Объект 16, оградка, располагается в 70 метрах западнее О 15. Подквадратной формы, 3 x 3 метра. Выложена рваным камнем, заполнена мелкими валунами. С восточной стороны оградки находятся два балбала. Первый располагается на расстоянии 0,8 метра от оградки, высотой 0,15 метра и второй в 3 метрах, высотой 0,1 метра.

Объект 17, располагается в 60 метрах к юго-востоку от О 16. Окружной формы диаметром 3,5 метра и высотой насыпи 0,15 метра. Выложен рваным камнем, сильно задернован.

Объект 18, располагается в 40 метрах юго-восточнее О 17. Окружной формы каменная выкладка диаметром 4 метра, высотой 0,2 метра. Состоит из валунов и рваного камня, сильно задернована.

Объект 19, оградка, расположена в 150 метрах к ЮЮ-В О 18. Подквадратной формы 4 x 4 метра, высота 0,35 метра. Состоит из валунов и рваного камня, сильно задернована.

Ялангашагаш II (рис 3). Координаты 50,01204 с. ш. и 88, 48891 в. д. Расположен в 5 км. южнее с. Ортолык и в 800 мет-

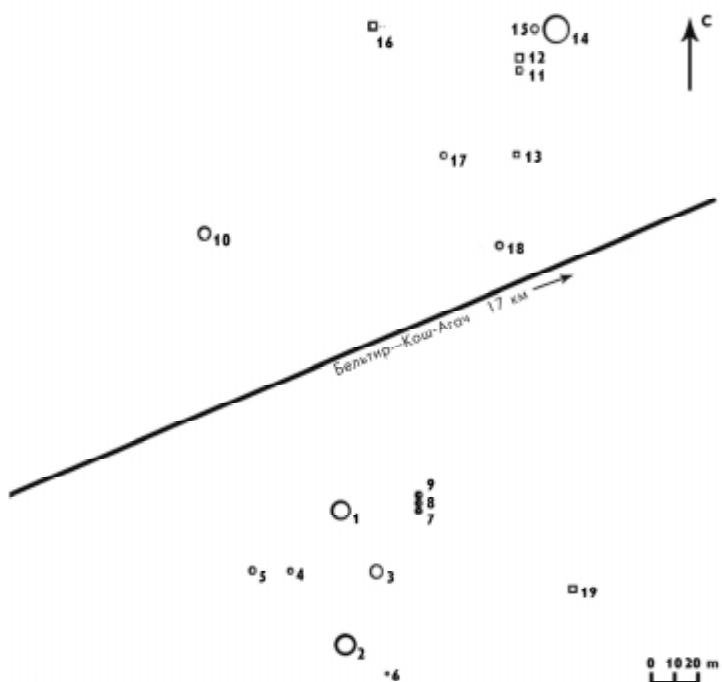

Рисунок 2. Схема расположения объектов Ялангашагаш I

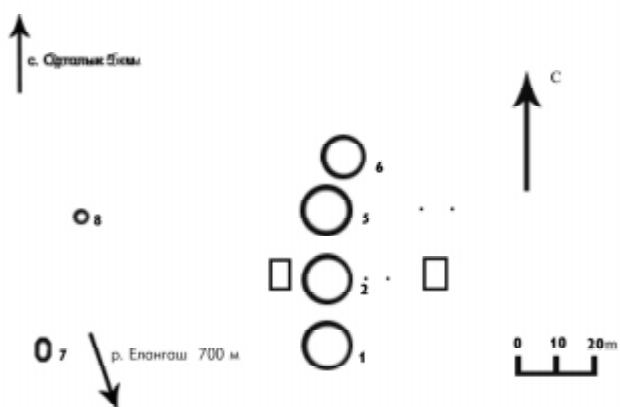

Рисунок 3. Схема расположения объектов Ялангашагаш II

рах к северу от Ялангашагаш I, на верхней террасе левого берега р. Елангаш, в 700-х метрах на юго-восток от уреза воды.

Объект 1, курган окружной формы, диаметром 12,5 метров, высота курганной насыпи 0,6 метра. В центре западина окружной формы, диаметром 6 метров. Состоит из валунов, гальки и рваного камня.

Объект 2, курган, располагается в 2 метрах к северу от О 1. Имеет окружную форму диаметром 12,5 метров и высотой насыпи 0,6 метра. В центре западина окружной формы диаметром 5 метров, глубиной 0,2 метра. Состоит из гальки и валунов. К востоку от кургана находятся два балбала. Первый высотой 0,15 метра и шириной 0,35 метра, располагается на расстоянии 3 метров от кургана, и второй в 8 метрах от кургана, высотой 1 метр и шириной 0,15 метра.

Объекты 3 и 4 примыкают к объекту 2 с востока и запада соответственно. Прямоугольной формы 2 x 1,5 метра, высотой 0,15 метра. Состоят из гальки и жердей.

Объект 5, курган, расположен в 3 метрах севернее О 2. Округлой формы, диаметром 13 метров, высота восточной части 1 метр — западной 0,7 метра. Состоит из валунов, галечника и рваных камней. В центре насыпи западина округлой формы диаметром 5 метров и глубиной 0,8 метра. На востоке от кургана стоят два балбала, первый находится от кургана на расстоянии 15 метров.

Объект 6, курган, располагается в 2 метрах к СС-В от О 5. Округлой формы диаметром 11 метров, высота насыпи 0,7 метра. Западная часть насыпи разрушена. Сложен из крупных и средних валунов, рваных камней, мелкого и среднего галечника, частично задернован.

Объект 7, курган, располагается в 60 метрах западнее О 1. Имеет овальную форму, длинной осью ориентирован по линии С-Ю, размеры 6 x 4 метра, высота насыпи 0,6 метра. Состоит из галечника.

Объект 8, курган, располагается в 30 метрах к СС-В от О 7. Имеет окружную форму диаметром 4 метра и высотой насыпи 0,2 метра. Сильно разрушен. Состоит из рваного камня и гальки.

Ялангашагаш III (рис 4). Координаты 50,01567 с. ш. 88,49229 в. д. Располагается на высокой террасе в устье р. Елангаш, в 800-х метрах от впадения в реку Чую. Состоит из трёх курганов и одной оградки.

Объект 1, курган, имеющий насыпь окружной формы. Состоит из крупного галечника. Диаметр 19 метров, высота насыпи 1,7 метра. В центре западина окружной формы диаметром 7 метров и глубиной 1 метр, сильно задернована. В южной и северной частях насыпи обнаружены западины окружной формы, диаметром 1,5 метра, глубиной 0,5 метра, с разрушенными деревянными конструкциями.

Объект 2, курган, располагается в 6 метрах севернее О 1. Окружной формы, диаметром 14 метров, высота курганной насыпи 1,3 метра. Состоит из крупного галечника, мелкого рваного камня. В центре западина, диаметром 6 метров, глубиной 0,8 метров, заполнена песком и фрагментами дерева. В СС-В части кургана имеется западина 2 x 1,5 метра, глубина 0,4 метра.

Объект 3, курган, располагается севернее О 2 в 2 метрах. Крепида, сложенная из больших валунов, имеет окружную форму, диаметр 18 метров, высота насыпи 1,5 метра. В центре западина диаметром 6 метров, глубиной 0,6 метров, сильно задернована, присыпана мелким рваным камнем. С СС-З стороны насыпь кургана разрушена. В восточной части насыпи кургана находится окружная западина диаметром 1,5 метра, глубиной 0,2 метра, заполнена крупной галькой и фрагментами жердей.

Объект 4, оградка, расположена к ЮЮ-В от О 1 в 22 метрах. Прямоугольной формы, 3 x 3,5 метра. Сложена из вертикально стоящих плит, сильно задернована.

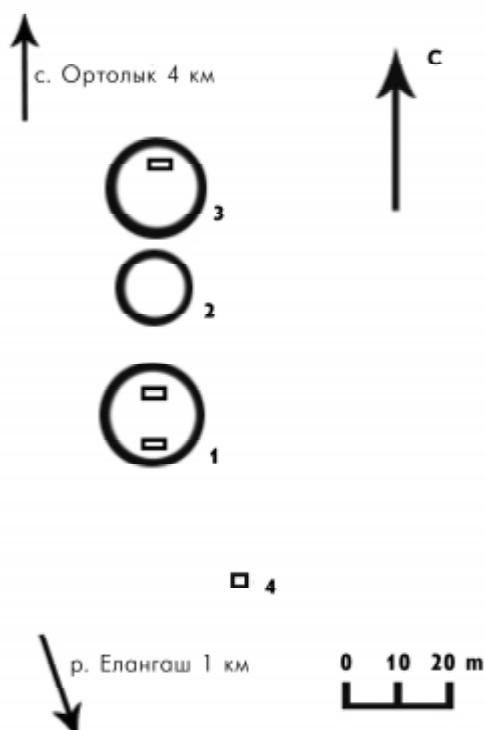

Рисунок 4. Схема расположения объектов Ялангашагаш III

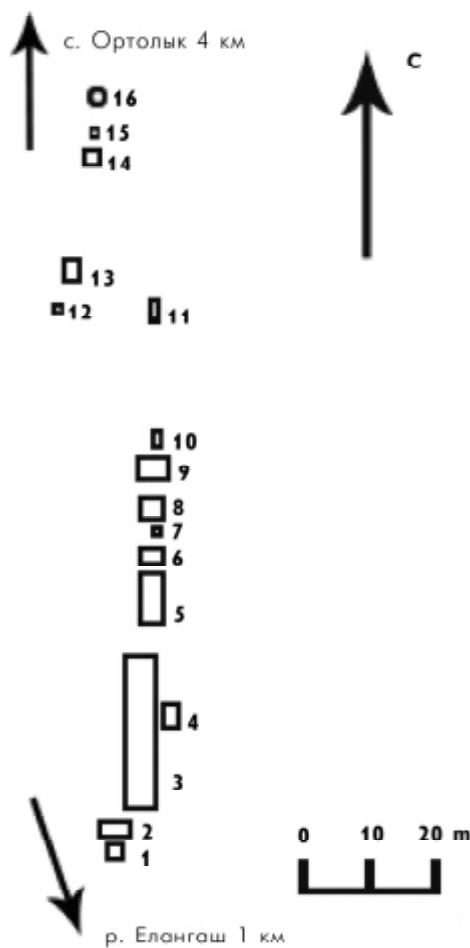

Рисунок 5. Схема расположения объектов Ялангашагаш IV

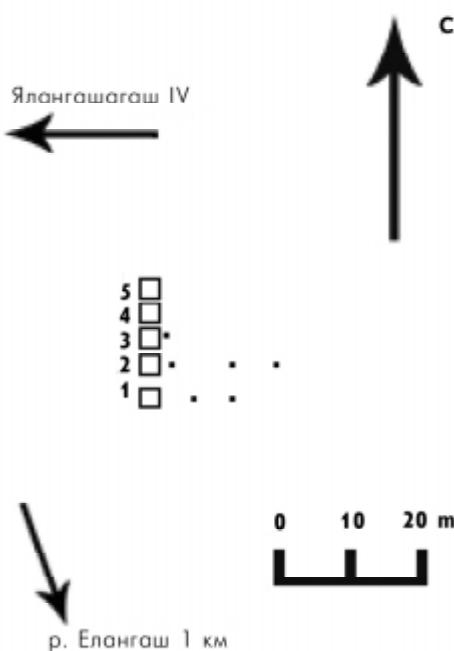

Рисунок 6. Схема расположения объектов
Ялангашагаш V

Ялангашагаш IV (рис 5). Координаты 50,01567 с. ш. и 88,49229 в. д. Расположен в 4 км к югу от с. Ортолык, в 1 км на северо-запад от реки Елангаш, состоит из 16 объектов.

Объект 1, оградка подквадратной формы 3 x 3 метра, высота 0,3 метра. Состоит из гальки, валунов, рваного камня, частично задернована.

Объект 2, оградка, примыкает с севера к О 1. Прямоугольной формы, 5 x 3 метра, высота 0,3 метра. Состоит из валунов средних размеров, мелкой гальки и крупных рваных камней, частично разрушена.

Объект 3, расположен в 2-х метрах к СС-В от О 2. Прямоугольной формы, размеры 22 x 5 метров, средняя высота 0,2 метра. Состоит из валунов, гальки, рваного камня.

Объект 4, оградка, примыкает с востока к О 3. Прямоугольной формы, 3 x 4 метра, высота насыпи 0,1 метра. Состоит из средних валунов, рваного камня.

Объект 5, в 5 метрах к СС-В от О 3. Имеет прямоугольную форму, 8 x 4 метра, высота 0,3 метра. Состоит из средних валунов, крупного рваного камня, галечника.

Объект 6, оградка, 1 метр севернее О 5. Прямоугольной формы, 3 x 4 метра, высота 0,1 метра. Состоит из гальки и мелкого рваного камня, сильно разрушена.

Объект 7, оградка на 1,5 метра севернее О 6. Имеет подквадратную форму, 2 x 2 метра, высота 0,25. Частично разрушена с восточной стороны. Состоит из гальки, мелкого рваного камня.

Объект 8, оградка, примыкает с севера к О 7. Размеры 4 x 4 метра, высота 0,4 метра. Состоит из гальки и мелкого рваного камня.

Объект 9, в 3 метрах севернее О 6. Прямоугольной формы 5 x 4 метра, высота 0,2 метра.

Состоит из гальки, мелкого и крупного рваного камня, сильно разрушен.

Объект 10, расположен севернее О 7 на 2 метра. Прямоугольной формы, 2 x 3 метра, высота заполнения 0,1 метра. Состоит из гальки, рваного камня, сильно разрушен.

Объект 11, оградка, расположена северней О 8 на 14 метров. Прямоугольная 4 x 2 метра, высота насыпи 0,15 метра. Сложена из валунов, рваного камня, гальки, частично задернована, частично разрушена.

Объект 12, расположен к западу от О 9 в 10 метрах. Подквадратной формы размерами 2 x 2 метра и высотой 0,1 метра. Сложен из гальки, мелкого рваного камня, частично задернован.

Объект 13, оградка, находится в 4 метрах к СС-В от О 10. Имеет прямоугольную форму 3 x 4 метра, высота 0,25 метра. Состоит из рваного камня, гальки, крупных валунов.

Объект 14, оградка, расположена к СС-В от О 11 в 12 метрах, подквадратной формы 3 x 3 метра, высота заполнения 0,3 метра, состоит из гальки, валунов, мелкого и крупного рваного камня, сильно задернована, частично разрушена.

Объект 15, оградка, располагается в 1,5 метрах севернее О 12. Имеет прямоугольную форму 1,5x2 метра с высотой насыпи 0,15 метра, состоящей из гальки, рваного камня, сильно задернована и частично разрушена.

Объект 16, окружной формы диаметр 3 метра высотой 0,3 метра. Находится в 4 метрах северней О 13. Насыпь из рваного камня, гальки, частично разрушена.

Ялангашагаш V (рис 6). Координаты 50,01567 с. ш. и 88,49229 в. д. Расположен в 16 метрах восточнее Ялангашагаша IV, на верхней террасе реки Елангаш в 1 км северо-западнее уреза воды. Состоит из пяти оградок ориентированных по линии Ю-С, и шести балбала.

Объект 1, оградка, имеет подквадратную форму 3x3 метра, высота 0,2 метра. Сложена из гальки и рваного камня. На восток от оградки стоят два балбала, первый расположен на расстоянии 5 метрах от оградки, высотой 0,2 метра, второй в 10 метрах, высотой 0,15 метра.

Объект 2, оградка, расположена 0,5 метра севернее О 1. Подквадратной формы 3 x 3 метра, высота заполнения 0,2 метра. Состав галька, рванный камень. На восток от оградки тянется цепочка из трёх балбала. Первый расположен от оградки в 1,5 метра, высота 0,1 метра, второй в 10 метрах, высота 0,1 метр, третий в 17 метрах, высота 0,1 метра.

Объект 3, оградка, находится к северу от О 2 в 1 метре. Размеры 3 x 3 метра, высота заполнения 0,2 метра, состоит из гальки. На расстоянии 0,3 метра от восточной стенки оградки располагается балбал высотой 0,8 метра.

Объект 4, оградка, располагается в 0,5 метра к северу от О 3. Подквадратной формы, размером 3 x 3 метра, высота заполнения 0,2 метра.

Объект 5, оградка, располагается в 0,5 метра к северу от О 4. Имеет подквадратную форму, 3 x 3 метра, высота 0,2 метра, частично задернована.

Ялангашагаш VI (рис. 7). Координаты 50,01567 с. ш. и 88,49229 в. д. Расположен в 15 метрах к востоку от Ялангашагаша V, на верхней террасе реки Елангаш в 1 км от уреза воды. Состоит из трёх этнографических погребений.

Объект 1, погребение, имеет прямоугольную форму 3 х 4 метра, высота 0,2 метра. Состоит из жердей, гальки, рваного камня.

Объект 2, погребение, располагается в 1,5 метрах к северу от О 1. Имеет прямоугольную форму 2 х 1 метр, высота 0,15 метра. Состоит из жердей, мелкого рваного камня.

Объект 3, погребение, располагается в 2 метрах к СС-З от О 2. Имеет прямоугольную форму 2 х 1 метр, высота 0,15 метра. Состоит из жердей, гальки и мелкого рваного камня.

Из описанных памятников урочища Ялангашагаш 28 объектов являются древнетюркскими поминальными оградками (Е-I О 7, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 19; Е-III О 4; Е-IV О 1-15; Е-V О 1-5), 15 объектов принадлежат скифской эпохе и являются погребальными сооружениями пазырыкского типа (Е-I О 1-3, 14; Е-II О 1-8; Е-III О 1-3), 5 объектов можно отнести к теленгитским погребениям (Е-II О 3, 4; Е-VI О 1-3) [2, с. 32], кроме этих пяти отдельных погребений этнографического времени, зафиксировано еще четыре впускных по одному в Е-III О 1, 3 и 2 в О 2. Из оставшихся 12 объектов большая часть относится к так называемым скифским поминальным кольцам и лишь пять вызывают некоторые сомнения.

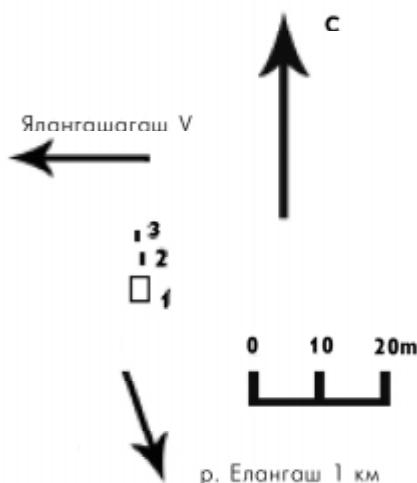

Рисунок 7. Схема расположения объектов Ялангашагаш VI

Это Е-I О 10, 15, 17, 18 и Е-IV О 16. Объекты объединяют как форма и размеры насыпи (диаметром 6-4 метра высотой не более 10-15 см) так и состав насыпи (крепида сложена из рваного камня, насыпь из галечника и щебня). По внешним признакам их можно отнести к раннескифским погребениям майэмирской (?)[3, с. 90] культуры.

Библиографический список

- Паспорта памятников археологии Кош-Агачского района, архив АКИН
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождения алтайцев, Ленинград, 1969. 196 с.
- Молодин В.И. Могильник Бертек 27 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок), Новосибирск, 1994. С. 88-94.

Горно-Алтайский государственный университет
07.10.08

A. V. EBEL

FOR ARCHEOLOGIC CARD THE KOSH-AGACH OF DISTRICT

In article brining the data about archeologic objects of natural boundary Ialangashagash the Kosh- Agach of district of Republic Altai.

The fenke, a barrow, object, glone embankment, balbal

УДК 902

О. М. Ганболд

Традиции обрядов по охране природы у ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов)*

*Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и МинОКН Монголии (Проект 08-01-920600 г/G, «Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая»).

Статья посвящена изучению традиций поклонения природе ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов, т. е. населения Саяно-Алтая и Западной Монголии).

Саяно-Алтай, Западная Монголия, верования, обряды, традиции, почитание Неба, Солнца, Луны.

В нашей отечественной исторической науке до сих пор имеется немало вопросов, требующих своего оперативного и притом, объективного изучения. Одним из них, по нашему мнению, был и остается вопрос изучения народных традиций, касающихся охраны природы, в частности, у ойратов-монголов. Эта проблема, по мнению многих исследователей, нова и должна занять в исторической науке нынешней Монголии, в связи с широким изучением культуры и этнографии ойратских монголов достойное место. В этой связи, выявление традиционных обычаяев, связанных с охраной природы у микроэтногрупп, таких как, алтайские урянхайцы и захчины, и обобщение результатов их изучения, является собой, по нашему мнению, весьма актуальную проблему. Именно содействию ее решению и посвящена настоящая статья.

Итак, начнем рассмотрение интересующей нас проблемы с освещения народных обычаяев верований в Небо и Звезды.

Обычаях и верованиях многих народов этим вышеуказанным «объектам» во все времена уделялось немало внимания. Не были исключением из правил и жители Монголии, и в частности, ойраты-монголы. То, что они поклонялись Небу и имеющимся на нем светилам свидетельствует и то обстоятельство, что у них до настоящего времени просматриваются (причем, достаточно здраво) следы древних верований и обрядов, связанных с верованием в Небо как небесное божество. К примеру, они по сей день, в летнее и осенне время, когда громыхает гром и сверкает молния неизменно, можно сказать, в обязательном порядке совершают специальный обряд. Так, у алтайских урянхайцев до сих существует обычай выходить вместе с близкими из юрты (после грома и сверкания молнии) и говорить, обращаясь к Небу следующие слова:

Оорцогийн угтая
Урианхай х?м?н би
Харжигнасан дуугаараа
Хар азаргын минь дээр буух нуу чи
Хамаг биед минь буун уу чи
Х?ржигнэсэн дуугаараа
Х?рэн азаргын минь дээр буун уу чи
Х?дэр биед минь буун уу чи [1, с.4].

Наряду с этими, традиционными спасительными просьбами к Небу защитить и обезопасить их от «своего высокого гнева» и обещаниями постоянно молиться Ему и неуклонно выполнять обряды по умилостивлению Неба, ойраты выполняли и те, которые полагались в случае гибели человека от молнии. Так, представители урянхайского рода Чонод, приближаясь, к примеру, к телу человека, убитого молнией, кричали, выражая погившему сочувствие:

Үндүр гэвэл намайг ниргэ
Ургун гэвэл далайг ниргэ
Дэл?? идсэн бол дэлбэ ниргэ
Сархинааг идсэн бол салба ниргэ [2, с. 13-14].

Если же в ходе грозы гибли от удара молнии домашние животные, то захчины воспринимали это, как «высокую милость Неба», которое помиловало людей и взяло себе вместо них

животных. В этом случае спасшиеся совершили благодарственную молитву Небу. Такого рода обряды совершались только «людьми высшего рода», т. е. представителями «из Неба» или выходцами, принадлежавшими к «ханской белой кости». Кроме того, вышеупомянутые существовали и продолжают существовать обряды, будто бы успокаивающие Небо и обряды, олицетворяющие «поклонение людей Ему». В их числе есть весьма любопытные обряды, берущие начало из идеи о том, что «покорение Неба выступает в пользу своей жизни», а потому и выражается в «равноправном обращении к нему с просьбой о взаимной помощи». Если обобщенно рассмотреть эти обрядовые традиции, связанные у ойратов-монголов, с верованиями в Небо, то можно увидеть, что они содержат в себе следующие моменты: а) успокаивание Неба и б) познание Неба (наряду с верованием и стремлением быть взаимопонимаемым и взаимозависимым с Небом). Все это связано с убеждением и мировоззрением кочевников, живших и разводивших во все времена скот, благополучие которого всегда зависело природно-климатических факторов.

Как уже было отмечено выше, были ц ойратов верования, связанные со «Звездами, Солнцем и Луной. Одним из самых распространенных из них, был обычай отмечать какойнибудь праздник или начинать дело во время восхода Солнца. Утром (1-го числа Цагансара), с восходом Солнца люди начинали обряд с молитвы к Обону, проводы снохи в свадебном обряде, и обряды, связанные со скотоводством. Когда восходило Солнце, ойраты неизменно жертвовали Ему лучшую часть чая или молока. Вечером, когда Солнце заходило, и вот-вот должна была появиться Луна, люди совершали окуривание. Когда же имело место затмение Солнца или Луны ойраты неизменно говорили и говорят: «Солнце, Луна захватывается». При этом у них было распространено представление о том, что Солнце и Луна захватываются каким-то необыкновенным, чудовищным животным и «замучивается». Для того, чтобы спасти Солнце и Луну, люди совершали обряды: заставляли собаку с четырьмя глазами или маленького щенка лаять на Солнце и Луну, а также гремели металлической посудой, стреляли из ружья, заставляли плакать трехлетнего ребенка и т. д.

Широко был распространен у ойратов-монголов и обычай «Зажигания лампады» («Зул барих»). Он совершался, как правило, вечером (25 дня первого месяца зимы). После того, как скот согнан с пастбищ, то по количеству членов семьи, вида скота и количеству собак — готовились и зажигались лампады. К примеру, семья состояла из 5 человек, имела скота 4-х видов (овцы, лошади, верблюды, коровы) и две собаки, то она готовила и зажигала 11 лампад. В качестве фитиля для них ойраты выбирали «дерисуны», не касавшиеся рта скота.. Одну лампаду ставили, как правило, перед святынями в юрте.

Обычай зажигания лампады у разных этнических групп имел, между тем, одну цель, но в отношении их форм и обрядовых действий имелись, пусть незначительные, но различия.

Например, у алтайских урянхайцев, лампады зажигались тогда, когда все звезды на небе были видны. Лампады ставились, как правило, в юго — западной части юрты, вокруг них и над ними ставились ледяные колпаки.

Свообразен был этот обряд у захчинов, которые называли его «лампаду сжигаем». Делали лампады обычно из ячменевой муки и по количеству членов семьи (людей, скота, собак). В качестве фитиля использовали специально заготовленный ковыль, в лампаду заливали масло. Количество лампад соответствовало, как указывалось уже выше, численному составу семьи, видам скота и количеству собак. По количеству членов семьи делают фитили и зажигают их. Для получения «купола» лампады, воду наливали в специальнюю посуду и оставляли для замерзания. Так захчины получали «покрывало» для лампад.

Когда в небе появлялись все звезды, захчины ставили лампаду на «Обон» — святилище в юрте, после чего все находившиеся в юрте люди садились и пили чай. Когда сгорали лампады, их заносили в юрту и ставят перед святыней. Глубокой ночью они играли в национальную игру- «пеструю лягушку». Утром следующего дня люди ели «сожженную лампаду», делясь ею (ими) между собой. Следует отметить, что ячменовая мука, спекшись в огне лампады, всегда имела хороший вкус. В конце осени-начале зимы скотоводы готовили себе запасы на зиму. Для этого, они забивали скот и, по словам стариков, «смягчали» тем самым вышеописанный обычай.

Наряду с Небом, почитали захчины и Звезды. Из них они, как и все кочевники, предпочитали Большую Медведицу («Долоон Бурхан»), Кассиопею («Хун 5 лд»), Орион («Урийн цолмон») и др. С давних пор существует поверье, что если ты почитаешь «Долоон бурхан» (Большую Медведицу), то у тебя будет накопляться счастье и благополучие. В народе говорят, будто небесных семь богов спасают людей от разных угроз и бед. Особенно это относится к детям. Среди ойратов даже бытовала (и по сей день бытует) протяжная песня «Небесные семь богов» («Огторгуйн долоон бурхан»). Вечером, когда стемнеет, алтайские урянхайцы приоткрывают войлочную крышу юрты (с восточной стороны) и, увидев Большую Медведицу, совершают воскурение. Если ойрат уезжал на охоту, то он тоже старался задобрить Большую Медведицу. Так, выезжая на охоту, промысловик спешился недалеко от своей юрты и зажигал огонь. При этом он совершал молитву, говоря:

Алтан дэлхий минь ан хайрла
Буурал амтай бурхи хайрла
Саарал амтай тарчаасаа
Эр х?ний ганзага д??ртэхайрла.

Во время совершения этого обряда, охотник в обязательном порядке сидел на коленях и три раза совершал вышеуказанное заклинание [3, с. 331]. Кроме положенной молитвы, алтайские урянхайцы традиционно посвящали «сэтэр» — подарок, как правило, барана в честь Большой Медведицы.

Завершая разговор об обрядах почитания Солнца и Луны у ойратов, следует отметить, что они были характерны для всех кочевников Монголии и преследовали две основных задачи: а) обезопасить, защитить их от внешних воздействий и б) заручиться их поддержкой в жизни и в быту. Ярким тому примером служил своеобразный обряд «зажигания лампадки», совершаемый захчинами в первый месяц зимы. Из звезд же ойраты-монголы, как было уже сказано выше, особенно почитали Большую Медведицу. В том случае, если дела шли у хозяина не так успешно, как это ему хотелось, то он совершал вышеописанный древний обряд — «зажигания лампад», — надеясь тем самым исправить неудачно складывающуюся для него хозяйственную ситуацию. Совершал он для этого и специальные жертвоприношения.

Широко были распространены у ойратов и традиции почитания земли и ее охраны. Одним из них являлся обряд жертвоприношения «Обонам». Согласно мировоззренческим повериям ойратов-монголов, мироздание являло собой большой «Обон» (состоявший из 13 алтайских вечноснежных вершин) в четыре стороны от которого, разветвляясь, шли три маленьких «обона» (в итоге получалось 12 маленьких обонов — 4 x 3). Им кочевники и приносили жертвоприношениями. Такие «обоны» назывались «почитаемыми». Жертвоприношения им совершались, главным образом, весной и осенью.

Цель обряда жертвоприношения «Обонам» заключалась в том, чтобы летом шли обильные дожди, которые содействовали бы росту травы, а, благодаря ей, скот набирал бы силу и упитанность, а народ бы жил спокойно, без болезней и бедствий, преодолевая зимний и весенний периоды без потерь скота и т. д.. Одним словом, такие пожелания и испрашивал народа у хозяина Алтайских гор. Начинался этот обряд ежегодно, первого числа первого месяца весны. В этот день все члены семьи совершали жертвоприношение «обону». Этот обряд традиционно назывался «балинд мургух» (молитва «Балину» — предмету жертвоприношения, сделанного из муки), что равнозначно понятию «дээр мургух» (молиться высшим божествам). «Балин», посвященный обряду «Дээр мургух», одинаков по смыслу с обрядом жертвоприношения «Обонам» (как по организации, так и повоскурению 13 Алтайским вершинам, а также сжиганию грудины и пр.).

Соблюдая традицию, каждая семья захчинов строит свой «Обон», совершая воскурение ему и жертвуя ему лучшие куски пищи. Этим самым семья символизирует воскурение и жертвоприношение 13 Алтайским вершинам. Судя по имеющимся у нас сведениям, у ойратов-монголов существовал также обряд «получения милости хозяина Алтая». Он заключался в жертвоприношении горам Алтая и «Обонам». Выполнялись эти обряды по трем установленным канонам: а) всем обществом; б) всей семьей и в) отдельным человеком. Отметим, этот традиционный обряд — сохранился до настоящего

времени и совершается он — жертвоприношения «обонам», как поклонение человека своей земле, своей Родине. Однако клятва Родине всем обществом, пока у нас еще не возрождена.

Разнообразны и многочисленны у ойратов обряды, совершаемые с разбрызгиванием молока — «Сацал ?рг?х». Самый главный из них совершается ими — разбрызгивается самая лучшую часть молока или другой жидкой пищи — в честь хозяев - духов Земли и Неба. Наиболее почитаемым из таких обрядов является обряд разбрызгивания, совершающийся утром первого месяца весны, т. е. по случаю «Цагаан сара». Назначение данного обряда состоит в испрашивании у хозяина Алтайских гор благополучия в наступившем новом году. Утром первого дня «Цаган сара» алтайские урянхайцы, производя разбрызгивание молока, произносят, как правило, следующие слова:

Торгон унгут Алтай минь
Тосон унгут дэлхий минь
Хавтгайдаа халътуулалг?й
Моголцогтоо мухуулуулг?й
Гадаа туу гэх гарз ?г?й
Гэртээ ёо гэх томуу ?г?й
Чонын аманд чулуу хийж
Чутгурийн аманд хумхи хийж
Уршоож хайрла
Цойд хайрхан
Хар санасанд хад тэвр??лэж
Муу санасанд бут тэвр??лэж
Уршоож хайрла
Цойд хайрхан
Мунх тэнгэр Добун минь
Мунхжин Алун гуа минь
Идээ ундаа зооглогтун
Цойд хайрхан

Несколько иного характера были благопожелания и просьбы, которые высказывались захчинами:

Арван гурван Алтай
Дав давын бурхад
Бууц бууцын бурхад
Зооглон соёрхож хайрлагтун
Цоод хайрхан
Хавтгайг халтируулалг?й
Моголцогийг мухуулэлг?й
Тоо гэх томууг?й
Хай гэх ханиадг?й
Зунаа наар хийж
Зудаа цаар хийжхайрлагтун Цоод хайрхан
Элкэний дээд эзэн болсон
Найман минь
Эсэг идээ зооглогтун
Цоод хайрхан

Каждый ритуал разбрызгивания молока (или лучшей части пищи) совершался 4 раза на юг, а в остальные три направления — по 3 раза. В же целом, обряд совершался, естественно, в честь 13 Алтайских вершин. Разбрызгивание молока на юг подразумевало дар, предназначенный золотому Солнцу, Луне и Государственному гербу страны,

на другие же стороны — дар хозяевам-духам Алтайских гор и воды.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что обряд разбрызгивания молока (или жидкой пищи) у ойратов играл равную роль с обрядами остальных монголов. Из текста благопожелания видно, как почтительно относились ойраты к обряду разбрызгивания молока по случаю первого дня «Цагаан сара», что было и остается результатом представлений и верований ойратов в благосклонность хозяевам-духам Алтая за дарованную народу милость.

И, наконец, несколько слов об обрядах, связанных с охраной «диких местностей и воды». В народе с давних пор существует поверье в то, что Алтайские горы имеют одного хозяина, а их долины оберегаются разными духами, которые очень «скучные в отношении своих вещей». Такие местности со скучными духами-хозяевами почитались кочевниками (считываются и до сих пор) «дикими местностями», в которых запрещено было рубить деревья, поднимать камени, собирать лук, мусорить, выливать в воду молоко и сажу, погружаться в реку, прикасаться к «водным животным» таким, как змея, лягушка и другие, пугать диких зверей. Они верили, что, если нарушаются вышеперечисленные запреты, то «хозяева — духи» могут разгневаться и отрицательным образом повлиять на жизнь людей. К примеру, гора Улаанхайрхан, которую издавна почитают захчины, считается «дикой». В мифах о ней говорится, что дух Улаанхайрхан живет в своих владениях в виде волосатой девушки. Однажды охотник догонял ее как джейрана и выстрелил в него, тот подыхая, мучился очень долго [4, с. 58].

Сообщают мифы и о других хозяевах. Согласно им, некоторые места, особенно там, где соединяются концы холмов, называются местами, по которым, якобы ходят «дьяволы» («хий гүйдэлтэй газар»). Близи таких мест скотоводы, как правило, не ставят юрт, караванщики и другие путники обходят их стороной. В народе говорят, что в таких местах «земельные дьяволы» прячутся и там людям и скоту нет от них покоя. Хозяев таких «диких мест» люди абстрактно называют, «что-то земельное» и считают их невидимыми.

Сохранили мифы сообщения и об обрядах, связанных с охраной воды. Так, «сутрах», посвященных «возвышению огня» говорится об этом так:

«... Алтай хаан богд Алаг уул Эрчис,
Эмил, Бор тал, Или эхлэн
Намайг асарч хайрлаач
Хамаг газар усны эзэн болоод
Ялангуяя Булган, Чингэл,
?рэнгу Цагаан тал
Ендэрт Бумбат болоод
Энэ орны эзэн бугдээрт

Дээжий нь ургун тахина бид» [5, с. 44].

На территории, где проживали ойраты протекало много рек, в частности, Эрчис, Эмил, Бортал, Или, Булган, Чингэл, Урэнг? и другие, которым они приносили жертву. При прочтении

«сутр» люди неизменно называли хозяев-духов этих рек и просили их, чтобы они проявили к просителям свою щедрость и даровали им благополучие, чтобы уберегли их скот от джути, от наличия и состояния которого зависело качество жизни людей.

Кроме обрядов охраны и почитания крупных рек, совершали ойраты и обряды охраны источников и речушек. Если те и другие начинали, по словам кочевников, «свирепствовать», то в этом случае они совершили молитвы и «воскурения» у истока, жертвуя, в соответствии с обрядом «сэтэрлэх» духам «голубую козу». Наряду с этим, осуществлялось у истока «воскурение с ячменем и красной медью». И, если это не помогало, то люди просто перекочевывали на другое место.

Был и другой обычай «умилостивления» хозяев-духов речушки или истока: в начале каждого люди ставили «пеструю лягушку», сложенную из цветных камней ставили пеструю лягушку. Считалось, что хозяину-духу речушки или истока бывает приятно и радостно играть с пестрой лягушкой. Но самым ярким свидетельством охраны ойратами речушек и источников являлся обряд «воскурения Луста и жертвоприношение». В соответствии с ним, у самого верховья реки люди совершали «воскурение» и молебен Хозяину воды. Этими и другими «водоохранными» обрядами, ойраты выражали свое почтение духам воды, а с другой стороны, веря, что выполнением того или иного обряда они способствуют сохранению своего благополучия и сохранность своего скота. Но реальный результат этих водоохраных обрядов заключался в том, что они своим «почтанием» Хозяина воды способствовали сохранению чистоты рек и источников, сохранению природы-матери в целом.

Подытоживая все высказанное, можно сделать несколько выводов. *Первый*, ойраты, как и другие народы Монголии, другие кочевники-скотоводы соседних регионов с древних времен и до сегодняшнего дня сохранили глубокое уважение к Земле-матери, Небу-отцу, к Солнцу, Луне, Звездам и планетам, а также к духам гор, воды, природе, создав, в конечном счете, комплексную системуохранных обрядов. *Второй*, традиционные обряды охраны природы у ойратов (монголов-захчинов), тюрков Саяно-Алтая, их мировозрение не было подчинено (в зависимости от территории или этнических моментов) какому-то одному определенному образу. Будучи разными по форме или содержанию, они, тем не менее, являли собой единую природоохранную культуру, которая стала неотъемлемой частью кочевнической цивилизации. *Третий*, в отношении содержания и принципа природоохраных обрядов у ойратов (захчинов) и алтайских урянхайцев, в первую очередь, выделяется почитание и уважение природы, сохранение ее, а также твердое понимание того, что от ее сохранности всецело зависит жизнь человека и его благополучие. И, наконец, *четвертый*, при совершении традиционных обрядов, в расчет брались не только определенные дни и время, но и уровень и

«качество жертвоприношения» в ходе природоохранительных обрядов, а также сложившееся у кочевников-скотоводов понимание роли и влияния традиционных природоохранительных обрядов на кочевое хозяйство, его территориальное размещение, особенности его ведения у разных народов, что в немалой степени сказалось (и продолжает сказываться по сей день) на их культурном и духовном развитии.

Библиографический список

1. Наянтай. С. Одоогийн урианхайн Оорцог ястан ба эртний оорцогчуудын харыдааны тухай анхан ажиглалт. Ойрадын судлал. Урэмч хот, 1993.
2. Цэрэнсадном. Д. Монгол ардын домог?лгэр (эмхэтгэж, удиртгал, тайлбар бичсэн Д. Цэрэнсадном). УБ, 1989.
3. Бадамхатан. С. Лхагвас?рэн. И. Алтайн урианхай. Монгол улсын угсаатны зүй. УБ, 1996.
4. Бямбаа.Ж. Захчингуудын байгаль ш?тэх ёсон. Монголчуудын байгаль хамгаалах ёс заншил, уламжлалаас. УБ., 2001
5. Цолоо Ж. «Газар тахих судар оршивой». «Арван гурван Алтайн сангуд оршивой». Хэвлэлд бэлтгэсэн Ж.Цолоо.УБ.1999.

Ховдский государственный университет, Республика Монголия

Получено 09.11.08

Ganbold O.M. The tradition ceremony of guarding nature by nomads (on the example of altaian uryanhayts and zahchins). The article devoted the stady of traditions worship of nomads (on the example of altaian uryanhayts and zahchins) — the population of Sayan-Altai and West Mongolia.

Sayan-Altai, West Mongolia, beliefs, ceremonies, traditions, esteem of Sky, Sun, Moon

УДК 902

Мезенцев Р. В., Модоров Н. С.

К вопросу о формировании морально — нравственных «добротелей» в характере М. Я. Глухарева (1792-1847) — будущего просветителя народов Алтая

В статье на основе опубликованных источников освещен процесс формирования морально-нравственных «добротелей» в характере М. Я. Глухарева (1792-1847) — будущего просветителя народов Алтая

Русская Православная церковь, священник, монах, семинария, духовное училище, просветитель Алтая.

В истории Русской Православной церкви XIX века есть немало замечательных подвижников. Одним из них церковные и светские историки единодушно называют преподобного Макария (Глухарева), памяти которого были посвящены традиционные (уже VII — по счету — Авт.) «Макарьевские чтения», прошедшие в ноябре 2008 года в Горно-Алтайском государственном университете. За свою сравнительно короткую земную жизнь он, по свидетельству кандидата богословия С. В. Нестерова, оставил «значительный след в духовной, церковной, научной и общественной жизни России [1, с. 5]. Об этом, кстати, со всей определенностью говорилось в 2000 году, на Юбилейном Архиерейском Соборе, канонизировавшем «преподобного Макария». В особенности отметил он заслугу о. Макария — ученика «святителя Филиарета» (в миру Дроздов Василий Михайлович, митрополит Московский, прославленного ныне в лице святых — Авт.), последователя преподобного Паисия Величковского и «иных святых старцев» — в деле «создания духовной миссии на Алтае» и приобщении «тамошних инородцев к вере Христовой, в обучении их грамоте», а также как «главного деятеля перевода Библии на русский язык, создателя концепции организации миссионерской деятельности Русской Православной церкви» [1, с. 5].

Отмечая заслуги архимандрита [2] Макария, исследователи — и церковные, и светские — неизменно отмечали (да и сегодня отмечают) его «высокие нравственные начала», основы которых во все времена закладывались, как известно, и воспитывались родителями. И Михаил Глухарев в этом плане не составил исключения. Кем же были его родители?

Согласно источникам, отец Михаила — Яков Михайлович Глухарев — был священником Введенской соборной церкви (г. Вязьма, Смоленской губернии. — Авт.), а мать — Агафья Федоровна — была домохозяйкой и отличалась, согласно документа, особенным благочестием и строгостью христианской жизни» [3, с. 627]. Священника Иакова, имевшего (что было тогда большой редкостью не только для конца XVIII века, но и для первых десятилетий XIX столетия — Авт.) полное семинарское образование любили и уважали вяземцы «за проповеднический дар и высокие нравственные качества, а особенно — за любовь к благотворительности» [1, с. 9]. Эту «любовь» отца к «слову Божию», интерес к проповеди и его бескорыстие унаследовал от родителя и сын.

Немало доброго унаследовал он и от матери — женщины «умной и хорошо образованной (по тому времени — Авт.), отличавшейся добротой, кротостью и смиренiem». Эти ее черты, особенно мягкость характера, вне сомнения, передались и сыну. Этого не будет он отрицать в последующем. О благотворном влиянии не него матери о. Макарий тепло отметит потом своей «Исповеди». В ней же он с грустью отразит свою безмерную скорбь и сожаление по поводу ранней смерти матери [4, с. 29-30].

Воспитание в «благочестивой семье» многое дало впечатлительному и одаренному от природы мальчику, «бездостатку впитавшему в себя родительские добродетели». Благодаря им, в душе Михаила с малых лет укоренились «семена страха Божия и благочестия». В родительском же доме получил мальчик и первоначальное образование. Благодаря родителю, не жалевшему времени на занятия с сыном, последний уже в семилетнем возрасте стал самостоятельно делать переводы с русского языка на латинский и обратно [1, с. 10].

Это обстоятельство сыграло не последнюю роль при поступлении Миши Глухарева на учебу в Вяземское духовное училище: «восьмилетний отрок» был сразу принят в третий класс. Прилежность и благонравие нового ученика понравились всем учителям. Но произошедший однажды в классе случай, буквально шокировал благовоспитанного мальчика. «Я, — напишет потом в своих воспоминаниях о. Макарий, — не успел однажды выучить заданного большого урока, за что учитель пригрозил мне: «Если ты опять не выучишь урока, я спорю тебе всю кожу от шеи до пят». Как ребенок, я принял эту угрозу буквально и, воз-

вращаясь домой, проплакал всю дорогу, [а] это было зимой — я простудился и заболел,.. проболел полгода [и] чуть не умер. [Вот] с тех пор и грудь, и голос у меня стали слабыми» [5, с.229-246]. Эта болезнь, последовавшая после «грубой не педагогической выходки учителя», будут потом — в один голос — утверждать биографы архимандрита, «серъезно ослабила (если не сказать больше, «подорвала») здоровье юного Глухарева. Наложила она свой отпечаток, причем существенный, и на натуру последнего. Характер у него, по свидетельству биографов, выработался — и стал набирать силу — «нервный, порывистый и нетерпеливый» [5, с.229-246].

Свою «лепту» в этот «воспитательный процесс» внес и переезд юного Глухарева из Вязьмы в Смоленск, для учебы в духовной семинарии. Нахождение «вдали от родительского дома», а также «окружение товарищей по семинарии», которые в большинстве своем были «ленивы, а иные — даже порочны», естественно, повлияли — причем негативно — на нравственность семинариста Глухарева, о чем он не преминет упомянуть в своей «Исповеди» [4, с.29-30]. В отличие от простого обычая или традиции, понимал Михаил (это он будет утверждать и проповедовать всю свою жизнь — Авт.), нравственные нормы получают, — как мы говорим сегодня, — «идейное» обоснование в виде идеалов добра и зла, должного и справедливого, одобрения или осуждения и т. д. Эти морально-нравственные «устои» семинариста Глухарева прошли «достойную проверку» в 1812 году. Начавшаяся война прервала его учебу. Во время этого «вынужденного перерыва» он стал «домашним учителем» детей тверского помещика. Уча их и нравственно наставляя своих питомцев», одаренный и восприимчивый семинарист учился и сам. Порукой тому — приобретенные им за год умение держаться в светском обществе и та благовоспитанность, которая выгодно будет выделять и отличать его впоследствии среди студентов Петербургской духовной академии, «показывавшего не только превосходные успехи во всех науках», но и «блиставшего добродетельным поведением»[4, с. 2].

Эти «высокие нравственные качества» студента Глухарева отмечали и преподаватели академии, и его «товарищи» по учебе. Но, если первые неизменно подчеркивали его «отменную прилежность, чистосердечие, молчаливость и кротость», то вторые акцентировали свое внимание на «живости его характера, некоторой подвижности поведения товарища и особой его благовоспитанности и его светских манерах» »[4, с. 2].

Все вышеотмеченные «добродетели» студента Глухарева не были забыты и тверским помещиком, чьих детей обучал он в его доме в 1812 году. Поэтому, приезжая каждый год «жительствовать» на зиму в Петербург, он частенько приглашал Михаила в гости. Посещая его дом, «бывший учитель» вплотную соприкасался с жизнью «света» столичного общества, с его «добрьми и недобрыми манерами и навыками».

Но, отдавая должное последнему в деле воспитания у студента Глухарева морально-нравствен-

ных «добродетелей», не будем забывать, что главным воспитателем их у сына, по-прежнему, остался его отец. Об этом в полной мере свидетельствуют письма последнего. Наставляя сына нравственно, Иаков Михайлович советовал «другу своему Михаилу» питать по отношению к начальству и товарищам чувствауважения и «смиренного уничижения, ибо смирение вознесет [тебя]» [6, с. 965]. К экзаменам же он рекомендовал сыну готовиться с покаянием и молитвой. «Мира, — наставлял отец сына, — не люби, плоти — не угоди, лести неприязненной — не послужи» [6, с. 966]. Особенно предостерегал родитель Михаила от «угождения плоти» и всевозможных увлечений. «Сложение твое, — писал о.Иаков, — пылкое, побережь себя — [значит] поживешь», а не побережь (это не написано, но подразумевалось — Авт.) — значит себя погубишь» » [6, с. 967].

В июле 1817 года, «успешно пройдя курс обучения», М. Я. Глухарев окончил — со степенью магистра — Петербургскую духовную академию и был направлен в Екатеринославскую духовную семинарию в качестве преподавателя церковной истории и немецкого языка. В связи с вышесказанным, у исследователей, особенно церковных, не раз вставал закономерный вопрос: «А почему отличник учебы, «благочестивый, скромный и глубоко религиозный, изящный в манерах и приятный в обращении студент не был оставлен в «alma mater» после ее окончания? И никто из них не дал — по сей день — убедительного ответа на этот вопрос. Более вразумительно, по общему их признанию, ответил на него — в свое время — И. А. Чистович. Касаясь этой проблемы, он заявил, что «не оставлению Глухарева в академии преподпрепятствовали какие-то предубеждения против него, возникшие еще до окончания им академии». Но, какие именно были на то причины, исследователь об этом не сказал [6, с. 965].

Прибыв в сентябре 1817 года в Екатеринослав (Днепропетровск с 1926 г. — Авт.), молодой профессор церковной истории и немецкого языка «удостоился внимания» архиепископа Екатеринославского Иова (Ф. Потемкина, двоюродного брата фаворита и сподвижника Екатерины II — Авт.) и стал вскоре ректором уездного и приходского духовных училищ. Это назначение сразу же окунуло его в «атмосферу бытия местного училищества и его бывшего начальства». Оно же, по свидетельству «Екатеринославских Епархиальных Ведомостей», было незавидным. Многие училищные преподаватели получали за «свои труды несоизмеримо малое вознаграждение», что становилось главной причиной их «охлаждения к своему делу». Усугублялось их «бытие» и «унизительным отношением к ним начальства». Все это вместе взятое и приводило к тому, что «всякого рода дары и подношения учителей начальству, а родителей учеников — тем и другим, стало обычным делом и не считалось грехом» [8, с. 116-117].

Среда, в которой оказался магистр Глухарев, претила ему и как преподавателю, и начальнику, и как бескорыстному, исполнительному и честному человеку. Мягкий по натуре, он был чужд лю-

бой грубости по отношению к коллегам, а тем более — к подчиненным. В обращении с учениками Михаил Яковлевич с первых же дней своего учительствования (а это было в имении тверского помещика — Авт.) практиковал и придерживался «дружелюбного и сердечного тона», а в отношении воспитанников к своим обязанностям — «был строг и взыскателен», требовал от них «постоянного внимания на занятиях и отчетливых знаний» [9, с. 9]. Несмотря на это, последние полюбили учителя, потому, что он относился к ним «как отец родной», был справедлив, лицеприятен и «через него сходил на них дух благости Божией» [5, с. 238].

Однако бескорыстие, честность, исполнительность и «обширность познаний» М.Я.Глухарева пришли не по душе многим его сослуживцам и особенно ректору семинарии — о.Никифору — «человеку, — по свидетельству архимандрита Владимира)начальника Алтайской духовной миссии в 60-70-х гг. XIX в. — Авт., — старого закала... строгого до несправедливости» [10, с. 10]. Особую неприязнь у него вызывали принципиальность и неподкупность, образованность, единненность и скромный образ жизни Михаила Яковлевича. «Подыгрывая» о.Никифору, недовольные сослуживцы молодого профессора «скорбели», что пост инспектора достался «юноше, коей отважился заводить новые порядки». В силу этого, «недовольцы» неприязненно стали относиться к Глухареву [1, с. 16].

Но были в семинарии и лица, кто открыто приветствовал «начинания» молодого профессора. В числе их были учитель приходского училища, священник И. Герболинский, священник К. Махновский, учитель семинарии А. С. Понятовский и иеросхимонах Ливерий. «Всех нас, напишет потом И. Герболинский, — сближало глубокое благочестие, присущее каждому, а также стремление к духовной созерцательной жизни... Знакомство для меня с М. Я. Глухаревым — этим необыкновенным человеком — было величайшим Божиим благодеянием... Ему я обязан не только образованием моего ума и воли, но и нравственным направлением моей жизни» [5, с. 230].

Оказывая нравственное влияние на других, М. Я. Глухарев не стеснялся «учиться хорошему, нравственному» и у других, в частности, даже у «лично нерасположенного к нему архиепископа Иова», применявшего к молодому профессору «разного рода воздействия» с целью «обуздания его гордости и своеволия...» а также «низложения его высокоумия» [4, с. 32]. Лишь со временем поймет будущий просветитель наследников Алтая, что «действия Преосвященного», принятые им «враждебными» по отношению к себе, были на самом деле «особыми воспитательными мерами Владыки, любившего его, а потому не закрывавшего глаза на наши недостатки» [4, с. 32]. Именно этим объяснялось «холодное отношение Преосвященного Иова к нашему прощению о пострижении». Действительно, откуда было знать тогда (в январе 1818 г. — Авт.) Михаилу о прощении архиепископа, направленного им в Святейший Синод. В нем же он характеризовал М. Я. Глуха-

рева, как человека «поведения честного, правил твердых и постоянных и к монашеству склонного надежно» [4, с. 11]. Не ведал тогда Михаил и о том, что, спустя полгода (24 июня 1818 г. — Авт.), его постриг совершил именно Владыка Иов, а на следующий день — он же рукоположит его, монаха Макария (так наречен он был в честь преподобного Макария Великого — Авт.), в иеродиакона [11], а еще через три дня — в иеромонаха [12]. После всего этого, иеромонах Макарий будет причислен указом Святейшего Синода «к братии Киево-Печерской лавры [1, с. 17].

Со временем не только этими «благодеяниями» Преосвященнейшего Иова будет гордиться о.Макарий, но и тем, что «заметивший его Владыку» был «единственным русским епископом XVIII века, сформировавшимся под духовным руководством старца Паисия Величковского» [13, с.309]. Не преминет он также подчеркнуть, что архиепископ Иов был для паства примером «чистой и простой веры, твердой и мужественной добродетели, явлением духа и силы к себе и стаду Христову... К чему бы ни прикасался он по должности, все начинало гореть, и горело» до тех пор пока «не сгорало что-нибудь своеевольное и беспорядочное...» [1, с.18]. Последнее замечание о.Макарий, без преувеличения, «приписывал» себе, к своей «ученой гордости и прикрытых ею страстих плотских, от которой помог ему избавиться Владыка Иов [4, с.34-36].

Но еще большее влияние на становление личности будущего просветителя «туземцев» Алтая, его нравственности оказал ученик и племянник «преподобного Паисия Величковского» иеросхимонах [14] Ливерий. Окончив в юности «несколько классов Киевской духовной академии, он ушел потом в монастырь, к «старцу Паисию, от коего принял и пострижение». Ливерий высоко ценил «деяния и наставления» своего учителя. В дальнейшем, он и сам будет пользоваться всеобщим уважением. Глубокая религиозность, опытность в духовной жизни, общительность и чистосердечие магнитом будут притягивать к нему людей. Впоследствии, о.Макарий, вспоминая своих наставников, напишет, что, когда «Преосвященный Иов был против меня вооружен правдою Божией, то старец Ливерий был для меня постоянным служителем бесконечной любви и благости [которую], во всех переворотах я имел верный запас прохлады утешительной» [4, с. 33]. Но ее явно не хватало молодому профессору. Не хватало ее ему и после пострига, особенно, когда иеромонах Макарий сталкивался с «неурядицами» повседневной жизни семинарии и «низших духовных училищ», ректором которых он был назначен. Его принципиальность и честность были камнем преткновения при решении учебно-воспитательных и хозяйственных вопросов. Мало меняло что в этой ситуации и принятие им монашества и священнического сана. Более того, религиозность иеромонаха Макария даже стала предметом «глумливых насмешек». Но к ним он относился в полном соответствии с изречением апостола о том, что «люди, превратно его понимающие, судить иначе и не могут» (1 Кор. 2:15).

Словом, служба в Екатеринославской семинарии была будущему просветителю наследникам Алтая не только не по душе, но она и подрывала его слабое здоровье. Ссылаясь на это обстоятельство, он просит «высокое начальство» уволить его от должности инспектора. Благодаря содействию бывшего ректора Петербургской духовной академии, а ныне архиепископа Московского Филарета (в миру Василий Михайлович Дроздов), иеромонах Макарий переводится в Костромскую духовную семинарию, но не инспектором, как он просил, а ее ректором [1, с. 22].

Прибыв в Кострому, о.Макарий с головой ушел в работу. Но и на новом месте он столкнулся с теми же «беспорядками», из-за которых Глухарев вынужден был оставить Екатеринослав. Часть учителей, не поняв его «благородных устремлений» стала ему «в оппозицию», доставляя своими «деяниями» новому ректору «многие неприятности и огорчения». В силу этого, «живой и впечатлительный архимандрит Макарий не ужился и в Костроме» [15, с. 791].

Оказавшись в столь сложном положении, о.Макарий замыслил об «оставлении мирской карьеры». В пользу такого решения «свидетельствовал не совсем удачный опыт службы в двух семинариях». Укрепившись в мысли, что он не обладает нужными для работы на этом поприще качествами, о.Макарий решает в начале 1824 года оставить учебно-административную службу и уйти «на покой». Но «освободившись» в июле 1824 года от «нее», он не сразу покинул Кострому: затрудняли отъезд «финансовые дела», а также «неопределенность» с выбором обители, в которой о.Макарий нашел бы «желаемое спокойствие и уединение». Наконец, в сентябре 1825 года такая им была найдена. Ею стала Глинская Богородице-Рождественская пустынь (близ г.Путинки, Курской епархии — Авт.).

Главной причиной, привлекшей о.Макария в данную обитель, являлось то, что «ее строитель» — иеромонах Филарет — являл собою живое звено, связывавшее «Глинскую пустынь» с Софрониевой пустынью и Киево-Печерской лаврой, а через «оные с Афонским старчеством и школой преподобного Паисия Величковского». Подкупало будущего просветителя Алтая в настоятелем Глинской пустыни то, что он умел поддерживать у себя «строгий устав чиноположения Святой Афонской горы, длинные богослужения, постоянные труды и богомудрое духовное воспитание». И все эти «установления» игумен Филарет не позволял нарушать никому и от всех требовал «неукоснительного их исполнения». Потому-то, по свидетельству одного из его биографов — «схиархимандрита Иоанна (Маслова), иеромонах был готов судиться с нарушителем устава обители «на суде Божием» [16, с. 56].

В связи с «поступлением о.Макария под начало иеромонаха Филарета для учебы», возникла весьма своеобразная ситуация: учится, как правило, неопытный — у опытного, неученый — у ученика. С будущим просветителем Алтая получилось все наоборот. Как уже упоминалось выше, Глухарев «блестательно закончил Духовную ака-

демию, владел несколькими иностранными языками, являлся магистром богословия, был ректором Костромской духовной семинарии, настоятелем Богоявленского монастыря. И вот он — профессор богословских наук, в сане архимандрита приходит в глухую, Глинскую пустынь, чтобы учиться «у неученого, но опытного отца Филарета» [17, с. 46-47].

Но, как бы там ни было, «новый благочестивый наследник», умалившись «до Христова младенчества», с завидной настойчивостью повел борьбу в тиши «школы Христовой со своими страстями, миром и диаволом», да так «ревностно», что весной 1826 года он серьезно заболел и чудом избежал смерти [17, с. 150]. Едва став на ноги, о.Макарий снова взялся — с еще большим рвением и старанием — за «возделывание нивы души своей», постоянно прибегая в «сей изнурительной, но необходимой работе» к помощи и «опытным наставлениям» игумена Филарета, к творениям святых (Макария Египетского, Максима Исповедника, Амвросия Медиоланского, Дионисия Ареопагита, а также к Священному Писанию, бывшего для него, по его же словам, «хлебом насущным» [18, с. 12]. Так в повседневных «трудах и заботах» провел о.Макарий не один год, готовя себя к «лечению словом Божиим недужных». Весь мир, по свидетельству С. В. Нестерова, виделся будущему просветителю народов Алтая «большой больницей, наполненной всякого рода недужными» [1, с. 33]. Таковыми для о.Макария станут со временем «инородцы» Алтая, которых он и станет вскорости «наставлять на путь веры Христовой» и «излечивать» — в прямом смысле — от болезней человеческих, в переносном — от «язв язычества». Однако о том, как он будет это дело осуществлять, составляет тему уже другого разговора.

Библиографический список

1. Несторов С.В. Словом и житием. — М., 2005.
2. Архимандрит — старший монашествующий сан 2-ой степени священства (перед епископом), обычно его имеют настоятели православных монастырей.
3. «Смоленские Епархиальные Ведомости». 1904. №10.
4. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской духовной миссии / Под ред. И с предисл. К. В. Харламовича. — Казань, 1905.
5. «Странник». 1861. Т. 2. №5. Отд.1.
6. «Смоленские Епархиальные Ведомости». 1904. №16.
7. Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. — СПб., 1899.
8. «Екатеринославские Епархиальные Ведомости». 1878. №8.
9. Материал для библиографии основателя Алтайской миссии, архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) / под ред. Д. Д. Филимонова. — М., 1892.
10. Устав Православного Миссионерского Общества / сост. Начальник Алтайской духовной

РЕЦЕНЗИИ

Скифский период истории отличается своей высокоразвитой культурой, разнообразными элементами погребально-поминальной обрядности, произведениями декоративно-прикладного искусства составляющими в наше время сокровищницу мировой культуры. Скифо-сибирский мир представляет собой особый период древней истории Евразии. В самом словосочетании, как отмечают исследователи, в том числе и авторы рецензируемой авторы труда, кроется особенный пласт древней скифской культуры сформированной на территории широких сибирских просторов. История скифо-сибирского мира в подавляющей степени реконструируется по археологическим материалам и совершенно в меньшей-по греческим, персидским и китайским письменным источникам. Тем не менее, авторы делают необходимый и качественный анализ письменных источников, в частности, «Истории» Геродота, дающей нам сведения по социальной и политической истории Скифии (с.128). Отдельные сведения о наличие рабовладения содержатся в сочинениях Ксенофона, Аристотеля. Особая роль, естественно, и абсолютно справедливо, отведена археологическим источникам. К ним относится широкий предметный комплекс из раскопанных скифских, тагарских, пазырыкских курганов (с.92). Более 100 лет шло накопление археологических материалов, прежде всего на Украине, Поволжье, Южной Сибири. И все же проблему, по нашему мнению, представляет не всегда полная информативность закрытых погребальных объектов. Собственно устройство могилы и инвентарный перечень это некий овеществлённый остаток погребальной церемонии не дающий полного, исчерпывающего представления о мероприятиях до собственно похорон, так и после них, поэтому и здесь стоит согласиться с авторами, что для освещения этого вопроса, необходимо использовать широкий спектр источников для реконструкции, изучаемой проблемы. Касаемо вопроса поселенческих комплексов, оросительных каналов и мест добычи руды, отмечаем, что эти типы памятников изучаются вообще сравнительно недавно, что в необходимом объёме также отмечено в работе.

По всем вышеотмеченным позициям, рецензируемое учебное пособие представляет закономерный живейший интерес, для специалистов интересующихся древней историей Сибири и особенно студентов, ведь именно им оно адресовано. Оно представляет собой переизданное и, что действительно ценно, значительно дополненное, спустя 20 лет, издание научного и учебно-методического плана. Действительно, в настоящее время накоплено достаточное количество археологических данных по скифской эпохе, подробнейшим образом проанализирована социальная структура, религиозно-мифологические представления скифов, предметный комплекс, мировоззренческие аспекты изучаемых культур. В этом многообразии кроется двоякое свойство. С одной стороны, обилие материалов даёт широкую возможность для археологических интерпретаций, анализа материала, а с другой стороны, — начинающим студентам-археологам трудно ориентироваться во всём этом многообразии. Это пособие как раз призвано создать определённое представление об эпохе, сформировать базовое знание материала, призвано введению учащихся в курс интересующей проблемы.

Отличительная особенность представленной работы заключается в следующих важнейших положениях. Первое-в ней дана подробная характеристика природных условий и ландшафтных специфик зоны формирования культур скифского облика, что на наш взгляд представляет весьма существенным. Авторы, на всём протяжении евразийского степного пояса, выделяют несколько природных образований: засушливые степные территории по Волге, Южному Приуралью, Казахстану, чернозёмные степи по Дону, в Южной Сибири, горно-долинные территории Киргизии, Таджикистана и Саяно-Алтайского нагорья. Второе, в работе, в наиболее ёмком, а главное не размытом, плане отражены теории сложения изучаемых культур, вплоть до самых современных точек зрения исследователей в этом весьма непростом вопросе (с. 27). Из самых

Мартынов А. И., Елин В. Н.
Скифо-сибирский мир Евразии:
Учебн. пособие — М.: Высш. шк.,
2008 — 199 с.: ил.

последних исследований стоит отметить работы А.А.Тишкина, отраженные в докторской диссертации. Важнейшее место в учебном пособии отведено анализу факторов сложения единства культур скифо-сибирского мира. В частности всестороннему рассмотрению подвергнут экономический аспект, не меньшее внимание уделено разбору этнического и социального фактора на фоне идеологических и внешнеполитических событий. Важное место отведено характеристике типов хозяйства и даны основные отличительные особенности полукочевого степного способа в отличие от яйлажного скотоводства или оседло-земледельческого типа.

По нашему мнению, отличительной чертой рецензируемой работы следует считать и довольно богатый иллюстративный блок, создающий необходимое представление учащихся о материальном производстве, присущем тагарской, саргатской или пазырыкской культуре. Даёт она и яркую картину по методам ведения скифами животноводства, земледелия, ремёсел и промыслов. Заслуженное внимание исследователи отводят описанию основных технологических производств, например изготовлению одежды, ковров, керамике, кузнецкому делу, рыболовству, обработке дерева, кости и рога. Немаловажно расположение инвентарного комплекса в хронологическом порядке, позволяющем в наиболее общем схематическом плане представить эволюцию предметов вооружения, быта, культов. Особое место отведено анализу изобразительных мотивов звериного стиля ранних кочевников, анализу конской упряжи, особому оружию, сформировавшим скифскую триаду. Авторы, и это особенно важно, не ограничились только анализом особенностей скифо-сибирских культур, но и приводят в качестве сравнительного материала данные о скифских некрополях Северного Причерноморья, Крыма и Приднепровья. Необходимо также отметить и наличие в рецензируемой работе сведений по социальной структуре древних кочевников скифо-сибирского круга. В этой связи отмечена важность исследований П.К.Дашковского, посвященных социальной стратификации древних обществ. Воссоздана в ней и яркая картина, дающая представление о внутренней и внешней ситуации формирования, расцвета и заката изучаемых скифо-сибирских культур. Отмечены внутренние и внешние факторы обозначенных процессов. В пособии применён подход глобального рассмотрения скифской истории, а этапы сложения культур наглядно привязаны к мировым событиям, например военным походам. В этой связи учащиеся в необходимой мере получают осознание сложности происходящих некогда процессов и представляют скифский этап как некий насыщенный элемент мировых исторических событий (с. 138).

Заслуживает внимания библиографический список, использованных в процессе работы литературных источников. В частности ярким этапом скифологии следует считать труд М.П.Грязнова посвященный тагарской культуре, серию работ Л.Р.Кызласова -выдающегося специалиста по истории ранних кочевников, необходимо отметить огромный вклад С.И.Руденко в изучение алтайских скифов, А.П.Окладникова непревзойдённого знатока наскальных сюжетов, З.С.Самашева, А.И.Мартынова и многих других специалистов.

По меньшей мере, пять столетий в истории Евразии связано со скифо-сибирским миром. Культуры данного круга сложились в VIII в до н. э., достигли максимального расцвета за 500 лет до Рождества Христова и за два века до сего библейского события были вынуждены сойти с исторической арены под влиянием экспансии хунну и инфильтрацией мигрирующего населения в скифскую среду. Тем не менее, в этот период железо становится основным материалом, освоена верховая езда, роль коня приобретает такую важность, что он становится неотъемлемым атрибутом погребально-поминального церемониала. В этот период широкое распространение приобретают переносные жилища, формируется культ героя-война, который в последующие эпохи получит своё окончательное развитие. Самое главное, что достижения человечества в скифскую эпоху были сохранены и стали важнейшим, а иногда и определяющим компонентом, сложения культур связанных с эпохой Великого переселения народов.

В заключение остаётся лишь пожелать, что будущее переиздание представленного учебного пособия, а необходимость в этом через некоторое время обязательно наступит, исходя из бурных темпов развития науки о скифах, будет снабжено уже цветными иллюстрациями, что способно еще более привлечь внимание читателей к столь ярчайшим, оригинальным предметам, изготовленным представителями древнейших кочевых цивилизаций. Однако в настоящее время, рецензируемая работа и в таком виде представляется весьма актуальной, максимально востребованной, ибо она создаёт яркое впечатление о событиях древней истории и явится, в чём нет никакого сомнения, хорошим подспорьем не только студентам-историкам, но и уже состоявшимся исследователям.

Следует надеяться, что творческий союз авторов будет продолжаться ещё долгие годы, результатом чего станут новые интересные публикации научного, научно-популярного и учебно-методического плана.

Э. П. Дворников
(Горно-Алтайский государственный университет)

ИНФОРМАЦИЯ

Уважаемые коллеги!

Поволжский филиал Института российской истории РАН совместно с Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН проводят заочную дискуссию на тему: «Местное управление Российской империи и ее Урало-Поволжского региона в пореформенный период: механизмы власти и их эффективность».

Приглашаем Вас и Ваших коллег принять в ней участие, ответив на нижеследующие вопросы. Предполагается, что участник дискуссии может ответить на все либо на часть из них (с указанием номера вопроса), а также ограничить свой анализ удобными ему территориальными (вся империя или любая ее часть) и хронологическими (любой отрезок времени внутри 1860-х — 1917 гг.) рамками. При этом общий объем Вашего материала не должен превышать 0,7 п. л. Научно-справочный аппарат может представлять собой ссылки на работы автора, где тот или иной вопрос раскрыт подробнее.

ВОПРОСЫ К ДИСКУССИИ

- Какое содержание Вы вкладываете в понятия «местное управление», «местное самоуправление», «губернское управление», «губернская администрация»? Как соотносите их между собой?

- Каковы, на Ваш взгляд, критерии определения эффективности местного управления и отдельных местных государственных учреждений в ретроспективном анализе? Какие теории и методы в разработке проблемы эффективности местного управления кажутся Вам сегодня наиболее перспективными?

- Насколько, на Ваш взгляд, благоприятными, то есть способствующими высокой эффективности были формально-юридические условия функционирования местного управления Российской империи во 2-й половине XIX — начале XX вв.?

- Насколько, на Ваш взгляд, социокультурный облик служащих благоприятствовал эффективному функционированию системы местного управления? Как Вы считаете, можно ли рассматривать профессионализацию корпуса государственных служащих в пореформенной России как безусловный показатель повышения эффективности управления?

- Как Вы считаете, сколь определяющим с точки зрения эффективности реализуемых механизмов власти был т.н. «личный стиль» управления, присущий конкретным руководителям регионального масштаба? Были ли в истории порефор-

менной России периоды и территории, когда и где личные характеристики руководителей региона в большей степени определяли эффективность управления, чем сложившаяся система управления?

- Можно ли, на Ваш взгляд, считать губернатора реальным «начальником» губернии? Если нет, то чья фигура или совокупность фигур в губернии исполняла эту функцию? Была ли такая фигура на уровне уезда в пореформенный период?

- Как Вы считаете, сопровождалось ли реформирование системы местного управления 2-й половине XIX — начале XX вв. повышением ее эффективности? Целесообразны ли были многочисленные нереализованные проекты ее преобразований?

- Каким образом, на Ваш взгляд, межведомственные противоречия отражались на эффективности местного управления? Способствовали ли они выработке консенсусных решений?

- Насколько, на Ваш взгляд, эффективны были механизмы взаимодействия губернской администрации с земскими и городскими органами управления, с сословными (дворянскими, крестьянскими) органами управления в пореформенный период?

- Каковы были, на Ваш взгляд, наиболее характерные для местного управления механизмы власти, т. е. способы приятия и реализации решений? Насколько самостоятельной, на Ваш взгляд, была роль

канцелярских работников в этом процессе?

- Имела ли, на Ваш взгляд, система местного управления пореформенной России отработанные каналы «обратной связи» с жителями региона для корректировки уже принятых решений?

- Какова была, на Ваш взгляд, эффективность «обратной связи» между центром и регионами во 2-й половине XIX — начале XX вв.? Насколько адекватно было информировано руководство государства о деятельности местных властей?

- Как Вы считаете, наблюдался ли в пореформенный период процесс снижения уровня коррупции и волокиты в системе местного управления империи?

- В чем именно, на Ваш взгляд, заключалась поволжская и уральская управленческая специфика в пореформенный период? Как Вы считаете, какова, в управленческом контексте, суть понятия «внутренняя периферия» применительно к Урало-Поволжскому региону? В чем, на Ваш взгляд, заключалась управленческая специфика иных регионов империи?

- Каков, на Ваш взгляд, информационный потенциал федеральных и местных архивов при изучении эффективности системы местного управления пореформенной России? Как Вы считаете, насколько информативны сохранившиеся материалы ревизий органов местного управления для оценки эффективности последних?

Челябинский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра Отечественной истории и МПИ

Научное общество
«Философия истории»

Научно-исследовательская лаборатория
«Теория истории»

7-9 апреля 2009 года

проводит

**V Всероссийскую научно-практическую конференцию
«Традиционные общества: неизвестное прошлое»**

В рамках конференции предполагается работа следующих секций:

1. Традиционные общества: теоретико-методологический аспект.
2. Политический аспект жизни традиционных обществ.
3. Социально-экономическая сфера традиционного общества.
4. Культура в традиционном обществе.
5. Человек в системе традиционных обществ.
6. Русское православное традиционное общество
7. Традиционное общество в условиях модернизации
8. Традиционное общество и интеллигенция: противоречивый диалог

Материалы конференции направить в оргкомитет до 1 февраля 2009 г. Объем 5-7 страниц (электронный вариант), поля: верхнее и нижнее — 2,5 см, левое — 2,5 см, правое — 1,5 см, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1, отступ — 1,25, выравнивание по ширине, без переносов; сноски концевые, в квадратных скобках, выставляются в алфавитном порядке, с последующим указанием номера в тексте (1... [1, с. 45]). На первой странице в правом верхнем углу печатается фамилия и инициалы автора, место учебы (работы), далее через пробел по центру печатается название материалов, ниже через пробел материалы.

Оргкомитет оставляет за собой право не включать в сборник материалы: не отвечающие тематике конференции, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, поступившие после установленного срока, а также работы, электронный вариант которых имеет вирус.

Размещение осуществляется за счет участников, Оргкомитет гарантирует бронирование мест в гостинице.

ЗАЯВКА
на участие в V Всероссийской научно-практической конференции

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Место учебы (курс) _____

Секция конференции _____

Тема выступления _____

Адрес для переписки (E-mail) _____

« ____ » _____ 200 ____ г. Подпись: _____

ВНИМАНИЕ! Стоимость страницы текста — 50 р. Оплата осуществляется после того, как автор вышлет текст публикации (почтой или электронной почтой) и получит подтверждение о включении материалов в сборник. После этого необходимо перечислить сумму на счет Челябинского государственного педагогического университета (банковские реквизиты будут указаны в подтверждении) и переслать копию платежного поручения.

Адрес оргкомитета: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д.69.
Деканат исторического факультета, ауд. 263.
Оргкомитет конференции.
Телефон: (351) 239-36-49
E-mail: nilFI@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Факультет политических наук Алтайского государственного университета формирует сборник научных статей «Теология и религиоведение. Вып.3», посвященный памяти доктора философских наук, профессора Александра Федоровича Управителева

Основная тематика сборника

- Теоретические и прикладные аспекты изучения религии
- История религиоведения как науки
- Психология и философия религии
- История религий народов мира
- Религиозный фактор в социально-политической истории
- Научная и религиозная картины мира
- Религия и право
- Религиоведческое и религиозное образование
- Этноконфессиональные исследования в Сибири и Центральной Азии
- Жизнь и творчество А.Ф. Управителева
- Воспоминания коллег, учеников и друзей об А.Ф. Управителеве

Для публикации статьи в сборнике необходимо до 1 февраля 2009 г. прислать ее текст (в печатном и электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст и иллюстрации до 10 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 2,5 см). К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Образец оформления статьи:

В.А. Васильев

Алтайский государственный университет, Барнаул

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В НАЧ. ХХI В.

Ссылки в тексте: (Васильев В.А., 1991, с. 32)

Библиографический список:

Васильев В.С. Религиозная культура России. М., 1991. 250 с.

Павлова Н.В., Орлов П.В. Этноконфессиональная ситуация в Бурятии на рубеже XX-XXI вв. // Актуальные вопросы истории религии. — Омск, 2007. — С. 262-265.

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова-66,
Алтайский государственный университет,
кафедра религиоведения и теологии,
Дашковскому Петру Константиновичу

Электронная почта: dashkovskiy@rpn.asu.ru

(с пометкой теология и религиоведение)

Контактный телефон: (3852)366331 (деканат);

(3852)261581 (кафедра религиоведения и теологии)

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ
в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»**

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на диске) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first tame introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Сидоренко Д.И.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегчиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегчиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994. *и т.д.*